23 августа

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. **АВГУСТЪ.** 1916 годъ.

1951

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе: Портретъ рядового Турабаева.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1916 года.

К. А. Военскій. Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 28 сентября 1812 г. Неизданное письмо очевидца. Петроградъ. 1915 г.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію письма, К. А. Военскій съ особымъ, свойственнымъ ему искусствомъ, излагаетъ знаменательный пріѣздъ Лористона въ Тарутинскій лагерь такъ прекрасно и отчетливо, что по этому описанію можно было бы написать картину. Тутъ же приводится письмо Наполеона къ Кутузову слѣдующаго содержанія: Князь Кутузовъ Я посылаю къ Вамъ одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ для переговоровъ по важнымъ предметамъ. Я желалъ, чтобы Ваша Свѣтлость повѣрили ему, что онъ Вамъ скажетъ, особенно же когда онъ выразитъ Вамъ чувство моего особеннаго уваженія къ особѣ Вашей. При чемъ молю Бога, дабы Онъ сохранилъ Вашу Свѣтлость подъ своимъ Святымъ покровомъ. Наполеонъ. Москва. 3 октября 1812.

Лористонъ не сразу былъ допущенъ въ Тарутинскій лагерь. Послѣ значительнаго промежутка времени, онъ и отправленный навстрѣчу къ Лористону Волконскій прибылъ въ Тарутинскій лагерь къ Кутузову, который имѣлъ съ нимъ наединѣ разговоръ. Послѣ этого Лористонъ возвратился обратно, а кн. Волконскій повезъ Александру I извѣстное письмо Кутузова, съ описаніемъ переговоровъ съ Лористономъ.

Послѣ этого авторъ излагаетъ содержаніе самого письма очевидца событія. Онъ рисуетъ событія и обстановку пріѣзда Лористона схоже съ дѣйствительностью, передаетъ положеніе нашихъ войскъ, ихъ настроеніе, разговоры военачальниковъ, свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ партизановъ и предположенія о грядущемъ мирѣ. Небольшая книжка эта читается съ большимъ интересомъ.

Вѣнокъ Врангелю отъ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Петроградъ. 1916 г.

Въ статьяхъ А. Ѳ. Кони, П. П. Вейнера, С. Л. Бертенсона, В. А. Верещагина, А. Н. Бенуа, С. Ѳ. Ольденбурга,

К

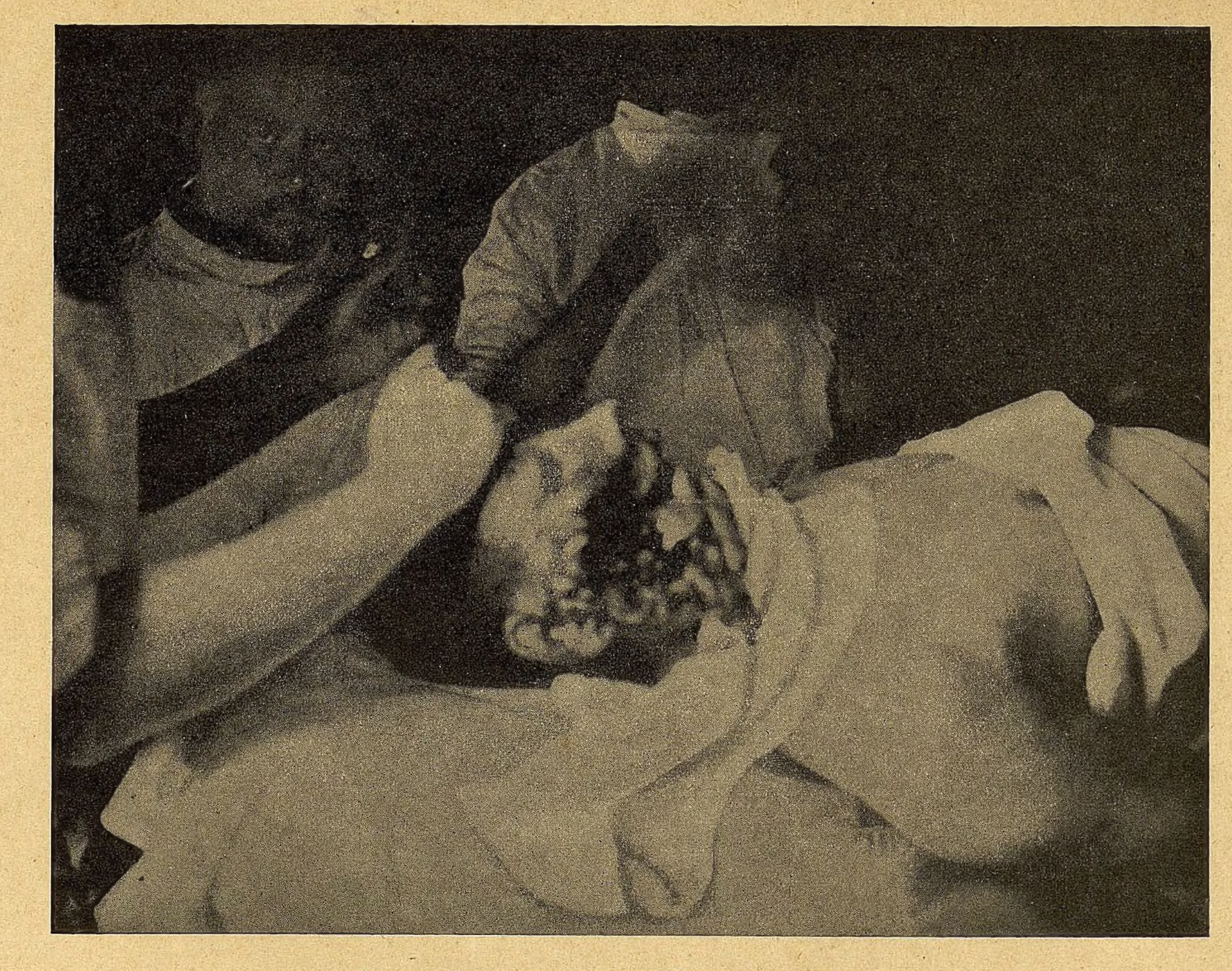
Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ принимающихъ подписку.

Вслѣдствіе вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ, редакція журнала „Русская Старина“ доводитъ до свѣдѣнія, что **съ 1-го января будущаго 1917 года, она вынуждена подписную цѣну увеличить на одинъ рубль.**

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи, **вмѣсто 10-ти рублей—11 рублей; за границу, вмѣсто 12-ти рублей—13 рублей.**

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Фонтанка, 18.

Рядовой Стрѣлковаго полка Бирахманъ Турабаевъ.

За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминанія г. Глѣбовой).

Глава 4[1].

Начались правильные уроки танцевъ. Позиціи и первые пріемы я усвоила очень скоро. Дядя былъ очень доволенъ мной, и я очень скоро начала разучивать характерныя па. Особенно хорошо мнѣ удавался чардашъ. Преподаваніе обыкновенно начиналось послѣ обѣда, по возвращеніи его съ занятій. Утро и день мы были предоставлены самимъ себѣ. Свои познанія я передавала сестрѣ. Не знаю, была ли я плохимъ педагогомъ или у сестры не было способностей, но она воспринимала все очень туго, что́ меня весьма огорчало. Когда мое преподаваніе заканчивалось, мы съ сестрой отправлялись до обѣда гулять. Тутъ я входила въ роль няньки, одѣвала сестру, осматривала, оправляла ее, и мы, какъ взрослые, но взявшись за руки, гуляли по улицамъ. Разъ даже заблудились и съ трудомъ нашли свой домъ.

За обѣдомъ я ухаживала за сестрой, кормила ее, вытирала ей губы, носъ и подкладывала кушанья. Первое время мнѣ было положительно дико не слышать руготни, не ощущать побоевъ. Я все это считала неотъемлемымъ, необходимымъ въ моей жизни; мнѣ казалось, что всѣ папаши на свѣтѣ такъ обращаются со своими дѣтьми и что иного обращенія, иной жизни быть не должно. Всѣ люди должны учиться, а стало быть и мой папаша училъ меня и поступалъ такъ, какъ поступать надлежитъ. И только по прошествіи нѣкотораго времени я поняла, что

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1916 г.

значитъ свобода, ласковое обращеніе, и жизнь мнѣ стала казаться пригляднѣй, пріятной, и въ головѣ зародились съ новой силой мысли о томъ, что я буду артисткой, но теперь я себя представляла танцующей чардашъ, если и не блондинкой, все-таки съ голубыми глазами. Къ дядѣ приходили знакомые, и онъ иногда просилъ меня протанцевать что-либо въ ихъ присутствіи; всегда просилъ и никогда не заставлялъ угрозами или приказаніемъ. Такимъ образомъ я привыкла къ танцамъ при постороннихъ и, слыша постоянно похвалы, съ удовольствіемъ исполняла желаніе дяди. Я танцевала съ увлеченіемъ и видимо увлекала и зрителей. Во мнѣ, что называется, разгорался артистическій огонекъ, меня влекло къ сценѣ. Я была и старательна, и внимательна, и послушна. Какъ-то дядя получилъ извѣщеніе, что мы съ сестрой должны пробыть у него нѣсколько мѣсяцевъ, что Леличка (мужъ) устраиваетъ какія-то дѣла, очень важныя, устраивающія его, но требующія продолжительныхъ хлопотъ.

Для дяди, вѣроятно, это былъ сюрпризъ; но онъ былъ удивительно добрый человѣкъ и продолжалъ быть съ нами ласковымъ и привѣтливымъ.

Я сдѣлалась въ родѣ хозяйки у него въ домѣ и койчто начинала понимать въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь однажды со службы, дядя почувствовалъ себя нездоровымъ. Лицо страшно измѣнилось, осунулось, и носъ заострился. Это я хорошо помню. Глаза были воспалены и блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Силы разомъ оставили его, и онъ обратился въ неподвижный пластъ. Жаръ у него былъ такой, что, стоя около него, я чувствовала этотъ жаръ. Я была его сидѣлкой, давала ему пить, давала куриный бульонъ, переворачивала его, помогала встать съ кровати, словомъ, исполняла старательно роль сидѣлки. Временами онъ совершенно терялъ сознаніе, все тѣло покрывалось сыпью. Прислуга его, простая, деревенская баба предложила дядѣ послать за докторомъ, но тотъ коротко отвѣтилъ:

— Не надо, все равно... чувствую, конецъ будетъ одинъ...

Попросила и я его: онъ ласково посмотрѣлъ на меня, на его глазахъ навернулись слезы, бѣлыя губы, запекшіяся, силились улыбнуться; руки не шевелились, и только пальцы странно перебирались.

— Маруся, не надо... милая, бѣдная дѣвочка... напиши матери, чтобы... пріѣхала... Въ верхнемъ ящикѣ въ комодѣ..

въ правомъ углу, возьмите деньги... истратитъ... на что понадобится... и...

Дядя не докончилъ, смолкъ. Онъ видимо лишился сознанія.

Я начала понимать, что происходитъ что-то страшное, и въ слезахъ бросилась на колѣни у кровати и стала цѣловать руку больного. Сестра смотрѣла широко открытыми глазами, а затѣмъ стала тоже плакать, за компанію со мной...

Дядя уснулъ или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что онъ уснулъ. Я тихонько на пальцахъ вышла изъ комнаты и сѣла у окна. Сестра Вѣра помѣстилась на подоконникѣ. Мнѣ стало грустно до ужаса, квартира показалась какой-то пустой, люди, идущіе по улицѣ, совсѣмъ, совсѣмъ чужіе, и какіе-то тоже страшные, холодные, безучастные къ моему горю. Такъ сидѣли мы съ сестрой довольно долго. Дядя спалъ, и мы боялись его разбудить. До насъ доносилось его короткое, прерывистое дыханіе, и какой-то легкій, шипящій звукъ вырывался вмѣстѣ съ дыханьемъ изъ груди и горла.

— Маруся, раздался внезапно окрикъ дяди. Звукъ голоса мнѣ показался какимъ-то необыкновеннымъ, надорваннымъ, не то испуганнымъ, не то удивленнымъ.

Я опрометью бросилась въ его комнату. Дядя полусидѣлъ на кровати и пристально смотрѣлъ, широко открытыми, воспаленными глазами.

— Маруся, обратился онъ ко мнѣ, указывая дрожащей рукой на занавѣсь, которой было закрыто его окно. Скажи мнѣ, ты видишь что-нибудь... Видишь...

Я посмотрѣла въ ту сторону, куда онъ указывалъ. Сквозь пеструю занавѣску ярко свѣтило солнце и узоры причудливо вырисовывались. Кромѣ ихъ я ничего не видала.

— Я, дядя, ничего не вижу, ничего...

— Не видишь, а лицо... лицо Спасителя... Онъ же смотритъ на меня и улыбается...

Черты больного озарились необыкновеннымъ счастьемъ. Я дрожала и вперила свой взглядъ на занавѣсь. Въ это время солнце зашло за тучу, и занавѣска потемнѣла.

— Ну вотъ... теперь никого нѣтъ... странно...

Дядя откинулся на кровать, закрылъ глаза и ускоренно дышалъ. Я снова вышла въ залъ и снова помѣстилась у окна. Сердце мое билось, руки и ноги дрожали, и должно

быть на лицѣ отразилось мое волненіе, потому что сестра спросила:

— Что съ тобой, Машенька, тебѣ больно?

Я успокоила сестру. За спиной раздался шорохъ. Я повернула голову, въ дверяхъ стояла прислуга. Она обратилась ко мнѣ.

— Барышня, пожалуйте ключи отъ комода, мнѣ надо достать чистую скатерть покрыть столъ...

Я дала ей ключи, и она тихонько отправилась въ комнату дяди. Черезъ двѣ, три минуты она вернулась, держа скатерть и отдавая ключи, и затѣмъ скрылась въ кухню.

Часы пробили два. Накрылся столъ. Я покормила сестру, заглянула затѣмъ къ дядѣ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами... Я спросила его:

— Хочешь бульону?

Онъ кивнулъ слегка головой въ знакъ согласія. Я налила въ тарелку, понесла ему, хотѣла кормить.

— Принеси еще ложку... я хочу, чтобы ты ѣла вмѣстѣ со мной, прошепталъ больной. Я поставила тарелку на стулъ и пошла за ложкой, чтобы исполнить его желаніе. Дядя ждалъ. Я давала ему ложку супу, а затѣмъ брала себѣ. Дядя довольно улыбался, и когда кончилъ ѣсть, особенно ласково произнесъ:

— Милая дѣвочка... да сохранитъ тебя Христосъ... иди... я буду дремать. Я, захватя тарелку и ложки, вышла. Только успѣла я поставить тарелку, какъ въ комнатѣ дяди раздался крикъ. Бросившись туда, я увидѣла его сидѣвшимъ, спустя худыя ноги. Глаза его бѣгали...

— Маша... я умираю... Маша, смотри же, въ комодѣ двѣсти рублей... похорони... остальные тебѣ... передай привѣтъ матери...

Онъ быстро всталъ на ноги и черезъ мгновеніе упалъ на постель. Грудь тяжело подымалась, въ горлѣ что-то клокотало. Я рванулась къ нему и, приподнявъ его, поддерживала голову. Безграничной благодарностью свѣтились его глаза. Онъ становился очень тяжелымъ; руки мои затекали, дрожали, и я боялась его уронить. Вдругъ онъ разомъ вытянулся, глаза широко открылись, все тѣло передернуло, и онъ, выпавъ изъ моихъ рукъ, неподвижно лежалъ на кровати... Я только взвизгнула, не понимая еще вполнѣ случившагося. Крикъ мой услыхала кухарка. Она вбѣжала въ комнату и, взглянувъ въ лицо дядѣ, произнесла:

— Прикончился...

Я вопросительно посмотрѣла на нее.

— Дядя померъ Вашъ... царство ему небесное. Хоронить надо.

Кухарка вышла. Я стояла окаменѣвшая. Слезъ не было... Горе мое было выше слезъ. Я потеряла душу добраго, честнаго человѣка, душу, которая первая приласкала, приголубила меня. Я ни разу не видала даже недовольства во взглядѣ, не то рѣзкаго, грубаго слова. Первый разъ я увидала смерть лицомъ къ лицу, въ первый разъ я ощущала ея холодъ, величіе и какую-то своеобразную тишину...

— Барышня, васъ человѣкъ спрашиваетъ, раздался голосъ кухарки. Я оглянулась и увидѣла мужчину. Это былъ черный воронъ-гробовщикъ. Не говоря ни слова, онъ снялъ мѣрку и вышелъ. Я слыхала, какъ кухарка шептала:

— Попроще, подешевле...

Глава 5.

Я и кухарка собственноручно обмыли тѣло, одѣли его и вмѣстѣ положили на столъ. Мнѣ было очень тяжело и трудно. Затѣмъ кухарка отправилась и откупила землю для могилы. Вообще она оказывала какія-то особенныя старанія и я невольно замѣтила, что она избѣгала смотрѣть мнѣ въ глаза. Къ вечеру принесли гробъ. Тѣло положили въ него, и гробовщикъ заявилъ, чтобы я уплатила десять рублей, что завтра онъ явится съ людьми, и они отнесутъ покойника на кладбище. Я взяла ключи и пошла за деньгами въ комодъ, но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто двухсотъ рублей я нашла въ немъ только двадцать пять. Не понимая, въ чемъ дѣло, я отправилась на кухню заявить объ этомъ кухаркѣ, но, увы, она собрала вещи и скрылась. Тогда мнѣ не пришло въ голову, что прислуга въ то время, когда брала у меня ключи, украла деньги, оставивъ незначительную сумму. Я расплатилась съ гробовщикомъ, и мы остались съ сестрой однѣ

Насталъ вечеръ. Намъ не приходило въ голову зажечь свѣтъ, и мы сидѣли въ потемкахъ. Кругомъ было тихо, тихо, но страха я не ощущала. Но вотъ выплыла луна и полосами раскинулась по полу. Мнѣ стало очень грустно

по дядѣ, и я безъ боязни отправилась въ комнату, гдѣ онъ лежалъ. Лунный свѣтъ ударилъ въ лицо покойника, и я остановилась передъ нимъ и долго смотрѣла въ его лицо. Онъ лежалъ, какъ живой, и легкая улыбка озаряла его лицо...

— Дядя, милый дядя, шептала я, и мнѣ казалось, что онъ меня слышитъ. Помолись за насъ, помолись!—и слезы прямо потоками лились изъ моихъ глазъ. Я подошла ближе и хотѣла его поцѣловать, но не смогла достать. Гробъ былъ широкій и бока мнѣ мѣшали. Тогда я пододвинула скамью, встала на нее и крѣпко, крѣпко поцѣловала дорогое существо. Прикосновеніе къ холодному остывшему трупу заставило меня вздрогнуть. Тутъ только я поняла вполнѣ, что такое случилось, и громко зарыдала. Сестра услышала и босикомъ въ одной рубашенкѣ прибѣжала ко мнѣ и удивленно смотрѣла. Я взяла ее на руки и помогла приложиться. Она заплакала и, чего-то испугавшись, не пожелала цѣловать дядю. Я не настаивала, и вотъ мы, одинокія дѣвченки, крѣпко взявшись за руки, стояли почти всю ночь у гроба. Сила сна наконецъ поборола насъ, и мы пошли спать. Сестра пожелала лечь со мной. Я согласилась, и вотъ мы заснули. Утромъ явился врачъ, кажется городской полиціи, осмотрѣлъ покойнаго, и я ясно услыхала слова: у него былъ сыпной тифъ. Надо отдѣлить дѣвочекъ и послѣ похоронъ дезенфецировать квартиру и на нѣкоторое время забить ее. Они ушли.

Я только нѣсколько лѣтъ спустя поняла, какой опасности мы съ сестрой подвергались; особенно я, соприкасаясь и кушая изъ одной тарелки куриный бульонъ. Могу сказать, не судьба мнѣ была умирать.

Я смотрѣла въ окно въ ожиданіи похоронъ и видѣла, какъ у воротъ стоялъ полицейскій, какъ подходили вѣроятно знакомые дяди и какъ спѣшно уходили, боязливо поглядывая на окна. Появились нищіе, но тоже ушли, а мы съ сестрой, не подозрѣвая опасности, сидѣли и ждали дальнѣйшихъ событій.

Наконецъ увидѣли пятерыхъ человѣкъ: гробовщика и четырехъ мужчинъ, въ черныхъ сюртукахъ, на головахъ были надѣты взъерошенные цилиндры, обшитые старымъ серебрянымъ галуномъ. Вся эта компанія вошла въ квартиру, взяла крышку отъ гроба, забила ее гвоздями, вынесла гробъ, положила на носилки, и траурное шествіе тронулось.

Впереди несли гробъ, съ боку шелъ гробовщикъ, а мы съ сестрой плелись сзади. Гробовщикъ взялъ у меня послѣдніе пятнадцать рублей за могилу и на другіе расходы, и я осталась съ двумя или тремя копейками.

Кладбище было далеко за городомъ. Мы такъ устали, что едва волочили ноги. Лицо, платье, ботинки были сѣры отъ пыли. Мнѣ временами казалось, что я упаду, а сестра теряла силы, и мнѣ пришлось ее на руки взять и нести нѣсколько времени, пока она немного отдохнула. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на оригинальное шествіе. Большинство снимало шапки и крестилось. Усталость наша дошла до крайнихъ предѣловъ, когда я наконецъ впереди себя увидала много деревянныхъ и другихъ крестовъ. Мы вошли въ границу вѣчнаго успокоенія и долго брели, поворачивая то вправо, то влѣво, по кладбищу, и наконецъ очутились у самаго его конца. Тамъ ожидала вырытая могила и священникъ. Гробъ опустили въ могилу, засыпали землей, священникъ отслужилъ панихиду, гробовщикъ что-то сунулъ ему въ руку, и тотъ удалился; затѣмъ гробовщикъ сунулъ и мнѣ что-то въ руку и, сказавши: „будьте здоровы, барышни", ушелъ. Я посмотрѣла, что онъ мнѣ далъ, и увидѣла серебряную монету, это были пятнадцать копѣекъ. Всѣ разошлись, и у свѣжаго холмика земли стояли мы съ сестрой. Затѣмъ опустились и сѣли на траву. Усталость охватила насъ еще болѣе, и кости мои ныли и трещали. Сестра положила голову мнѣ на колѣна и уснула, я дремала клюя носомъ... На деревьяхъ каркали стаи грачей, и въ травѣ трещали стрекозы.

Время было подыматься. Я и сестра встали. Мы еще немного побыли у скромной могилы и пошли. Кругомъ насъ высились кресты новые, старые, очень старые, покрывшіеся плѣсенью и готовые упасть. Лавируя среди нихъ, мы добрались до выхода; сообразили, куда надо двигаться, въ какую сторону, и пустились въ путь-дорогу. Сестрѣ захотѣлось пить и ѣсть. Я ее утѣшала, говоря, что дома покушаемъ, а что теперь надо терпѣть. Вначалѣ она молчала, а потомъ стала плакать, а затѣмъ опять смолкла. Шли мы долго и медленно. Я запомнила дорогу и правильно подвигались къ дому. Начали мелькать домики предмѣстья, затѣмъ потянулись улицы, а тамъ показалось и наше жилище.

— Ну вотъ,—обратилась я къ сестрѣ,—мы будемъ скоро

дома, и я дамъ тебѣ ѣсть. На сестру страшно было смотрѣть. Потъ проложилъ дорожки по запыленному лицу, сбившіеся отъ вѣтра и пота волосенки были въ безпорядкѣ, глаза ввалились и губы запеклись. Я была конечно не лучше. Близость дома придала намъ энергіи, и мы невольно пошли бодрѣе. Вотъ знакомая вывѣска мелочной лавки, вотъ золотой крендель булочной, вотъ сапогъ, нарисованный на жести сосѣда-сапожника, а вотъ и нашъ домикъ. Мы подошли и не вѣрили глазамъ. Мнѣ казалось, не сбились ли мы и не попали ли въ другое мѣсто. Нашъ особнячекъ былъ наглухо забитъ досками, и попасть въ него не было никакой возможности. Какъ я ни была молода, глупа и неопытна, но у меня зашевелились волосы на головѣ, и я потерянными глазами смотрѣла на доски, которыми были забиты окна и калитка во дворѣ. Онъ былъ пустъ, какъ была пуста наша квартира. Я безпомощно смотрѣла на сестру, потомъ опять на домъ, опять на нее и вдругъ горько, горько заплакала. Сестра опять начала просить ѣсть и пить. Я повела ее въ лавочку, купила хлѣба, колбасы, мы поѣли и, напившись воды, вышли на улицу. Гривенникъ былъ истраченъ, и нашъ капиталъ состоялъ изъ семи или восьми копѣекъ. Я сѣла на тумбу, сестра около.

Прохожихъ не было. Улица вообще была пустынная, а въ этотъ моментъ точно всѣ вымерли, и только въ пыли валялась чья-то свинья. Я положительно не знала, что дѣлать, какъ поступить, къ кому обратиться, и не было силъ двинуться съ мѣста. Написать къ матери, но я не знала адреса. Писалъ ей дядя и адресъ былъ записанъ въ книжечку, что лежала у дяди въ его письменномъ столѣ. Да, наконецъ, если бы адресъ былъ найденъ, письмо шло долго и обернуться оно могло дней въ пять, шесть. И такъ, что же было дѣлать? Мысли въ моей головѣ прыгали, путались; я старалась собрать ихъ, чтобы имѣть возможность придумать что-либо, но... напрасно. Обратиться въ полицію мнѣ почему-то не приходило въ голову, вѣдь это она же забила домъ, вѣдь это ей же предписалъ докторъ такъ поступить. Тамъ въ домѣ остались наши пожитки, бѣлье, пальтишки и все прочее. Мнѣ и въ голову не приходило, что вещей уже не было, что ихъ успѣли куда-то спровадить. Быть можетъ, для сожженія, быть можетъ, для дезинфекціи, а быть можетъ, онѣ были проданы тряпичнику для распространенія заразы. Все это я соображаю теперь, но тогда, тогда я была увѣрена, что имущество мое цѣло и

охраняется сосновыми досками. Время летѣло, солнце уже почти закатилось, начало дѣлаться прохладно. Сестра уже дрожала. Я прижала ее къ себѣ, обнимая, старалась согрѣть.

Все это произошло въ теченіе недѣли, начиная съ болѣзни дяди и закончившись его смертью и похоронами. Пока Богъ хранилъ насъ, мы не заразились какимъ-то чудомъ: мы обѣ были здоровы; какъ распорядится судьба далѣе, это было покрыто мракомъ неизвѣстности. Гдѣ же мы будемъ спать, думалось мнѣ. О ѣдѣ я пока не думала, вѣдь было еще на семь копѣекъ мѣди. Я осматривалась кругомъ и увидала у одного изъ домиковъ, съ боку воротъ, углубленіе и въ немъ скамеечку и рѣшила переночевать тамъ. Не долго думая, я взяла за руку сестру, и мы направились къ намѣченному мѣсту. Я посадила сестру, сѣла и сама. Сестра полулежа почти сейчасъ заснула, а я бодрствовала. Промелькнуло нѣсколько прохожихъ, но они, не замѣчая, проходили въ разныя стороны. Думается мнѣ, что если бъ они и увидали насъ, то прошли бы мимо, не обративъ вниманія: какое дѣло имъ до двухъ грязныхъ, маленькихъ, чужихъ имъ дѣвченокъ. На дворѣ стало темнѣть. На небѣ показалась первая звѣздочка, а тамъ вторая, третья, и наконецъ весь сводъ небесный засверкалъ звѣздами. Я прямо тряслась и зубы мои стучали. Наша сторона осталась вся въ тѣни, а луной освѣщалась противоположная, по ней-то и ходилъ сторожъ, постукивая въ колотушку. Походилъ, постучалъ и куда-то ушелъ. Стукъ колотушки доносился издалека, а тамъ и смолкъ.

Я боролась со сномъ, побаиваясь темноты, и прижималась къ сестрѣ, согрѣвала ее. Затѣмъ стала соображать все меньше и меньше. Событія дня какъ-то испарились изъ усталой головы, и я стала дремать... Я уже не соображала, гдѣ я. Послѣдними потерялись отъ моего вниманія мигающія звѣзды, а тамъ я уже и окончательно не видѣла ничего изъ окружающаго меня. Одинъ только разъ меня заставила пріоткрыть глаза это метнувшаяся мимо, съ сильнымъ хрюканьемъ свинья, необходимая принадлежность всѣхъ небольшихъ городовъ. Грязи много, а слѣдсвательно и удовольствія свиньямъ достаточно.

И такъ мы заснули... Свѣжесть зорьки разбудила насъ. Яркая, красно-матовая полоска блистала на во-

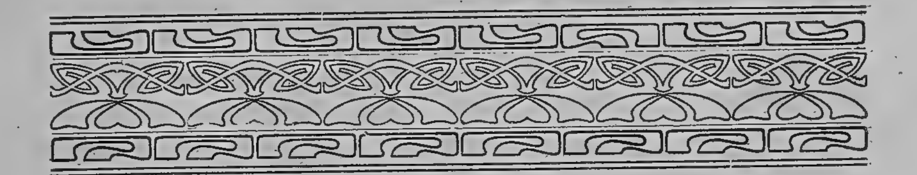
стокѣ. Мы обѣ тряслись; платье было мокро отъ росы, кости ныли.

Вотъ мальчикъ погналъ штукъ пять коровъ; чирикали воробьи, ворковали голуби; словомъ, начался новый день нашей жизни...

Сообщилъ **П. Скуратовъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ разсказовъ объ архіереѣ Смарагдѣ.

Была въ Рязанской губерніи служилая семья нѣкоихъ Сп—хъ.

Происходили они, какъ тогда говорилось, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Отецъ былъ лекаремъ, дѣдъ священникомъ. Не имѣя ничего наслѣдственнаго, должны были весь вѣкъ свой жить службой. Члены этой многочисленной семьи занимали должности становыхъ, исправниковъ, почтмейстеровъ, слѣдователей. Не въ примѣръ служакамъ стараго закала всѣ они отличались добродушіемъ, беззлобіемъ, не были взяточниками, вымогателями, насильниками. Служебное дѣло свое вели просто и честно. До большихъ чиновъ не доходили, выходя въ отставку самое большее съ чиномъ статскаго совѣтника, и доживали вѣкъ свой на ничтожную по прежнимъ окладамъ чиновничью пенсію. Память о себѣ въ народѣ оставили они хорошую. Кореннымъ свойствомъ этой семьи кровныхъ великороссовъ была крайняя чудаковатость ея представителей. У всѣхъ были свои особенности: кто былъ охотникъ до боевыхъ гусаковъ и пѣтуховъ; кто любилъ въ хорошій лѣтній день, выйдя на дворъ въ халатѣ, подпоясанномъ носовымъ платкомъ, погонять голубей турмановъ. Гдѣ можно было, занимались они садоводствомъ, разводили породистыхъ куръ, утокъ, гусей. Развлеченія ихъ всегда были самаго мирнаго и безвреднаго характера для окружающихъ. Отличались они рѣдкою сообщительностью и ко всѣмъ встрѣчавшимся на ихъ жизненномъ пути людямъ относились въ высшей степени доброжелательно. Были они хлѣбосолы, любили провести время въ пріятельской бесѣдѣ, перекинуться въ картишки, выпить, закусить. До глубокой старости сохраняли они

способность къ шуткамъ и балагурству. Разсказы ихъ больше касались старины, которую они, не будучи вралями, умѣли живо и вѣрно представить съ ея своеобразными особенностями.

Одинъ изъ братьевъ П. В., долгое время прослужившій судебнымъ слѣдователемъ, былъ человѣкъ такого неисчерпаемаго добродушія и хлѣбосольства, что приводимыхъ къ нему на квартиру подслѣдственныхъ арестантовъ прежде всего спрашивалъ—сыты ли они? Если узнавалъ, что голодны, то приказывалъ накормить ихъ на кухнѣ и поставить для нихъ самоварчикъ. Мужчинъ, какими бы звѣрскими, безобразными, отталкивающими физіономіями они ни обладали, П. В. всегда звалъ „красавецъ". Женщинъ, хотя бы дряхлыхъ старухъ—„красавица".

Справившись, покормили ли арестанта, онъ приказывалъ привести его къ себѣ въ кабинетъ. Тотъ первымъ долгомъ благодарилъ хозяина за хлѣбъ соль; потомъ начинался дѣловой разговоръ.

— Ну, красавецъ, какъ дѣла? спрашивалъ П. В. и начиналъ умѣло, тонко, съ огромнымъ знаніемъ дѣла и психологіи преступнаго люда вести слѣдствіе. „Красавцу" оставалось только удивляться, какъ такой душевный обходительный баринъ и такъ ловко его поддѣваетъ. Все шло у П. В. по-любезному—безъ окриковъ, безъ угрозъ.

— „Ну, вотъ, красавецъ, все у насъ пойдетъ по-хорошему. Потолкуемъ по душѣ. Малый ты, я вижу, хорошій, ходовой малый. Не дѣлалъ ты этого и прекрасно—молодецъ! Хвалю! Только вотъ что, братецъ, вѣдь Иванъ-то Петровъ говоритъ, что видѣлъ на тебѣ рубашку въ крови. Тетка Дарья видѣла, какъ ты рубашку замывалъ. Вѣдь и имъ тоже нужно вѣрить. Люди они не плохіе. Хоть Ивана Петрова взять; еще при господахъ бурмистромъ былъ да послѣ воли сколько годовъ въ старостахъ выходилъ. Ни въ чемъ не замѣченъ—старикъ законный, правильный старикъ. Опять же и тетка Дарья тоже женщина степенная; и про нее грѣхъ худо-то молвить! Вотъ, красавецъ ты мой, ты намъ полегоньку да помаленьку и разскажи, откуда кровь взялась у тебя на рубашкѣ, а мы послушаемъ.

Приготовляясь слушать П. В. вынималъ табакерку и, съ аппетитомъ понюхавъ табачку, щелкалъ пальцемъ по носу генерала, изображеннаго на крышкѣ табакерки.

Арестантъ начиналъ врать и путать.

— Эхъ, красавецъ, чего уже тутъ?! Не такъ дѣло было. Похожа свинья на быка да шерстка не така! У васъ вѣдь у всѣхъ такая повадка:— клади часы въ карманъ, а купца бери на обманъ. Ну это, другъ ты мой сладкій, еще какъ придется! И мы тоже не лѣвой ногой сморкаемся,—знаемъ, гдѣ у попадьи родинка!..

Несравненный мастеръ толковать съ народомъ, умѣлъ и любилъ П. В. въ компаніи пріятныхъ для него людей разсказать изъ своего богатаго служебнымъ опытомъ прошлаго про разные случаи, свидѣтелемъ которыхъ довелось ему быть. Въ противоположность большинству россійскихъ разсказчиковъ его собственная личность на первый планъ у него въ разсказахъ никогда не выступала.

Въ началѣ царствованія Императора Александра II былъ П. В. окружнымъ начальникомъ окружныхъ крестьянъ въ Рязанскомъ уѣздѣ. По обязанностямъ службы долженъ онъ былъ сопровождать архіереевъ во время объѣзда ими церквей въ селахъ, населенныхъ государственными крестьянами, состоявшими въ вѣдѣніи П. В., какъ старинное село Льговъ или Ольговъ при древнемъ Ольговомъ монастырѣ, Казарь, и другія села. Сопровождалъ П. В. и преосвященнаго Смарагда. Приходилось ему, какъ разсказывалъ онъ много лѣтъ спустя, видать, какъ производилъ расправы надъ священно-и церковнослужителями грозный архіерей. „Ухватитъ, бывало, попа или дьякона въ алтарѣ за волоса, уже онъ его возитъ, возитъ по алтарю-то, всю пыль имъ на полу подотретъ. Никого не миловалъ: твердо держался правила—дуракамъ и въ алтарѣ не спускаютъ. За то подъ судъ никого не отдавалъ. Духовенство его за это любило: вздуетъ и дѣлу конецъ! Сердитый былъ. Подъ горячую руку лучше и на глаза ему не попадайся! Ѣздить шибко любилъ. У него ямщикъ на козлахъ не зѣвай! Возьми глаза въ зубы и дѣйствуй на законномъ основаніи. По-фельдъегерски ѣздилъ!

По должности окружнаго начальника пришлось мнѣ провожать его изъ села Льгова въ городъ Спасскъ. За архіерейской каретой шестерней еле поспѣвала моя тройка въ тарантасѣ. Коренникъ шелъ во всю рысь. Пристяжныя едва поспѣвали уносить постромки. Такъ шло, пока ѣхали лугами по твердой накатанной дорогѣ. Подъ Ярцевскими слободками, какъ только выѣхали на пески, шесте-

рикъ сталъ сдавать. Трудно было тащить по песку грузную на стоячихъ рессорахъ карету, позади кузова которой были мѣста для архіерейской прислуги. Скоро лошади и совсѣмъ стали. Дверца кареты отворилась. Показалась до половины высунувшаяся фигура архіерея съ посохомъ въ рукѣ, принявшимъ самое угрожающее положеніе по отношенію къ ямщику, сидѣвшему на козлахъ. Послышались раскаты гнѣвнаго голоса владыки. Что онъ кричалъ, разслышать было нельзя; но голосъ былъ свирѣпый. Форейторъ, соскочивъ съ сѣдла, живо отпрягъ подсѣдельную и поскакалъ на ней въ село за свѣжими лошадьми.

Населеніе окрестныхъ селъ и деревень знало о проѣздѣ архіерея. Народъ выходилъ навстрѣчу и стоялъ по дорогѣ. Видя, что карета остановилась, мужики, бабы, ребята,—все двинулось за архіерейскимъ благословеніемъ. Изъ стариковъ и старухъ, кто понабожнѣе,—тѣ даже на колѣни встали и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Уже и получили же они архипастырское благословеніе.

Такъ ихъ благословили—крѣпче и не придумаешь!

Должно быть, въ это утро владыка всталъ съ постели лѣвою ногой. Яростно преподалъ онъ своей богоспасаемой паствѣ благословеніе самаго непечатнаго свойства, снабжая его донельзя крѣпкими россійскими выраженіями, отъ которыхъ паства, какъ стадо испуганныхъ овецъ, такъ и шарахнулась въ стороны.

Долго бушевалъ Смарагдъ, пока не привели и не заложили свѣжихъ лошадей. Здорово влетѣло и священнику въ ближайшемъ селѣ, котораго архіерей, не разбирая, правъ онъ или виноватъ, сразу сгребъ за волосы и началъ таскать.

Покойный преосвященный былъ человѣкъ строгій и серьезный. По пустякамъ безпокоить себя не любилъ. Случилось такъ, что во время пребыванія его на рязанской каѳедрѣ изъ Касимовскаго женскаго монастыря убѣжали двѣ монашки. Игуменья поѣхала въ Рязань, чтобы лично доложить объ этомъ ужасномъ съ ея точки зрѣнія происшествіи. Въ трепетѣ повергшись предъ архіереемъ на колѣни, она возопила:

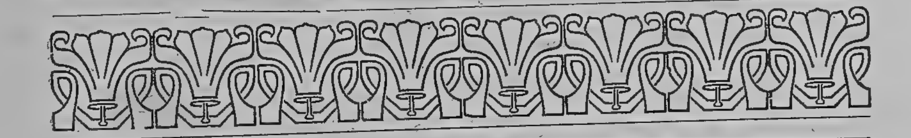
— Владыко! у насъ бѣда!!.

— Какая же, мать моя, у васъ тамъ бѣда? въ высшей степени хладнокровно спросилъ преосвященный.

— Владыко! у насъ двѣ монашки убѣжали!..

— Если бы и всѣ-то вы убѣжали, никакой бѣды бы не было! спокойно замѣтилъ Смарагдъ.

В. Гайдуковъ.

Авантюристъ начала XVIII вѣка.

Къ исторіи пріема иностранцевъ на русскую службу.

(Изъ семейнаго архива).

1.

Покрытые вѣковой пылью старые документы похожи на заглохшій костеръ, тлѣющій у дороги. Невнимательный путникъ броситъ разсѣянный взглядъ на сѣрую кучку золы и пройдетъ мимо. Но путешественникъ, привыкшій наблюдать, остановится и подумаетъ: кто-то прошелъ здѣсь раньше меня. И концомъ своей палки расшевелитъ забытый огонь. И вдругъ ярко вспыхнетъ дремавшее пламя, согрѣетъ его и освѣтитъ ему дальнѣйшій путь.

Скучны и непривлекательны на видъ мертвыя страницы стариннаго архива. И кажется, что не стоитъ тратить на знакомство съ ними времени, такъ дорого цѣнимаго въ нашъ стремительный вѣкъ. Но стоитъ любопытнымъ рукамъ прикоснуться къ нимъ, какъ потеря времени вознаградится сторицею. Съ полуистлѣвшихъ листовъ глянетъ на насъ оживающее далекое прошлое, давно угасшіе образы воскреснутъ и одѣнутся плотью, давно забытые люди станутъ двигаться и говорить. И мы увидимъ ту же комедію жизни, что разыгрываемъ сами, ту же борьбу страстей и интересовъ, тѣ же чаянія и тѣ же разочарованія. И часто извлечемъ много утѣшительнаго и примиряющаго съ жизнью.

2.

„Въ нынѣшнемъ, 1701 году, Декабря въ 31-й день, писалъ къ Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу изъ Смоленска бояринъ и воевода Петръ Самойловичъ Салтыковъ, съ жильцомъ Аврамомъ Радищевымъ.

„Что Декабря въ 8-й день пріѣхали въ Смоленскъ изъ Польши, съ письмомъ князя Григорія Долгорукова, французовъ офицеровъ 16 человѣкъ. А въ томъ письмѣ написано: отпустилъ онъ изъ Варшавы призванныхъ офицеровъ въ его Великаго Государя службу: генералъ-инженера Бертрана [1]), маіора пѣхотнаго, полковника коннаго, полуполковника, капитановъ 11 человѣкъ, да порутчика, давъ имъ карету и нанявъ лошадей фурманскихъ. А офицерамъ, по ихъ прошенію при отпускѣ ихъ изъ Смоленска, на харчъ, чѣмъ доѣхать до Москвы, дано изъ артиллерійской казны 82 рубли съ полтиною.

Для того, что, говорили они ему, боярину и воеводѣ, что имъ до Москвы въ дорогѣ удовольствоваться съѣстнымъ харчемъ нечѣмъ; которые-де у нихъ были ефимки и тѣ-де ефимки они въ дорогѣ исхарчили. И буде имъ въ Смоленскѣ на харчъ денегъ не дадутъ и имъ-де доѣхать до Москвы нечѣмъ. Для того та дача имъ и дана“.

Такъ появляется на горизонтѣ возрождающейся Россіи герой нашего очерка. Въ глухую зимнюю пору, въ компаніи съ такими же смѣлыми и голодными искателями счастья, онъ пробирается по первобытнымъ дорогамъ неизвѣстной полудикой страны и, послѣ тяжелаго путешествія, въѣзжаетъ въ кривые, узкіе, занесенные снѣгомъ переулки ея столицы.

„И тѣ иноземцы на Москвѣ въ государственномъ посольскомъ приказѣ явились и распрашиваны, и о службѣ ихъ взяты у нихъ свидѣтельствованныя пасы и переведены“.

Впрочемъ, генералъ-инженеръ Бертранъ никакихъ документовъ не предъявилъ.

„А о службахъ пасовъ не явилъ. А сказалъ, что у генераловъ пасовъ не бываетъ“.

---

[1]) Фамилія измѣнена.

Свѣдѣнія, которыя далъ о своемъ прошломъ французскій выходецъ, страдали излишней краткостью. Родился въ Дофинэ, служилъ въ Королевской французской арміи „въ разныхъ чинѣхъ и генераломъ". Участвовалъ „во многихъ бояхъ" противъ англичанъ и голландцевъ во Фландріи и другихъ мѣстахъ. Потомъ (неизвѣстно по какой причинѣ) перешелъ на службу къ польскому королю и служилъ въ Варшавѣ „у пѣхоты генераломъ" годъ и 4 мѣсяца. „И нынѣ призванъ къ великому Государю на службу".

Чѣмъ руководствовался князь Долгорукій (русскій посолъ при польскомъ дворѣ), нанимая на русскую службу неизвѣстнаго ему человѣка—сказать трудно. Изъ договорнаго письма видно, что Бертранъ присвоилъ себѣ какой-то необыкновенный титулъ: „крайняго художества инженерскаго и архитейсковики воинской президента" и въ качествѣ таковаго долженъ былъ получать, по условію, „корму по 130 ефимковъ на мѣсяцъ и подарокъ".

Хотя старыя бумаги даютъ довольно скудныя свѣдѣнія о дѣятельности генералъ-инженера Бертрана въ Россіи, однако является безспорнымъ, что ему удалось занять сразу довольно высокое положеніе и вращаться въ сферахъ, непосредственно близкихъ къ Великому Преобразователю. Имѣлъ ли онъ право на тотъ чинъ, которымъ онъ подписывался, или нѣтъ, но въ военно-инженерномъ дѣлѣ онъ очевидно кое-что смыслилъ, а потому явился несомнѣнно полезнымъ человѣкомъ, о чемъ и свидѣтельствуютъ неоднократныя его письма какъ къ Ѳедору Алексѣевичу Головину, такъ и къ самому Государю.

Въ 1702 году Бертранъ подаетъ черезъ Головина Царю записку объ организаціи инженерной части въ русской арміи.

„Его Императорское Величествіе укажетъ генералу Бертрану все, что изволитъ крѣпить, приступать, оборонять мѣста, содѣлованіе пристанищъ морскихъ, стѣнъ, которыя противъ морскихъ волнъ, прокопы, и никому воздаетъ отвѣтъ о его дѣяніи, токмо Его Величествію и Вамъ, мой Государь".

Другими словами, Бертранъ добивался полной „автономіи инженернаго управленія".

Далѣе онъ требуетъ „чтобы генералы конницы и пѣхоты сходились съ генераломъ инженеромъ во время единыя осады, освѣдомиться отъ него, егда будетъ время конницѣ работать фасины, а пѣхотѣ туры и рыть землю. И дать ему

ихъ батальоны, которые онъ прошать будетъ остереганія ради работающихъ и отпора ради непріятеля".

Въ отношеніи артиллеріи Бертранъ идетъ далѣе и находитъ необходимымъ поставить ее въ подчиненное отношеніе инженерамъ.

„Яко такожде комиссары артиллеріи и иные офицеры сего дѣла должны будутъ покоряться инженерамъ въ единой осадѣ, токмо единомысленно, работаютъ они въ ихъ мѣстахъ воинскихъ батеріи пушекъ, батеріи мортировъ и оную малыхъ пушечекъ и тако и проч. яко во Франціи".

Это „яко во Франціи" повторяется нѣсколько разъ въ запискѣ и служитъ, въ глазахъ составителя, повидимому, рѣшающимъ, безапелляціоннымъ аргументомъ.

Въ заключеніе Бертранъ проситъ себѣ чина лейтенанта-генерала „сіе есть мѣстодержащаго генерала".

Неизвѣстно, была ли принята записка Бертрана къ руководству, но „мѣстодержащаго" онъ не получилъ.

Такъ или иначе, безвѣстный выходецъ изъ Франціи пріобрѣтаетъ значеніе, вращается въ кругу приближенныхъ Петра и не разъ удостаивался личныхъ отъ него порученій. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ считаетъ себя въ правѣ писать Государю: „никоторый изъ иностранцевъ такъ фамильярно не приближался, какъ я, къ Вашему Величеству".

3.

Россія жила колоссально ускореннымъ темпомъ. Десятилѣтіями нароставшія стремленія къ свѣту и новымъ формамъ жизни осуществлялись теперь почти съ молніеносной быстротой. Старыя подпорки рушились одна за другою, и нужно было только поспѣвать ставить новыя, для чего требовалась масса умѣлыхъ и расторопныхъ рукъ. Некогда было разбирать, насколько онѣ чисты. Вотъ почему на-ряду съ тѣми, имена которыхъ съ уваженіемъ сохранитъ наша исторія, на-ряду съ Брюсами, Чемберсами, Огильви, Баурами и пр. Москва была наводнена разношерстной массой жадныхъ искателей счастья, главное достоинство которыхъ заключалось въ прекрасномъ аппетитѣ, а главное горе въ невозможности удовлетворить его у себя дома.

Ясно, что въ общемъ стремленіи къ одной цѣли—государевой казнѣ—всѣ сбились въ кучу, въ которой, въ концѣ

концовъ, стало тѣсновато. Создалась, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, атмосфера постоянной интриги, свары, недоброжелательства, атмосфера „подножки“. И не замедлили появиться пикантныя разоблаченія.

„Полуполковникъ“ де-Гверенъ чего-то не подѣлилъ съ генераломъ Бертраномъ. Слѣдствіемъ явилось письмо (по-французски) къ Головину, въ которомъ доблестный полуполковникъ отдѣлываетъ своего соотечественника, что называется, подъ орѣхъ.

„Я узналъ, пишетъ онъ, что нѣкій Бертранъ, выдающій себя въ Московіи за генерала и который во Франціи и въ Польшѣ снискивалъ себѣ пропитаніе черченіемъ и рисованіемъ, имѣетъ наглость клеветать на меня и на всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ въ Москву французскихъ офицеровъ“.

Де-Гверенъ ручается честнымъ словомъ, что изъ всей ихъ компаніи нѣтъ ни одного, который не стоялъ бы неизмѣримо выше этого провансальскаго хвастуна (de ce mauvais fanfaron provençal), все хваленое знаніе котораго зиждется на неисчерпаемомъ нахальствѣ“.

Наполнивъ цѣлыхъ двѣ страницы бранью по адресу своего врага, почтенный полуполковникъ выдаетъ ему въ концѣ концовъ печальную аттестацію, какъ „удивительному трусишкѣ (admirable poltron), которому нѣкоторые изъ нашей компаніи неоднократно указывали его мѣсто, на что Бертранъ отвѣчалъ лишь на подобіе тѣхъ великолѣпныхъ англійскихъ договъ, которые довольствуются ворчаніемъ и лаемъ, но не рѣшаются укусить».

Но этого мало: разсерженный де-Гверенъ утверждаетъ, что Бертранъ обманулъ Царя: онъ вовсе не состоялъ на службѣ короля польскаго. Обвинитель ссылается на свидѣтелей, которые могутъ подтвердить это (и нужно сознаться, что таинственное отсутствіе „паса“ также подтверждаетъ это обвиненіе).

Былъ ли де-Гверенъ самъ лицомъ, мало заслуживающимъ довѣріе, или просто на его письмо не обратили должнаго вниманія, полагая, что не все ли равно, каково было прошлое Бертрана, разъ онъ теперь дѣлаетъ свое, полезное для государства, дѣло, но, повидимому, доносъ послѣдствій не имѣлъ. Наоборотъ, Бертранъ не только продолжалъ свою службу въ Москвѣ, но и получилъ прибавку содержанія. Вмѣсто 130-ти, ему стали платить 150 ефимковъ въ мѣсяцъ.

4.

Великія событія шли своимъ путемъ, а на ихъ фонѣ, какъ мелкія, быстро бѣгущія облака на фонѣ грозовой тучи, сплетались и сталкивались личные интересы и шла борьба самолюбія, тщеславія и алчныхъ вожделѣній.

Къ лѣту 1702 года пошли слухи о томъ, что шведы намѣреваются напасть на Архангельскъ. Немедленно же Петръ отправляется навстрѣчу опасности, взявъ съ собою большую часть своихъ сотрудниковъ. Генералъ-инженеръ Бертранъ находится въ ихъ числѣ.

Незамѣтно проходили лѣтніе дни. Синѣло сѣверное небо, шумѣли сосновые лѣса, бѣлые паруса носились надъ зелеными волнами. Царь сходилъ съ кораблей на берегъ, потомъ опять садился на корабли и плылъ въ другое мѣсто. Не хватало часовъ въ суткахъ. Сегодня въ Архангельскѣ, завтра въ Повѣнцѣ, послѣ завтра опять на берегу Студенаго моря. Палатки то и дѣло складывались и снова разставлялись—все на новыхъ мѣстахъ.

Можно было видѣть воочію, какъ геній человѣка подчиняетъ себѣ природу. Какъ, взявъ ее, словно кусокъ глины, онъ лѣпитъ изъ нея то, что ему нужно, заставляетъ ее служить своимъ человѣческимъ цѣлямъ. И дикіе лѣса и море подчинялись родившейся въ головѣ человѣка идеѣ: тутъ возникала земляная звѣзда укрѣпленія, тамъ каменное жало мола вливалось въ самую гущу сердитыхъ волнъ. Лѣсныя чащи уступали мѣсто безконечнымъ просѣкамъ, пустынные берега рѣкъ обросли складами и магазинами.

16 августа подпоручикъ Лефортъ сказалъ генералу Бертрану, что „Царское Величество съ транспорта перешелъ на сухой путь“. И Бертранъ пошелъ „свой должной поклонъ отдать и получилъ Царскаго Величества очи видѣти въ палаткѣ у г-на генерала Ивана Ивановича Чамберса“.

Государь пробылъ въ палаткѣ недолго, принялъ угощеніе и уѣхалъ. Бертранъ подошелъ къ вице-адмиралу [1]), и они „пріятно поступали и другъ другу старую имѣющую межъ собою недружбу простили“, послѣ чего вице-адмиралъ уѣхалъ на свой корабль.

---

[1]) Фамилія неизвѣстна.

Не успѣлъ онъ скрыться, какъ Памбургъ, капитанъ корабля, успѣвшій уже хватить изрядную порцію голландской водки, началъ ни съ того, ни съ сего ругаться.

„Для чего ты съ такимъ гунифотомъ помирился? Знатно, такой же и ты гунифотъ", приставалъ онъ къ Бертрану.

Лекарь Постниковъ тоже изрядно нагрузился по случаю пріѣзда Царя. Онъ раскачивался на походномъ стулѣ, держась за палаточную палку, и смѣялся всему, что говорилось.

Бертранъ не смутился замѣчаніемъ Памбурга.

„Я ссориться съ тобой не хочу,—возразилъ онъ спокойно, всякъ знаетъ, что я не гунифотъ".

„Молчи, ты и ротъ свой держи! продолжалъ сердиться Памбургъ. Въ моей волѣ, что я тебя въ карманъ мой всуну".

„Мой любезный голландецъ, отшучивался Бертранъ.—Я есмь зѣло великъ, что ты хочешь въ карманъ меня всунуть. Будемъ лучше по-прежнему добрыми друзьями пребывать".

И опять Постниковъ засмѣялся назойливымъ смѣхомъ пьянаго человѣка.

Памбургъ накинулся на него.

— Ты меня задираешь! Изволь со мной на шпагахъ биться!

И, присоединяя къ словамъ дѣло, онъ схватилъ бѣднаго эскулапа за рукавъ кафтана и вытащилъ вонъ изъ палатки, въ намѣреніи драться съ нимъ на дуэли.

Бертранъ, Чамберсъ и Кенигсекъ бросились за нимъ. Бертранъ обнялъ расходившагося голландца и отвелъ въ сторону, говоря:

— Другъ мой, покинь сіе: ты вѣдаешь повелѣніе нашего Государя. И, сверхъ того, немного себѣ чести получишь, что съ пьянымъ докторомъ биться станешь.

Остальные увели Постникова, и такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ.

Но безпокойному капитану не хотѣлось идти въ палатку, куда его звалъ Бертранъ; его тянуло на волю. Бертранъ, уступая его желанію, отдалъ епанчу мальчику, и пріятели пошли къ виднѣвшемуся невдалекѣ лѣсу.

Наступалъ вечеръ. Солнце медленно опускалось къ горизонту. Въ воздухѣ чувствовалась близость моря и сосноваго бора. Лагерный шумъ постепенно утихалъ, и

душой Бертрана овладѣлъ давно не испытанный покой. Онъ снялъ треуголку. Вѣтеръ слегка шевелилъ пряди его легкаго лѣтняго парика и пріятно обдувалъ голову. Вокругъ разстилался мирный ландшафтъ; деревушка виднѣлась на пригоркѣ; слышалось мычаніе стада, возвращавшагося домой. Бертранъ думалъ о своей безпокойной, бездомной жизни, и чувства, похожія на зависть, шевелились въ его душѣ при взглядѣ на бѣдныя крыши деревенскихъ домиковъ. Будетъ ли когда-нибудь и у него свой кровъ и свой очагъ?

Такъ вошли они въ лѣсъ, и вѣковыя сосны обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и загородили отъ внѣшняго міра. Тогда Памбургъ, молчавшій всю дорогу, внезапно обнажилъ свою шпагу и, глядя тяжелымъ взглядомъ на спутника, сказалъ:

— Теперь ты за вице-адмирала и за Постникова стой и отвѣдай голландца, каковъ голландецъ.

Очнувшійся Бертранъ невольно попятился назадъ, но, сохраняя спокойствіе духа, отвѣтилъ:

— Ты опять за свое. Покинь сіе, и пойдемъ лучше обратно въ палатку. Тамъ взвеселимъ себя виномъ.

Но Памбургъ съ злобнымъ упрямствомъ пьянаго дурака повторялъ:

— Вынимай шпагу или я тебя заколю!

— Вспомни Государевъ указъ, Памбургъ, уймись,—просилъ Бертранъ.

Но голландецъ уже насѣдалъ на него. Отступая, Бертранъ наткнулся, въ своихъ большихъ нѣмецкихъ сапогахъ, на корень и упалъ, но во-время ухватился за дерево и поднялся. Кровь бросилась ему въ голову отъ сознанія опасности. Быстро выхвативъ оружіе, онъ остановился.

— Памбургъ, пожалуй, покинь сей обычай. А я себя заколоть не дамъ и по нуждѣ буду дѣлать, какъ надлежитъ.

— Боронись, сколько можешь!—крикнулъ въ отвѣтъ голландецъ и яростно кинулся впередъ.

Все кончилось во мгновеніе ока. Шпага Бертрана пробила кафтанъ, грудь, сердце Памбурга, и бѣдный капитанъ грянулся на землю, не издавъ ни звука...

Генералъ Чамберсъ сидѣлъ еще за столомъ, куря трубку и бесѣдуя съ Керхеномъ, Кенигсекомъ и Лефортомъ, когда входъ въ палатку распахнулся и вошелъ Бертранъ. Не отвѣчая на веселыя привѣтствія, онъ остановился передъ Чамберсомъ.

— Я закололъ Памбурга. На поединкѣ.

Съ минуту длилось молчаніе. Потомъ Чамберсъ всталъ.

— Отдайте, государь мой, вашу шпагу.

Безпрекословно генералъ-инженеръ исполнилъ приказаніе. Точно также не протестовалъ, когда Керхенъ отвелъ его въ палатку и приставилъ къ ней караулъ. Только громко, такъ что слышали всѣ собравшіеся вокругъ, воскликнулъ:

— Предаюсь въ волю Государеву!

А Чамберсъ съ Кенигсекомъ пошли въ лѣсъ, на указанное Бертраномъ мѣсто, осмотрѣть тѣло убитаго.

„И нашли успяща на спинѣ, а шпага у него въ рукѣ на голо"...

5.

„И ево, Памбурга, погребъ, а животы его послалъ переписать Керхена, да съ нимъ полкового писаря Григорія Рубцова".

Такъ писалъ Чамберсъ Ѳедору Алексѣевичу Головину.

Не лишенъ интереса списокъ вещей, оставшихся послѣ погибшаго Памбурга. Изъ него можно усмотрѣть, что иностранцы, состоявшіе на службѣ Царя, были довольно зажиточные люди.

Въ первомъ сундукѣ:

„Персона Государева золотая. И положена та персона во французскомъ красномъ кафтанѣ.

Шпага, у ней черенъ серебряной.

Кафтанъ французской и камзолъ суконные дикого цвѣту, подбиты чернымъ сукномъ.

Кафтанъ французской лазоревой. Около ево всего петли, золото съ серебромъ, подбитъ сукномъ лазоревымъ. Пуговицы обшивныя, золотомъ и серебромъ. Камзолъ и штаны атласъ бѣлой, травы золотныя; подбитъ камзолъ бѣлою тафтою.

Подпояска турецкая красная" и т. д.

Въ другомъ сундукѣ:

„Мѣшокъ атласной, шитъ золотомъ и серебромъ. А въ немъ 6 золотыхъ двойныхъ, да одинакихъ 140 золотыхъ, да ¼ ефимка серебрянаго.

348 рублевъ, 7 алтынъ, 2 деньги.

14 книгъ морскихъ, 11 тетрадей съ листовымъ золотомъ

7 скатертей столовыхъ, 20 полотенецъ ручныхъ столовыхъ, 3 простыни, 5 платковъ нѣмецкаго полотна, шестой шелковой, 8 паръ манжетъ" и т. д.

Вся роспись занимаетъ 8 страницъ.

„Такова подлинная роспись за закрѣпою стольника двинскаго воеводы Василія Ржевскаго".

6.

Убійство Памбурга не имѣло печальныхъ послѣдствій для нашего героя. Повидимому, Петръ, разобравъ дѣло, избавилъ его отъ тяжелой кары, которой подвергались нарушители его указа о дуэляхъ. На это указываютъ и нѣкоторыя письма Бертрана, въ которыхъ онъ напоминаетъ, что жизнь его принадлежитъ Царю, такъ какъ Царь даровалъ ему эту жизнь.

Кампанія въ Ингерманландіи 1703 года была имъ продѣлана вмѣстѣ съ Государемъ. Если вѣрить самому Бертрану, онъ обнаружилъ въ этой кампаніи все свое искусство и всю свою науку и сдѣлалъ столько, сколько самъ „бывшій господинъ маршалъ де-Вобанъ прежь сего съ тридцатью и сорока человѣками чинилъ". Особенно онъ отличился при взятіи Нотебурга, за что, по его словамъ, былъ награжденъ орденомъ „въ присутствіи пословъ Европскихъ".

Послѣ взятія Ніеншанца, опять таки если вѣрить тому что написано въ письмѣ Бертрана къ Петру I, на него было возложено порученіе осмотрѣть, вмѣстѣ съ Гавр. Ив. Головкинымъ, то мѣсто, на которомъ впослѣдствіи возникъ Петербургъ.

Звѣзда французскаго выходца горѣла ярко до середины 1704 года, но затѣмъ свѣтъ ея сталъ быстро меркнуть. Что послужило причиной этого? Документы на этотъ счетъ хранятъ молчаніе.

Бертранъ принималъ участіе въ осадѣ Нарвы и, послѣ взятія этого города, жилъ въ немъ довольно широко, если принять, напримѣръ, во вниманіе, что у него на конюшнѣ стояло 8 лошадей и что онъ бывалъ запросто у кн. М. М. Голицына и Г. И. Головкина.

Но затѣмъ что-то случилось. Оправдались ли слухи о его самозванствѣ, удалось ли просто завистникамъ и врагамъ возстановить противъ него власть имущихъ, но въ

октябрѣ 1704 года Бертрану приходится писать жалобу Государю на притѣсненія со стороны фельдмаршала Огильви.

„Такую досаду мнѣ учинили, жалуется онъ, о достоинствѣ чина моего спорують. И самъ г-нъ фельдмаршалъ Огильви сказалъ, что мнѣ достоинства въ чинѣ нѣтъ. И караулъ мой при квартирѣ моей въ Нарвѣ отняли. И къ тому пришло, что онъ мѣсто или скамейку, гдѣ я въ Киркѣ нашей всегда сидѣлъ, замкнуть велѣлъ“.

Въ 1705 году судьба бросаетъ генералъ-инженера въ Гродно, вмѣстѣ съ отрядомъ, посланнымъ на помощь польскому королю Августу II-му. Что дѣлалъ онъ тамъ—неизвѣстно, но, когда Карлъ XII подошелъ къ Гродно и осадилъ этотъ городъ, Бертранъ исчезъ. Какъ опытный пловецъ, чующій приближеніе опасности, онъ скрылся подъ поверхностью житейскаго моря и вынырнулъ только въ Копенгагенѣ, откуда имѣется его письмо къ Головкину отъ 25 іюля 1706 года.

Свое исчезновеніе Бертранъ объясняетъ тѣмъ, что король Августъ на четвертый день обложенія шведами Гродно (съ одной лишь стороны) уѣхалъ изъ этого города въ Варшаву, и онъ, Бертранъ, послѣдовалъ за нимъ, какъ за своимъ господиномъ, который лишь на время „одолжилъ“ его Царю.

Русскіе источники (переписка барона Литца, русскаго чрезвычайнаго посла въ Берлинѣ) смотрятъ на этотъ поступокъ нѣсколько иначе, называя его просто побѣгомъ со службы. И если принять во вниманіе, что Бертранъ сопровождалъ Августа II только до Варшавы, а затѣмъ очутился въ Германіи, между тѣмъ какъ король поѣхалъ въ Краковъ, то придется пожалуй согласиться съ оффиціальной версіей.

7.

Не успѣваетъ, однако, герой нашего разсказа очутиться за границей, какъ его начинаетъ неудержимо тянуть обратно въ Россію. Письмо къ Головкину, о которомъ я упоминалъ выше, было лишь началомъ цѣлой серіи писемъ къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ Бертранъ извиняется, оправдывается, объясняетъ свой поступокъ на разные лады, проситъ разрѣшенія вернуться, предлагаетъ Царю набрать искусныхъ инженеровъ во Франціи, а также пытается

вернуть себѣ расположенiе различными „дипломатическими“ ходами.

Такъ, онъ доноситъ Государю, что русскiй посолъ въ Копенгагенѣ А. П. Измайловъ ведетъ образъ жизни, не соотвѣтствующiй своему званiю, и компрометтируетъ себя въ глазахъ иностранцевъ: „не дѣлаетъ чести своему чину бѣднымъ житiемъ своимъ“; что голландская королева пожелала его, Бертрана, видѣть, и онъ восхвалялъ передъ ней „нравы Величества Вашего и правительства Московiи“, „что послѣдняя побѣда надъ шведами, которыхъ половину Вы искоренили (Лѣсная?) и корабельный бой чинытъ въ Европѣ дьявольской шумъ“; что „во Францiи болѣе не сумнѣваются, что Москва весьма въ иное состоянiе превратилась, какъ и не чаяли“ и т. п. И, наконецъ, усиленно проситъ денегъ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ Россiю и „умереть на службѣ Его Величества“.

Ни на одно изъ этихъ писемъ Бертранъ отвѣта не получилъ и въ 1708 году, окончательно, какъ кажется, потерялъ надежду возвратиться въ Россiю.

Съ этого времени до 1711 года мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣнiй.

8.

Въ страстную субботу, 4-го апрѣля 1711 года, „маiоръ дю-журъ“ фонъ-Хеннигенъ, пользуясь хорошей погодой, рѣшилъ уѣхать изъ Берлина на всю Пасхальную недѣлю и передалъ на это время исполненiе своихъ обязанностей капитану фонъ-Зондерслебену.

Какъ разъ въ первый день праздника получилось приказанiе коменданта немедленно арестовать нѣкоего француза Бертрана, приставивъ ефрейторскiй караулъ къ его квартирѣ.

Приказанiе объ арестѣ явилось слѣдствiемъ требованiя русскаго правительства, переданнаго черезъ барона Литца. Бывшiй генералъ-инженеръ обвинялся: 1) въ побѣгѣ со службы въ военное время; 2) въ печатанiи пасквилей противъ Петра I и князя Меншикова и 3) въ ношенiи неприсвоеннаго ему россiйскаго ордена.

Бертранъ въ это время жилъ въ Берлинѣ, въ домѣ аптекаря Ламбле въ Соборномъ переулкѣ и находился въ весьма плачевномъ матерiальномъ положенiи. Онъ велъ

переговоры съ правительствомъ Венеціанской республики о принятіи его на службу въ качествѣ начальника военныхъ инженеровъ, и дѣло это, повидимому, налаживалось. Но въ ожиданіи будущихъ благъ ему сильно приходилось бѣдствовать.

Караулу у арестованнаго была дана инструкція: одному изъ его состава безотлучно находиться въ комнатѣ Бертрана и слѣдить за нимъ. Караульному начальнику на главной гауптвахтѣ и рунду было вмѣнено въ обязанность тщательно провѣрять новый караулъ.

Дѣло было праздничное, и мысли капитана Зондерслебена безъ должнаго вниманія останавливались на служебныхъ дѣлахъ. Поэтому, при раздачѣ пароля фельдфебелямъ тѣхъ ротъ, которыя должны были заступить въ караулы, онъ сообщилъ о существованіи новаго караула, а объ инструкціи упомянуть забылъ. Правда, караульные начальники на главной гауптвахтѣ, по самому существу своихъ обязанностей, должны были, какъ при главной, такъ и при дневной рондѣ, повѣрять службу новаго караула, но они, вѣроятно тоже по случаю праздника, а можетъ быть потому, что это такъ уже и велось въ берлинскомъ гарнизонѣ, дѣлали это достаточно небрежно. Фельдфебеля же караульныхъ ротъ, при утреннемъ рапортѣ, доносили капитану Зондерслебену, что все обстоитъ благополучно.

Ефрейторъ и 3 рядовыхъ, караулившіе Бертрана, не снабженные точными указаніями, не знали собственно, что имъ дѣлать. Поставивъ ружья въ уголокъ полутемной прихожей, они потихоньку разговаривали, выходили на улицу, курили, зубоскалили съ черноглазой Софьей, служанкой m-me Бертранъ, спали на деревянномъ диванѣ у входной двери. Изрѣдка заглядывали въ комнату къ арестованному. Тотъ неизмѣнно сидѣлъ за столомъ, среди груды бумагъ и писалъ.

Бертранъ писалъ много и упорно: писалъ барону Литцу, повѣренному Царя, писалъ самому Царю, писалъ Головкину, писалъ секретарю Венеціанской республики, составилъ прошеніе королю прусскому объ освобожденіи его изъ-подъ ареста.

Положеніе его дѣйствительно было печально. Со дня на день онъ могъ ожидать выдачи русскимъ властямъ и отправки въ Россію. Образъ несчастнаго Паткуля, выданнаго Августомъ Карлу XII и казненнаго ужасной казнью, не выходилъ у него изъ головы, ежечасно напоминая, какъ опасно ссориться съ могущественными монархами.

Бертранъ уже не настаиваетъ, какъ прежде, на своемъ званіи генералъ-инженера, не утверждаетъ съ гордостью, что весь свѣтъ видѣлъ его «всего въ брилльянтахъ», заслуженныхъ имъ, подвергаясь „100 милліоновъ разъ опасности быть убитымъ“. Онъ готовъ отказаться отъ всѣхъ своихъ чиновъ и отъ ордена и снова „довольствоваться лишь именемъ Бертрана“, только бы его оставили въ покоѣ и сняли бы приставленный къ нему караулъ.

Ко всѣмъ несчастьямъ присоединилось безденежье. Въ карманѣ Бертрана оставалось всего 8 талеровъ, и черезъ нѣсколько дней ему съ женой грозилъ голодъ.

Положеніе становилось отчаяннымъ.

9.

Въ 10 час. вечера, 14-го апрѣля, поручикъ фонъ-Ширштедтъ, съ тремя солдатами, обходилъ главной рондой ввѣренные ему посты. Ночь была темная, безлунная. Все спало мирнымъ сномъ. Весеннія звѣзды теплились надъ острыми черепичными крышами домовъ.

Поручикъ Ширштедтъ, со свойственнымъ его 23-хъ лѣтнему возрасту легкомысліемъ, думалъ, что хорошо было бы, если бы чортъ побралъ всѣхъ арестованныхъ на свѣтѣ, изъ-за которыхъ приходится не спать по ночамъ и ломать ноги по далеко не безупречнымъ берлинскимъ мостовымъ. Доставалось отъ него коменданту за то, что онъ учредилъ этотъ глупый постъ въ какомъ-то Соборномъ переулкѣ, вмѣсто того, чтобы просто посадить француза на гауптвахту. Вообще служба стала черезчуръ тяжела. За послѣдніе 10 дней ему пришлось дважды быть караульнымъ начальникомъ и одинъ разъ начальникомъ главнаго патруля. Если такъ пойдетъ дальше, то прямо хоть подавай въ отставку.

Въ такомъ пессимистическомъ настроеніи дошелъ поручикъ до дома аптекаря, трехъэтажной постройки, съ единственнымъ выходомъ на улицу. На стукъ въ дверь, въ верхнемъ этажѣ открылось окно и выглянула взъерошенная голова заспаннаго солдата.

„Wer da?“

„Lieutenant Schierstedt nebst patrolle. Ist alles richtig?“.

„Alles ist richtig, mein Lieutenant“.

Собственно слѣдовало бы подняться наверхъ и провѣрить службу караула. Старый фельдфебель Бусе, который, за свои

64 года, собаку съѣлъ на всякой службѣ, совѣтовалъ обратить вниманіе именно на этотъ караулъ. Но впереди еще три „визитаціи“ и смертельно хочется поскорѣе кончить эту канитель и вернуться на гауптвахту.

„Ничего не случится. Не убѣжитъ. Какъ ему убѣжать когда единственный выходъ охраняется?“.

Поручикъ Ширштедтъ не угадалъ. Именно въ эту ночь съ 14-го на 15-ое апрѣля 1711 года, бывшій московскій генералъ-инженеръ Бертранъ бѣжалъ изъ-подъ ареста, спустившись изъ окна 3-го этажа по веревкѣ.

Возникло дѣло. Къ суду была привлечена масса лицъ: маіоръ Хеннигенъ, капитанъ ф. Зондерслебенъ, 8 поручиковъ и прапорщиковъ, нѣсколько фельдфебелей, унтеръофицеровъ и рядовыхъ, жена Бертрана, хозяинъ дома и нѣсколько лицъ, способствовавшихъ побѣгу.

Изъ лежащаго передо мной объемистаго дѣла (Acta Inquisitionalia) явствуетъ, что въ началѣ XVIII вѣка караульная служба въ королевской резиденціи Берлинѣ неслась весьма неудовлетворительно. Распоряженія по гарнизону отдавались большею частью не въ приказахъ, а устно, во время раздачи пароля маіоромъ „дю-журъ“, что конечно не могло не вести къ недоразумѣніямъ. Въ данномъ случаѣ изъ 8-ми караульныхъ начальниковъ нѣкоторые знали о распоряженіи тщательно провѣрять службу караула, другіе не знали. Одинъ слышалъ это распоряженіе изъ устъ ротнаго командира; другой—фельдфебеля. Обязанности караульнаго начальника и начальника главнаго патруля не были, повидимому, ясно разграничены. Такъ, одинъ изъ первыхъ объяснилъ на судѣ, что онъ полагалъ, что повѣрять караулъ у арестованнаго долженъ не онъ, а начальникъ патруля.

Судъ закончился печально для виновниковъ служебной небрежности. Маіоръ Хеннигенъ и капитанъ Зондерслебенъ были приговорены къ „реприманду“ и къ вычету мѣсячнаго содержанія; ефрейторы: Сембке—къ 1 мѣсяцу и Шаде къ 6-ти мѣсяцамъ каторжныхъ работъ; фельдфебель Бусе къ воспрещенію исполненія адъютантскихъ обязанностей и т. д.

Между прочимъ изъ дѣла видно, что тогдашній оффиціальный военный нѣмецкій языкъ былъ положительно наводненъ исковерканными французскими словами: „echappieren“, „arriviren“, „visitiren“, „repondieren“, „confrontieren“, „passaten“ (прохожіе), „evasion“, „ronde“, „negligence“, „diverter“ (различный), такъ и пестрятъ на каждой страницѣ.

Видно также и то, что допросъ велся съ пристрастіемъ и если обвиняемый артачился и не хотѣлъ показывать, что отъ него требовалось, то ему надѣвали на шею какой-то стальной воротникъ. Впрочемъ, одной угрозы прибѣгнуть къ этому средству было обыкновенно достаточно, чтобы развязать языкъ.

10.

Бертранъ бѣжалъ въ Дрезденъ, имѣя фальшивый паспортъ на имя Антонія Пилони. Но долго въ этомъ городѣ не оставался, опасаясь, что и тамъ достанутъ его руки сѣвернаго колосса, становившіяся все длиннѣе съ каждымъ годомъ. Онъ продолжалъ свое бѣгство на югъ и скрылся окончательно изъ вида гдѣ-то въ Италіи.

Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ лишь одно письмо Бертрана, а именно Петру I-му, написанное въ Ливорно 6 іюня 1715 года и полученное въ Петербургѣ 11 іюля того же года.

Старый авантюристъ, повидимому, съ сожалѣніемъ, съ тоской вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ состоялъ на службѣ Царя и былъ очевидцемъ и даже участникомъ чудеснаго созиданія великой сѣверной державы. Быть можетъ, дѣйствительно въ его жизни, полной лишеній и ожесточеній вѣчной борьбы за существованіе, это былъ единственный періодъ, когда онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и матеріально и нравственно: былъ обезпеченъ хорошимъ содержаніемъ, стоялъ на равной ногѣ съ людьми знаменитыми своими дѣлами и своими именами, дѣлалъ дѣйствительно нужную и полезную работу, не имѣя надобности прибѣгать къ средствамъ темнымъ и сомнительнымъ. Быть можетъ, Московія явилась для него второй родиной, родиной сердца и духа. Его вѣчное стремленіе въ эту суровую страну изъ богатыхъ и ласковыхъ западныхъ странъ какъ будто подтверждаетъ это.

Бертранъ проситъ Царя простить его за внезапное бѣгство изъ Россіи, которое онъ объясняетъ интригами своихъ враговъ.

„Чаю—пишетъ онъ—что время все Вамъ открыло и я дерзаю уповать, что Ваше Величество милость свою покажете и свѣту окажете, что Вы тѣхъ не оставляете, которые Вамъ какой пользы были“.

Изгнанникъ вспоминаетъ свою службу въ Ингерманландскомъ походѣ и при взятіи Нарвы и умоляетъ разрѣшить ему вернуться въ Россію и свое „подданство возобновить“.

Онъ пишетъ, что изъ уваженія къ своему званію русскаго генералъ-инженера онъ никуда не поступилъ на службу (про переписку съ Венеціанской республикой умалчиваетъ), „чего ради истощалъ и такъ бѣдна себя нахожу, какъ Іовъ“. И проситъ поскорѣе выслать ему извѣстную сумму денегъ „чѣмъ бы персонально мою покорность объявить пріѣхать могъ“.

Письмо заканчивается увѣреніями въ вѣчной преданности Царю и въ готовности за него умереть.

11.

На этомъ кончается исторія генералъ-инженера Бертрана, и судьбу его снова окутываетъ мракъ неизвѣстности, изъ котораго, 14 лѣтъ назадъ, онъ вышелъ на границѣ двухъ странъ и двухъ эпохъ.

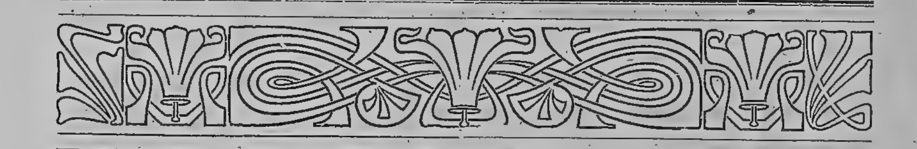
Это былъ одинъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ людей, которыхъ водоворотъ великихъ событій всегда достаетъ изъ темныхъ глубинъ жизни и выбрасываетъ на поверхность, съ тѣмъ, чтобы, черезъ короткое время, снова похоронить въ вѣчной тьмѣ. Исторія не создается этими людьми, но ища личныхъ выгодъ, преслѣдуя свои эгоистическія цѣли, они приспосабливаются къ ея великимъ теченіямъ, и дѣятельность ихъ нерѣдко бываетъ полезна для человѣчества, быть можетъ, даже необходима.

Великій мыслитель Колумбъ открылъ Америку. Но могла ли бы она получить такое быстрое и блестящее развитіе безъ искателей приключеній: Кортеца, Пизарро и многихъ другихъ?

Великій Императоръ Петръ двинулъ Россію по пути прогресса. Но легко ли было бы ему сдѣлать въ такой короткій срокъ такую страшную работу безъ массы авантюристовъ,—крупныхъ и мелкихъ,—хлынувшихъ въ Москву въ чаяніи наживы?

А въ наше время—положа руку на сердце—развѣ мы мало встрѣчаемъ среди передовыхъ людей на всѣхъ поприщахъ жизни авантюристовъ—большихъ и малыхъ?

К. Арнольди.

Старинное слово о живомъ словѣ.

„О великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!“ постоянно звучитъ съ каѳедры, неоднократно пишется въ статьяхъ, въ подкрѣпленіе разсужденій о значеніи, силѣ, красотѣ родного языка. Эти слова Тургенева о родномъ языкѣ, съ такою силою и страстностью вырвавшіяся изъ глубины души его въ минуту раздумья, только потому такъ часто повторяются, что наиболѣе общеизвѣстны; но они не единственны въ своемъ родѣ на страницахъ русской литературы. Во многихъ и многихъ твореніяхъ великановъ русской словесности, какъ перлы жемчуга, разсыпаны мысли о человѣческой рѣчи, о родномъ языкѣ, о живомъ словѣ. Всѣ эти мысли, собранныя во-едино, могли бы составить объемистую, въ высшей степени интересную, книгу и открыть новый источникъ знанія и вдохновенія.

Назовемъ хотя-бы нѣкоторыя изъ нихъ: „И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго характера“, говоритъ Гоголь. „Искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества, даже больше, чѣмъ наука,

именно потому, что она—звучащая, человѣческая, мыслящая душа и душа не умирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа", указываетъ Тургеневъ. „Родное слово, рѣчь народа! языкъ средь жизненнаго хода, стоишь ковчегомъ ты святымъ и служишь сводомъ сопряженья, завѣтомъ вѣчнаго сближенья!" восклицаетъ Мицкевичъ. „Нѣтъ слова, которое бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово" (Гоголь). „Мы находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспріимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ" (Тургеневъ). Пушкинъ вѣрилъ, что силою могучаго русскаго языка онъ „Памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный"; и что ему назначено свыше: „Глаголомъ жги сердца людей". Ал. Толстой называетъ дары, приносимые свѣтлыми Духами на землю: „Жатвы всѣ благословить, принести живое слово"... „Есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ", восторгается Лермонтовъ.

Внимательно слѣдя за подобными, болѣе или менѣе однородными, мыслями творцовъ русскаго литературнаго языка, читающій проникается ихъ взглядами на обликъ ихъ собственнаго творчества и невольно начинаетъ раздѣлять ихъ высокія воззрѣнія на человѣческую рѣчь вообще и на родной языкъ, въ частности. Однако, при чтеніи такихъ откровеній въ умѣ читающаго пробуждается размышленіе: выработаны ли писателями эти идеи самостоятельно—силою личнаго таланта, творческимъ дарованіемъ? или же они, являясь мельчайшими единицами великой семьи своего народа, лишь отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, его мысли, его идеи о собственномъ языкѣ; и, какъ истые сыны своей родины, они несутъ въ своихъ произведеніяхъ залогъ историческихъ переживаній, печать вѣковой мудрости всего русскаго народа?

Языкъ народа, это — многовѣковой, „нерукотворный памятникъ" исторической жизни его. Онъ подобенъ безбрежному морю съ его отливами и приливами, съ его яркими красками при свѣтѣ просвѣщенія, и его непроглядною тьмою среди мрака невѣжества. Произведенія народнаго творчества, подобно волнамъ, передаютъ колыханіе этого безграничнаго океана: нѣкоторыя изъ нихъ при столкновеніи съ новыми вѣяніями разлетаются въ дребезги,

другія, напротивъ того, упорно противостоятъ натиску чуждыхъ идей; одни запечатлѣваютъ въ себѣ цѣликомъ свѣжія впечатлѣнія, другія окутываютъ постороннія вліянія такою густою дымкою своеобразности, что нѣтъ возможности найти ихъ истинный слѣдъ...

Раскинувшаяся на огромныя пространства, покрытая непроходимыми болотами и дремучими лѣсами, древняя Русь—какъ показываетъ исторія—медленно перерабатывала въ себѣ начала государственности и подчинялась вліянію новой религіи. Однако же, христіанство, какъ и государственное строительство, хотя съ трудомъ, но все же неуклонно растекались по лицу земли древне-русской, проникали въ глубь народной жизни и налагали на нее свой отпечатокъ. Они послужили къ смягченію нравовъ, къ поднятію міровоззрѣнія народнаго, создали новые идеалы, новыя условія быта и, безъ сомнѣнія, отразились и на внѣшнемъ проявленіи внутренняго міросозерцанія народа — на его живомъ словѣ, устной рѣчи. Ближайшія свидѣтельницы жизни народа, русскія пословицы, запечатлѣваютъ въ себѣ эти великія переживанія и несутъ память о нихъ въ послѣдующія поколѣнія. Такъ, нѣкоторыя изъ пословицъ складно и образно выражаютъ его мысли о рѣчи человѣческой, о родномъ языкѣ и чутко передаютъ его наблюденія за этой способностью въ теченіе столѣтій: въ нихъ чувствуется и высокое воззрѣніе народа русскаго на этотъ даръ Божій, и строгое къ нему отношеніе—порой одобряющее, порой порицающее, но всегда глубоко психологическое; иногда въ нихъ скрыты такія глубокія, свѣжія мысли о живомъ словѣ, которыя, пожалуй, не придутъ и въ голову иному широко-образованному человѣку...

Въ тайникахъ народной души вѣками укрѣплялось сознаніе о значеніи и силѣ способности человѣка къ рѣчи, какъ для общественной жизни, такъ и для отдѣльной личности, и подъ вліяніемъ развитія гражданственности уста народныя завѣщаютъ потомству: „Языкъ царствами ворочаетъ“ [1]); „Языкъ—стягъ, дружину водитъ“; въ назиданіе народная мудрость добавляетъ: „Языкъ малъ, великимъ человѣкомъ ворочаетъ“, „Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ“. Невольно нападаетъ раздумье — выработано ли народнымъ сознаніемъ послѣднее воззрѣніе самостоятельно, или же оно сложилось подъ воздѣйствіемъ ду-

[1]) Пословицы заимствованы изъ книги: „Пословицы русскаго народа“, В. Даль.

ховнаго просвѣщенія? При сопоставленіи упомянутыхъ пословицъ съ текстомъ Св. Писанія—„Языкъ небольшой членъ, но много дѣлаетъ“ (Посл. Ап. Іак. 3, 5)—это колебаніе еще болѣе усиливается, такъ какъ оба теченія не только по мысли, но и по формѣ, чрезвычайно близко подходятъ другъ къ другу! Однако, можно съ увѣренностью сказать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изреченія о словѣ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ обладающія глубокимъ психологическимъ смысломъ, нашли откликъ въ психикѣ русскаго народа, пришлись ему по душѣ и вошли во всеобщее употребленіе, принявъ оборотъ рѣчи народныхъ пословицъ: „Покорное слово гнѣвъ укрощаетъ“, „Ласковое слово и кость ломитъ“, „Отъ избытка уста глаголятъ“, „Лучше божбы: ей, ей; ни, ни!“. Народъ, принявшій христіанство, силою проповѣдей и поученій своихъ просвѣтителей, присутствовавшій въ храмахъ на богослуженіяхъ, долженъ былъ оцѣнить все великое значеніе устной рѣчи, какъ средство познанія истиннаго Бога и какъ способа общенія съ нимъ, и потому завѣты старины передаютъ въ послѣдующія поколѣнія: „Языкъ съ Богомъ бесѣдуетъ“, „Не стать говорить, такъ и Богъ не услышитъ“, „Изъ твоихъ устъ, да Богу въ уши“.

Являясь народу высокимъ даромъ Божіимъ, живое слово, по его убѣжденію, обладаетъ большимъ запасомъ нравственной силы и воздѣйствуетъ на окружающихъ: „Гласъ народа—гласъ Божій“, „Родительское слово мимо не идетъ“, „Честное слово и буйную голову смиряетъ“, „Слово не стрѣла, а сердце сквозитъ“. Въ нѣдрахъ жизни народной столѣтіями складывалось воззрѣніе о необходимости внимательнаго отношенія къ этому нравственно-сильному слову—что̀ возвышаетъ и самую рѣчь и благотворно вліяетъ на усерднаго слушателя съ крѣпкою думою. „Красную рѣчь красно и слушать“, „Поменьше говори, побольше услышишь“, „Красна рѣчь слушаньемъ“, „У него на эту рѣчь ухо заложено“, „Не ухо слышитъ, а душа“.

Особенное вниманіе читающаго привлекаетъ къ себѣ послѣдняя пословица. Ея содержаніе можно передать слѣдующимъ образомъ: бываютъ минуты, когда ухо, слушая чужую рѣчь, какъ бы уступаетъ свои права внутренней жизни человѣка для болѣе глубокаго пониманія и усвоенія слышаннаго; другими словами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ухо—физическое чувство для воспріятія слуховыхъ ощущеній—внимаетъ не внѣшней звуковой рѣчи, то-есть

звуку голоса, словамъ и т. д., а стремится при содѣйствіи психики человѣка проникнуть въ тайники слушаемой мысли. Какимъ образомъ эта пословица—Богъ вѣсть, когда и кѣмъ сложенная—предвосхитила мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ книгахъ современныхъ ученыхъ? Или... быть можетъ... этого совпаденія не существуетъ... однако, дѣйствительность убѣждаетъ въ противномъ: при сопоставленіи содержанія этой пословицы съ нѣкоторыми положеніями изъ книги нѣмецкаго психолога, сомнѣніе постепенно смѣняется увѣренностью, что совпаденіе дѣйствительно. Нѣмецкій ученый Э. Мейманъ въ своей прекрасной книгѣ „Экономія и техника памяти [1]", говоря о функціяхъ памяти, указываетъ разнаго рода способы закрѣпленія въ памяти слышаннаго—начиная отъ простого наблюденія ухомъ за произносимою рѣчью и кончая запечатлѣніемъ „при помощи мыслительнаго процесса". Разбирая послѣдній случай, онъ замѣчаетъ: „При этого рода запечатлѣніи вниманіе направлено, слѣдовательно, на *логическую связь мыслей*, но не на *средства* и *форму*, въ которыхъ она проявляется.... Единственно, къ чему мы стремимся—это лишь запечатлѣть и впослѣдствіи воспроизвести *связь мыслей* и *представленій;* слѣдовательно, мы относимся безразлично къ той *формѣ*, въ которой выражена въ подлинникѣ эта связь мыслей" [2])...

Итакъ, когда мы стремимся логичнѣе, глубже проникнуть въ слышанное, у насъ „не ухо слышитъ",—такъ какъ въ этомъ случаѣ мы упускаемъ изъ вниманія слуховую рѣчь,—а „душа", которая „при помощи мыслительнаго процесса" овладѣваетъ всѣмъ глубокимъ содержаніемъ познаваемаго.

Невольно въ умѣ поднимаются вопросы: откуда взялся у мало-образованнаго, вѣрнѣе, невѣжественнаго народа этотъ тонкій анализъ психическихъ процессовъ человѣка? навѣяно ли это многовѣковою жизнью народа? свѣтлымъ ли здравымъ умомъ его? тонкою ли наблюдательностью?.. На эти вопросы, полные колебанія и сомнѣнія, слышится величавый отвѣтъ историческаго голоса: „Каковы свойства,

---

[1]) Эрнстъ Мейманъ. Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣніи и запоминаніи. Переводъ Н. Самсонова. Москва. 1913 г.

[2]) То-есть къ значенію словъ, къ ихъ послѣдовательности, къ своеобразному выбору словъ для передачи мыслей, то-есть къ слуховой формѣ рѣчи.

таковы и рѣчи". Но какъ постигнуть свойства народа, когда тотъ же голосъ вѣщаетъ: „Языкъ видимъ, рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ и не слышимъ". Итакъ, поистинѣ, „Чужая душа—потемки!" Однако, какъ ни глубока тьма чужой души, многовѣковая мудрость народная, наблюдая психику человѣка, выноситъ строгій приговоръ тому, у кого нравственный обликъ не соотвѣтствуетъ словамъ, выходящимъ изъ этихъ потемокъ на свѣтъ Божій: „Говоритъ прямо, а дѣлаетъ криво", „Рѣчи королевскія, да дѣла нищенскія".

Какъ слѣдствіе этого наблюденія, достойная рѣчь, основанная на нравственныхъ качествахъ, обращается въ глазахъ народа въ прочный устой, въ твердыню несокрушимую: „Слово сказалъ, такъ на него хоть теремъ клади", „Слово законъ; держись за него, какъ за колъ", „Честь чести и на слово вѣритъ". Какимъ образомъ такое высокое воззрѣніе на непоколебимое „Слово—олово", сложившееся путемъ долгаго наблюденія, могло совмѣщаться въ сознаніи народа съ суевѣрнымъ преклоненіемъ передъ силою „заговоровъ" и „наговоровъ"?

Уже словопроизводство этихъ понятій указываетъ, что это былъ говоръ, живая рѣчь, эмоціональное же значеніе этихъ словъ окутало ихъ густою дымкою таинственности [1]). Самые тексты заговоровъ и наговоровъ, часто оживляемые дыханіемъ поэзіи, являютъ собою видъ заклинаній силою слова человѣческаго: „А будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота"... „Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской"... „Заговариваю я зубы крѣпко-на-крѣпко"... „Слово мое не прейдетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ"... [2]). Очевидно, кудесники, знахари слагали свои заговоры и наговоры, беря въ основу вѣру народа въ силу „крѣпкаго" слова. Было ли это простое мороченье людей, или же они и сами вѣрили въ эту сверхъестественную силу?!...

Между тѣмъ, прибѣгая къ заговорамъ и наговорамъ какъ къ средствамъ для избавленія отъ различныхъ болѣстей, всевозможныхъ напастей, люди сѣдой старины сла-

---

[1]) Подъ эмоціональнымъ значеніемъ слова подразумѣвается то настроеніе, то чувствованіе, которое мы испытываемъ, слыша какое-нибудь слово. Напр., при словѣ „весна" у насъ является радостное чувство, при словѣ „осень"—тоскливое настроеніе и т. д.

[2]) Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

гаютъ пословицы, по смыслу какъ-бы противорѣчивыя этому источнику спасенія: „Отъ слова не станется“. „Словомъ человѣка не убьешь“. Не противорѣчія къ бытовому укладу жизни слѣдуетъ искать въ сихъ реченіяхъ, а скорѣе подтвержденія его: можно думать, что этими памятниками словесности русскій человѣкъ чурается отъ силы злого слова и увѣщеваетъ дѣтей своихъ не бояться его, такъ какъ „Словомъ и комара не убьешь“; но памятуя въ то же время о великомъ значеніи живого слова, онъ присовокупляетъ: „Слово не обухъ, а отъ него люди гибнутъ“...

Общеизвѣстно, всегда и вездѣ повседневная жизнь, обыденная обстановка, окружающая человѣка, захватываетъ его сильнѣе, глубже, чѣмъ психическія наблюденія и отвлеченные вопросы. Это вліяніе сказывается и на изреченіяхъ народныхъ о рѣчи человѣческой: только незначительная часть ихъ касается мыслей высшаго порядка; большинство же изъ нихъ затрагиваетъ вопросъ съ точки зрѣнія общественно-нравственнаго уклада жизни и, при томъ въ такомъ количествѣ, что нѣтъ возможности говорить о всѣхъ подробно.

Забота о хлѣбѣ насущномъ, постоянно тревожащая обывателя, даетъ ему поводъ высказать свои мысли о языкѣ, проведя равнодѣйствующую между этими двумя видами домашняго обихода: „Блюди хлѣбъ на обѣдъ, а слово на отвѣтъ“. „Языкъ голову кормитъ“. „Языкъ хлѣбомъ кормитъ, и дѣло портитъ“. Народная молва не обошла молчаніемъ и то значеніе живого слова, которое оно имѣетъ при взаимоотношеніи людей: „На сердитое слово не осержайся, а на ласковое не надѣйся“, „Кто говоритъ, что хочетъ, самъ услышитъ, что не хочетъ“. „Прямикое слово, что рогатина“. „Отъ языка не уйдешь“. Привычка русскаго человѣка къ бранной рѣчи привлекала къ себѣ вниманіе старинныхъ людей и наводила ихъ на мысль о поученіяхъ, слышанныхъ ими ранѣе: „Не бранись, что исходитъ изъ человѣка, то его поганитъ“. „Не сквернитъ въ уста, сквернитъ изъ устъ“. „Не бранись: нечисто во рту будетъ“. Пустомельство, болтливость вызываетъ неудовольствіе здравомыслящихъ людей, и они пытаются усовѣщевать неугомонныхъ болтуновъ: „Въ многословіи не безъ пустословія“. „Говори съ другими поменьше, а съ собою побольше!“ „Пустая мельница и безъ вѣтра мелетъ“. Краснобайство—красивая форма безъ внутренняго содержанія—заслуживаетъ неменьшаго осужденія: „Красно говоритъ, а послу-

шать нечего". „И красно и пестро, да пустоцвѣтомъ". „Складно баитъ, да дѣла не знаетъ"...

Уста народныя, порицающія пустословіе, краснобайство, всегда высказывали желаніе слышать отъ оратора и складную и, въ то же время, дѣльную рѣчь. Это желаніе передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошло и до нашего времени и звучитъ въ формѣ пословицъ: „Хорошую рѣчь хорошо и слушать". „Что молвилъ, то рублемъ подарилъ". „Не пройми копьемъ, пройми языкомъ". Народное остроуміе не щадитъ плохого оратора: „У него слово слову костыль подаетъ". „Кланяться гораздъ, а говорить не умѣетъ". „За тобой и на перемѣнныхъ не поспѣешь".

Но русскій народъ останавливалъ свое вниманіе не только на ораторской рѣчи, но и чутко прислушивался къ своему родному языку и ловилъ ухомъ тѣ слова, которыя особенно приходились ему по душѣ, такъ какъ соотвѣтствовали его настроенію, его психикѣ: „Авось — великое слово". „Есть" словцо, какъ медъ, сладко; „нѣтъ" словцо, какъ полынь, горько". „Русское[1]) словцо" „виноватъ". Соотвѣтствуя психикѣ народа, являясь отзвуками исторической жизни его, живое слово вѣками сохраняло слѣдъ нравственныхъ идеаловъ народа, если оно слагалось въ тѣ времена, когда онъ разрывалъ оковы повседневной, будничной жизни, и душа его переносилась въ міръ возвышенныхъ мыслей: „Велико слово—спасибо", „Право—великое слово". Ненавидя кривду, стремясь всей душой къ правдѣ, родная старина съ высокимъ подъемомъ увѣщеваетъ послѣдующія поколѣнія: „За правое дѣло говори смѣло". „На правду словъ мало: „либо да, либо нѣтъ". „На правду нѣтъ словъ". Но въ минуты вдохновенія тотъ же неизмѣнный глаголъ вѣковъ облекаетъ въ русскія слова высокія мысли и завѣщаетъ потомству: „На великое дѣло—великое слово!".

Герои народнаго эпоса, былинные богатыри [2])—вершители великаго дѣла „освобожденія земли русской отъ враговъ внѣшнихъ, внутреннихъ и духовныхъ" были, въ то же время, и носителями великаго слова. Видя въ нихъ свои идеалы, и потому надѣляя ихъ многоразличными качествами и свойствами, народное воображеніе влагаетъ

---

[1]) Правописаніе по книгѣ „Пословицы русскаго народа".

[2]) Текстъ и ударенія заимствованы изъ книги В. П. Авенаріуса: „Книга былинъ". Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. С. Петербургъ. 1885 г.

въ уста нѣкоторыхъ изъ нихъ чудодѣйственный зычный голосъ, при звукѣ котораго все трепещетъ и преклоняется.

Любимецъ народа русскаго, матерой богатырь Илья Муромецъ обладалъ и мощью превеликою и чудесной силой голоса могучаго: „Отъ того-ли да отъ крику богатырскаго бѣлокаменны палаты зашаталися, изъ оконницъ стеклышки посыпались, на столахъ напитки расплескалися, за столомъ князья да бояре припадали"... А по слову Ильи Муромца чудеса свершались дивныя: „Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ, каленую стрѣлочку накладывалъ, самъ стрѣлѣ да приговаривалъ: „Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхіимъ, поснимай-ка золочены маковки!" Пали на земь золочены маковки".

Про великаго богатыря, про Дуная свѣтъ Ивановича русскія былины сказываютъ: „Тихій-то Дунай и говорить гораздъ", а Владиміръ стольно-кіевскій, зная этотъ даръ богатыря, посылалъ его въ Литву „посвататься за него за князя за Владиміра".

Повелительное слово молода Добрынюшки Никитича наказало землѣ матушкѣ порастрескаться и поглотить всю кровь змѣиную: „Бралъ опять Добрыня плёточку шелковую, билъ той плёточкой сыру землю, самъ землѣ да приговаривалъ: „Разступись-ка, мать-сыра земля, на четыре разступись на четверти, всю пожри-ка кровь змѣиную". Разступилась мать-сыра земля на четыре да на четверти, всю пожрала кровь змѣиную".

По народному сказанію, святорусскіе богатыри, сами обладающіе зычнымъ голосомъ, повстрѣчали и у супротивниковъ своихъ страшный голосъ съ силой лютою, отъ которой гибло все вокругъ: „Какъ засвищетъ онъ (Соловей-разбойникъ) по-соловьиному, зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному, закричитъ, собака, по-звѣриному. Всѣ-то травушки-муравушки уплетаются, всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются, темны лѣсушки къ землѣ всѣ преклоняются; а что есть людей-то всѣ мертвы лежатъ". „Заревѣлъ самъ (Сокольникъ), будто лютый звѣрь: отъ того отъ реву молодецкаго всколыбалася сыра земля, выливалася изъ рѣкъ вода".

Воображеніе народное, создавая для испытанія своихъ героевъ всевозможныя препятствія и ужасы, считало однимъ изъ тяжелѣйшихъ подвиговъ—устоять въ первыя минуты единоборства противъ всесокрушающей силы голоса своего противника.

И потому, побѣдоносные поединки, въ которыхъ неустрашимымъ защитникамъ отчизны удавалось преодолѣть и посвистъ Соловья - разбойника, и ревъ Сокольника, пробуждали въ народѣ чувство гордости за своихъ любимыхъ богатырей и наполняли радостью его сердце, такъ какъ эти побѣды были изъ труднѣйшихъ... „Коли самъ я свистомъ не сразилъ его (Ильи Муромца)" откровенно сознаетъ Соловей-разбойникъ свое безсиліе.

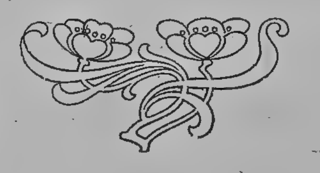
Тяжело, нестерпимо тяжело было народной душѣ разставаться со своими возлюбленными героями, такъ какъ они были плоть отъ плоти и кость отъ кости его; но неумолимая исторія требовала ихъ исчезновенія, и стоустая молва сложила былину: „Какъ перевелись богатыри на святой Руси". Вѣками привыкнувъ выражать радость и горе въ живомъ словѣ, русскій народъ въ заключительномъ произведеніи своего эпоса знаменательно связываетъ гибель борцовъ за землю русскую со значеніемъ живого слова въ жизни человѣка. Алеша Поповичъ забылъ страхъ Божій, забылъ завѣты старины — „Бойся Всевышняго, не говори лишняго"—и вызвалъ на бой силу небесную: „Подавай намъ силу хоть небесную; мы и съ тою силой, братцы, справимся!" И слово его заносчивое погубило непобѣдимыхъ охранителей святой Руси. Но они не умерли! о нѣтъ! Этого не вынесла душа народная! Но въ наказаніе за неразумное слово Алеши Поповича, послѣ страшной битвы съ невидимою силою, они всѣ „окаменѣли" близъ высокой горы.... и чувство народное смиряется передъ справедливой карой Божіей...

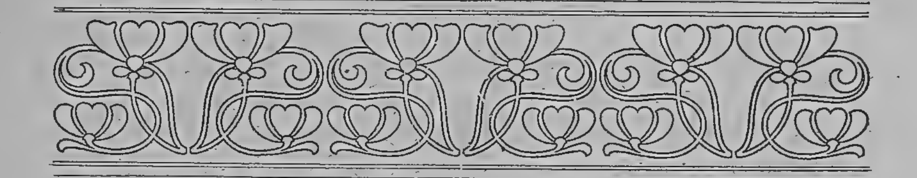
Познакомившись черезъ своихъ грамотеевъ съ новымъ видомъ живого слова—чтеніемъ вслухъ книжной рѣчи, русскій народъ перерабатываетъ въ своемъ сознаніи это новое явленіе жизни и, самъ не будучи грамотенъ, жаждетъ слышать отъ чтеца правильное, толковое чтеніе: „По выучкѣ мастера знать". „Кто по толкамъ, а кто по складамъ". „Не на пользу читать, коль только вершки хватать". Природная склонность народа къ шуткѣ заставляетъ его подтрунить надъ плохимъ чтеніемъ, и неумѣлый чтецъ подвергается насмѣшкѣ: „Гдѣ чихнуть пришлось—запятая; гдѣ икнулось—двоеточіе; а гдѣ табаку понюхать—точка"; и ему указывается въ наказаніе: „Не всякій, кто читаетъ, въ чтеньи силу знаетъ". Признавая силу въ чтеніи, почерпая изъ письменной рѣчи много новыхъ мыслей и знаній, старинные люди приглядываются и прислушиваются одно-

временно къ книжному и устному слову и сопоставляютъ ихъ между собою: „Говоритъ, какъ книга“. „Живая грамота“. И свои психологическія наблюденія надъ разновидною человѣческой рѣчью они оставляютъ исторіи въ складной и образной формѣ: „Слово—пухъ, а буква—пудъ“. „Живое слово дороже мертвой буквы“.

И такъ, переживая въ своей долгой жизни многоразличныя политическія событія, великія духовно-религіозныя исканія, вырабатывая и общественный строй, и нравственные устои и семейно-бытовой укладъ, наблюдая въ этихъ переживаніяхъ и исканіяхъ рѣчь человѣческую, какъ силу могучую, чувствуя живое слово близкимъ и дорогимъ своей душѣ, русскій народъ шлетъ изъ сумрака вѣковъ современнымъ писателямъ свой историческій завѣтъ: „Старинныя пословицы — „Малъ языкъ — горами качаетъ“. „Живымъ словомъ побѣдить“—не мимо молвятся!“

Н. Сентюрина.

Изъ размышленій историка.

(Литература о П. И. Сумароковѣ).

Въ майской книжкѣ „Голоса Минувшаго" (1914 г., № 5) была напечатана замѣтка К. В. Сивкова „Провинціальная администрація въ 1812 г." [1]). Изучая дѣятельность Аракчеева, мнѣ пришлось столкнуться и съ „героемъ" указанной статьи, П. И. Сумароковымъ: это столкновеніе вызвало у меня нѣсколько печальныхъ мыслей, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями.

I. О существованіи П. И. Сумарокова я впервые узналъ изъ статьи А. Кизеветтера „Аракчеевъ", помѣщенной въ „Русской Мысли" за 1910 г. (кн. XI и XII, откуда и цитирую), которая потомъ вошла въ „Историч. очерки".

Здѣсь я прочиталъ. „Передъ окончательнымъ укрѣпленіемъ фавора Аракчеева при Александрѣ въ Новгородѣ

[1]) На требованіе гражд. губернатора П. И. Сумарокова, представить дополнительно 40 ратниковъ, новгородское мѣщанское общество отвѣтило отказомъ и 22 X даже составило всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ оправдывалось и просило освободить его отъ притѣсненій Сумарокова. За мѣщанское общество вступился потомъ губернскій прокуроръ Бѣлявскій; постепенно разрослась переписка (помѣщена у В. Н. Строева въ его „Документахъ къ ист. Отечественной войны", „Сборн. историч. докум. изъ канцел. Е. В.", 2 ч. XIV в.), которая послужила поводомъ къ особому „дѣлу" въ министерствѣ (см. въ статьѣ Сивкова), и которая вызвала ревизію сенатора Миклашевскаго (дѣло № 17, 1815 года по Д. Г. и Д. дѣлъ изъ Архива Госуд. Совѣта).

губернаторствовалъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, отличавшійся строгой честностью. При подрядахъ и рекрутскихъ наборахъ онъ относился ко всѣмъ помѣщикамъ губерніи съ полнымъ безпристрастіемъ. На этой-то почвѣ между нимъ и грузинскимъ владѣльцемъ и не замедлили возникнуть непріятности, ибо Аракчеевъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его трактуютъ совершенно такъ же, какъ и другихъ землевладѣльцевъ, не дѣлая ему никакихъ поноровокъ. Тогда Аракчеевъ началъ совершенно ложно обвинять Сумарокова передъ Государемъ въ пьянствѣ, и Сумароковъ былъ отставленъ отъ службы и впалъ въ большую бѣдность" [1]).

Къ этому сдѣлано примѣчаніе: „Русскій Архивъ", 1880 г., кн. III, „Изъ записокъ Шенига". Въ 1825 г. Аракчеевъ, ,однако, доставилъ Сумарокову аренду". Повидимому, Кизеветтеръ всецѣло положился на свидѣтельство Шенига, а, между тѣмъ, „записки Шенига" (какъ и большинство другихъ!) требуютъ къ себѣ очень осторожнаго отношенія. Кизеветтеръ, видимо, даже не подозрѣвалъ о существованіи тѣхъ документовъ, которые послужили основой статьи Сивкова. (Ихъ можно было бы пополнить указаніемъ на дѣло № 17, 1815 г. по Департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, изъ архива Государственнаго Совѣта, въ которомъ находятся документы ревизіи сенатора Миклашевскаго) [2]).

---

[1]) Кн. XII, 29—30 стр.

[2]) „О ревизіи сенаторомъ тайн. сов. Миклашевскимъ Новгородск. губ. и о непорядкахъ по управленію гражданскаго губернатора Павла Сумарокова", Н. 16 III; К. 5 VI; лл. 17.

Въ своемъ заключеніи сенаторъ Миклашевскій подтверждаетъ всѣ тѣ непорядки, которое выясняются и изъ переписки Сумарокова съ Аракчеевымъ (см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.", 1862 г., II. гдѣ она полнѣе, нежели въ „Русской Старинѣ", въ XI кн. 1900 г.). Миклашевскій указываетъ и на непорядки при наборѣ рекрутъ, и на неправильность распредѣленія земскихъ повинностей, и на безпорядки при допросахъ и арестахъ исправниками, и на неисправности въ производствѣ дѣлъ...

Интересно, что Сумароковъ почти все объясняетъ „личностями" Вступивъ въ должность въ апрѣлѣ 1812 г., онъ, молъ, „нашелъ губернію въ безпорядкѣ и запущеніи...". „между тѣмъ нашелъ личность отъ губернскихъ чиновниковъ...". 18 же IV 1815 г. онъ писалъ: „меня всѣ мѣста, всѣ сословіи всегда хвалили, одинъ только Г. Сенаторъ Миклашевскій вздумалъ по извѣстной его ко мнѣ личности порочить мое управленіе. Но что же онъ при всей враждѣ своей отыскалъ, написалъ? Десять незначущихъ пунктовъ, кот. ни до чести моей, ни до способности

Такое „довѣріе" къ различнаго рода „запискамъ" и „воспоминаніямъ", мнѣ кажется, не можетъ быть допускаемо въ научныхъ, историческихъ работахъ; тѣмъ болѣе, что оно часто заводитъ автора слишкомъ далеко: приведенная цитата служитъ (?) подтвержденіемъ къ словамъ Кизеветтера, что „потворствуя близкимъ людямъ и расправляясь съ врагами, Аракчеевъ нерѣдко шелъ на прямую ложь" 1). Между тѣмъ, знакомые со статьей Сивкова (или документами, приведенными В. Н. Строевымъ въ его „Сборникѣ", 2 ч., XIV вып.) прямо увидятъ, что Аракчеевъ могъ быть недоволенъ поведеніемъ Сумарокова. (Я не касаюсь теперь вопроса о причастности Аракчеева къ удаленію Сумарокова, т. к. не имѣю достаточныхъ данныхъ, хотя, кажется, онъ и долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, если принять во вниманіе письмо Сумарокова къ Аракчееву въ январѣ 1816 г.—см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.", 1862, III, 149 стр.). Для незнакомыхъ съ указанными матеріалами, я, чтобы не повторяться, приведу только нѣсколько словъ изъ рапорта прокурора Бѣлявскаго и изъ всеподданнѣйшаго прошенія мѣщанскаго общества. 2/XI 1812 г. Бѣлявскій доносилъ: „еще со времени существованія Новгородской губерніи никогда не было до такой степени испорчено правленіе оною, до какого довелъ въ короткое время нынѣшній Господинъ Гражданскій Губернаторъ, разрушившій весь законами установленный порядокъ въ производствѣ дѣлъ"; мѣщане же г. Новгорода такъ заканчивали свое прошеніе отъ 22/X, 1812 г.: „Ваше Императорское Величество сердобольный Государь побоче единыи покровъ ипредстательство неповинно утесняемыхъ, удели извремя посвященнаго тобою назащиту подътвоею

управлять не касаются и которые, отдавъ съ моими объясненіями на судъ всѣхъ, заключаютъ въ себѣ одну только досаду...".

К. В. Сивковъ пишетъ, между прочимъ, что о дополнительномъ наборѣ рекрутъ „было только постановленіе Комитета Ополченія противорѣчившее какъ манифестамъ, изданнымъ по этому поводу, такъ и рѣшенію Комитета Министровъ отъ 6 сентября", (227 стр.)—безъ дальнѣйшаго, болѣе точнаго указанія. Очевидно, это постановленіе состоялось между 14 сентября и 18 октября, т. к. еще 14 IX 1812 г. Аракчеевъ писалъ Свѣчину, начальнику Новгородскаго ополченія: „еще, любезный другъ, слышали мы и всѣ Новгородскіе здѣсь живущіе дворяне, что еще требуютъ ратниковъ, но не видимъ нигдѣ онаго приказанія. Всѣмъ извѣстно, что въ Комитетѣ ополченіевъ я старшимъ, но мы и всѣ трое сего приказанія ни откуда не получали" (см. въ „Чтеніяхъ", стр. 142—143).

1) Кн. XII, стр. 29.

милосердою десницею живущихъ ивоззри наповергаемыхъ предъ Высочайшимъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества наверно подданныхъ живущихъ подъигомъ неукротимаго тесненія и разсмотря обстоятельствы употребите несколько минутъ кърасмотренію всеподданнейше представляемыхъ присемъ поступковъ Господина Гражданскаго Губернатора Сумарокова съ полицемейстеромъ бондыревымъ проникни по сродной склонности сердца своего кчеловеколюбию наглась моления верноподданныхъ“... [1]).

Отсюда видно, правъ ли Шенигъ, что „Сумароковъ правилъ губерніею къ общему всѣхъ сословій удовольствію“ [2]); а, прочитавъ указанное „дѣло“ изъ архива Государственнаго Совѣта, мнѣ кажется, и Кизеветтеръ вычеркнулъ бы изъ своей статьи приведенныя мною слова. Я не сталъ бы останавливаться на этомъ мелкомъ вопросѣ, если бы не замѣчалось вообще тенденціи къ излишнему довѣрію разнымъ „воспоминаніямъ“ и „запискамъ“ - воспоминаніямъ. Прочитавъ много такихъ „записокъ“ о дѣятельности Аракчеева, я ярко увидѣлъ всю ихъ шаткость, всю ихъ противорѣчивость; поэтому я считаю необходимымъ высказать пожеланіе, чтобы историки принимали во вниманіе эти записки - воспоминанія только въ своей собственной работѣ, ибо внесеніе ихъ въ „научную“ литературу придаетъ имъ извѣстный вѣсъ, котораго они совершенно не заслуживаютъ.

Съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ Кизеветтеръ опирается на Шенига, онъ могъ бы привести слова Тургенева изъ письма къ Вяземскому отъ 2/V, 1825 г. по поводу суда надъ Поповымъ (книга Госнера): „Вчера въ Сенатѣ судили Попова; графъ Хвостовъ присталъ къ мнѣнію Сумарокова, исчадію невѣжества, глупости, подлости и у насъ неслыханныхъ“ [3]), но при чемъ здѣсь исторія, при чемъ здѣсь наука?!..

II. Заинтересовавшись П. И. Сумароковымъ, я столкнулся и съ другимъ печальнымъ фактомъ: оказывается, „Русскимъ Біографическимъ Словаремъ“ надо пользоваться только послѣ основательной провѣрки его данныхъ! Я подчеркиваю то обстоятельство, что данныя Словаря, издаваемаго Императорскимъ историческимъ обществомъ, нуж-

---

[1]) „Документы, относящіеся къ ист. 1812 г.“, 2 ч., XIV в. „Сборника“ стр. 94, 123—124.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1880 г., III, 308 стр.

[3]) Остафьевскій Архивъ, III, 119—120 стр.

даются не въ *пополненіи*, что неизбѣжно въ исторической работѣ, а въ *провѣркѣ* и *исправленіи*!

Когда я читалъ дѣло изъ Архива Государственнаго Совѣта о ревизіи Миклашевскаго, мнѣ неизбѣжно понадобились біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ. Обратившись къ Русскому Біографическому Словарю и увидѣвъ, что о П. И. Сумароковѣ написанъ цѣлый столбецъ, я, конечно, обрадовался, но каково же было мое разочарованіе, когда я въ этомъ столбцѣ не нашелъ даже упоминанія о томъ, что Сумароковъ былъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ!.

Этому факту было бы единственное оправданіе въ недостаткѣ свѣдѣній, но, принимая во вниманіе, что въ библіографіи къ очерку указаны переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, записки Шенига,—и это оправданіе составителя біографіи отпадаетъ, т.-к. уже отсюда авторъ долженъ бы былъ узнать и заинтересоваться ролью Сумарокова въ Новгородѣ!..

Надо указать, что и вся-то „библіографія" составлена очень небрежно. „Чтенія" Общ. Ист. и Др. Росс. почему-то названы „Трудами", вмѣсто III кн. ихъ за 1862 г. указана II; что переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, помѣщенная въ „Чтеніяхъ", полнѣе и покрываетъ помѣщенную въ „Рус. Старинѣ"—ничего не сказано; приведены источники, въ кот. нельзя ничего найти о Сумароковѣ (напр., Сборникъ Русск. Историч. Общ.—т. 27); указано „мнѣніе" Сумарокова „о смертной казни", тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, оно было высказано „по дѣлу Попова и о цензурѣ"!.

Опять, казалось бы, мелкій вопросъ; почему важна біографія какого-то П. И. Сумарокова, но въ томъ-то и дѣло, что въ погонѣ за скоростью и за обиліемъ выпускаемаго у насъ слишкомъ часто обращаютъ мало вниманія на „доброкачественность" его. Между тѣмъ, мнѣ кажется, историческій литературный рынокъ (какъ и всѣ другіе?!) итакъ уже заваленъ такой громадой написаннаго, что и теперь требуется много времени, чтобы во всемъ этомъ разобраться, когда берешь даже довольно узкій, спеціальный вопросъ; такъ что, кажется, пора уже подумать и о „разгруженіи" нашей письменности, ибо „во многоглаголаніи нѣтъ спасенія"! Лучше сказать немного, но вѣрно, нежели исписать цѣлые фоліанты, кот. при ближайшемъ знакомствѣ окажутся никуда не годными.

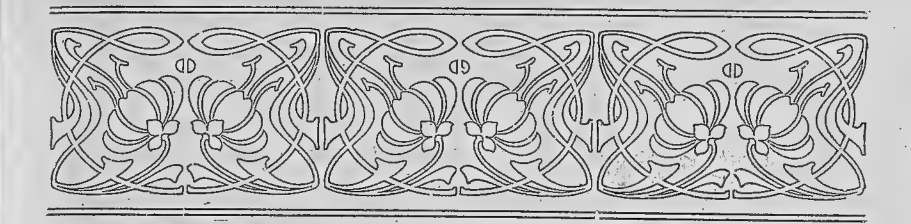
Поэтому, резюмируя сказанное, я обращаюсь ко всѣмъ историкамъ со слѣдующими пожеланіями:

1) пользоваться разнáго рода записками-воспоминаніями только какъ „рабочими гипотезами" въ своей собственной работѣ, всегда оговариваясь, откуда берутся свѣдѣнія; и

2) составлять историческія работы, и даже мелкія замѣтки, съ такимъ разсчетомъ, чтобы быть въ состояніи каждое свое положеніе подтвердить имѣвшимся въ рукахъ матеріаломъ, не опасаясь, что такимъ путемъ сократится „количество" сдѣланнаго, ибо, въ такомъ случаѣ, и исторія и сами историки только выиграютъ: первая въ качествѣ, вторые, какъ это ни казалось бы страннымъ, въ количествѣ работы, въ количествѣ требующейся „провѣрки" данныхъ научной" исторической литературы!..

С. Разумовскій.

Земская реформа 1864 года и ея послѣдующія измѣненія.

19 столѣтіе, въ особенности его вторая половина, въ исторіи современныхъ западно-европейскихъ государствъ было временемъ широкаго развитія въ теоріи и на практикѣ началъ автономіи въ области государственнаго управленія. Совершившееся въ это время отмѣненіе крѣпостного права, главной коренной основы сословной организаціи нашего общества, открыло и у насъ (на Руси) возможность реформированія управленія на тѣхъ же началахъ мѣстнаго земскаго, всесословнаго самоуправленія. Необходимость реформированія этой области давно уже диктовалась самой жизнью. Неудовлетворительность мѣстнаго управленія и особенно сельскаго хозяйства дореформенныхъ учрежденій давно сознавало и само правительство, и уже съ начала 19 столѣтія предпринимаетъ рядъ попытокъ къ ихъ улучшенію. Съ цѣлью улучшенія отправленія всевозможныхъ земскихъ повинностей, въ которыхъ оно особенно много было заинтересовано, одна за другой создаются комиссіи, комитеты и т. п. распорядительные органы, но все это не внесло замѣтнаго улучшенія въ мѣстное управленіе. Фактически власть по-прежнему продолжала оставаться въ рукахъ полиціи, а земское хозяйство пребывало въ условіяхъ домашняго хозяйства исправника. Роль представителей сословій въ комиссіяхъ и комитетахъ была совершенно ничтожна, и на участіе въ этихъ комиссіяхъ

они смотрѣли какъ на ненужную, непріятную повинность. Едва поэтому былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, какъ самъ собою выдвинулся и вопросъ о реформированіи мѣстнаго управленія на основѣ самоуправленія съ предоставленіемъ послѣднему надлежащей самостоятельности. Такую связь и такое соотношеніе между крѣпостнымъ правомъ и самоуправленіемъ (что осуществленіе одного возможно только при отмѣненіи другого) ясно сознавали лица, работавшія въ подготовительныхъ комиссіяхъ по крестьянской реформѣ [1]). Они открыто заявили, что съ отмѣною крѣпостного права необходимо переустройство и мѣстнаго управленія на совершенно новыхъ началахъ, и указывали, что первымъ шагомъ такого преобразованія должно быть установленіе мѣстнаго общественнаго самоуправленія. На-ряду съ ними и дворянскія собранія и даже нѣкоторые губернаторы дѣлали представленія о неудовлетворительности земскаго хозяйства дореформенныхъ учрежденій. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ то время Государю, наряду съ просьбой даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, высказывается пожеланіе образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ [2]). Ко времени же отмѣненія крѣпостного права и вся атмосфера общественной жизни пропиталась этою мыслью, и земская реформа, какъ продолженіе крестьянской, стала предметомъ всеобщаго ожиданія. Правительство сочувственно отнеслось къ предстоящему преобразованію, тѣмъ болѣе, что оно думало найти въ немъ отводный каналъ для возбужденной общественной энергіи. Волна освободительнаго движенія, охватившая въ первой половинѣ XIX столѣтія Россію, вызвала въ сознаніи общества того времени мысль о необходимости преобразованія существующаго строя общественной жизни на совершенно новыхъ, конституціонныхъ началахъ. Чтобы отвлечь общество отъ столь несбыточныхъ мечтаній и ввести освободительное движеніе въ узкое русло мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ и интересовъ каждой губерніи и уѣздовъ, правительство поспѣшило ввести зем-

[1]) Со всею ясностью такая связь и такое соотношеніе между крѣпостнымъ правомъ и самоуправленіемъ раскроются передъ нами изъ приводимаго нами, нѣсколько ниже, обзора основныхъ моментовъ исторической жизни русскаго государства.

[2]) Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895 г.).

ское самоуправленіе и уже въ 1859 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовало особую комиссію для составленія проекта преобразованія губернскихъ уѣздныхъ учрежденій. Плодомъ дѣятельности этой комиссіи и явилось „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“, которое 50 лѣтъ тому назадъ, 1-го января 1864 года, получило законодательную санкцію и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ было проведено въ дѣйствіе въ 33-хъ губерніяхъ. Обзоръ этого Положенія и тѣхъ дополненій и видоизмѣненій, которыя къ нему и въ немъ были сдѣланы впослѣдствіи, дастъ намъ ясное представленіе о земствѣ, какъ одной изъ единицъ мѣстнаго самоуправленія XIX и XX столѣтій. Но прежде, чѣмъ перейти къ такому обзору, какъ задачѣ нашей работы, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, имѣетъ ли земская реформа 1864 года связь съ прошлымъ, или же она есть нѣчто новое, дотолѣ неизвѣстное, въ сферѣ мѣстнаго управленія русскаго государства? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, необходимо вникнуть въ самое существо учрежденія, которое можетъ принимать самыя разнообразныя формы, но оставаться единымъ среди всѣхъ видоизмѣненій. По своей сущности земская реформа 1864 года есть допущеніе къ участію въ мѣстномъ управленіи общественныхъ силъ, въ видахъ наилучшаго удовлетворенія и защиты мѣстныхъ общественныхъ интересовъ. Какъ таковая, она не была новшествомъ для русской государственной жизни: идея самоуправленія всегда была присуща сознанію русскаго человѣка, онъ, можно сказалъ, родился съ нею, а начала ея нашли примѣненіе въ русской государственной жизни съ момента ея возникновенія и жили въ ней во все послѣдующее время, но только сообразно условіямъ, они то усиливались, то ослабѣвали, и иногда, даже, казалось, совсѣмъ исчезали, то вновь появлялись и достигали такой интенсивности, что нормировались и утверждались закономъ. Чтобы видѣть, насколько справедливо это утвержденіе, достаточно заглянуть въ прошлую исторію русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ изъ себя русскій народъ въ самомъ началѣ своей исторической жизни? Не что иное, какъ множество отдѣльныхъ разобщенныхъ другъ отъ друга родовъ, во главѣ которыхъ стояли не чуждыя имъ, пришлыя лица, но свои, родные всѣмъ и каждому, отцы и дѣды. Правда, въ послѣдующее время отдѣльные роды, соприкасаясь

другъ съ другомъ, стали входить въ тѣсное общеніе, и вскорѣ родовой бытъ смѣнился общиннымъ, вмѣсто отдѣльныхъ родовъ появились общины, обнимающія собою нѣсколько родовъ, но характеръ управленія не измѣнился. Во главѣ общинъ встали опять свои люди, избранные изъ среды общинъ.

Не измѣнился рѣзко характеръ управленія даже съ призваніемъ князей. Повидимому, князья должны были бы стать единственными распорядителями и управителями Руси.

Простой народъ, самъ призвавшій ихъ и передавшій въ ихъ руки власть надъ своею землею, не долженъ былъ бы участвовать въ управленіи, но на самомъ дѣлѣ мы видимъ другое. Власть князей не устранила отъ участія въ управленіи и самое населеніе. Правда, князья, садясь на столы, для управленія отдѣльными частями своихъ княжествъ, разсылали по всѣмъ пригородкамъ своихъ дружинниковъ, но они не были органами бюрократической централизаціи. Какъ самъ князь, такъ и его дружинники, часто тяготившіеся своею службою и всегда готовые покинуть ее, смотрѣли на себя, какъ на временныхъ гостей, а на свою службу, какъ на источникъ дохода, а потому садились первый на княжескій столъ, а вторые на посадничество лишь для того, чтобы за свои правительственныя дѣйствія получать кормъ съ населенія. Личные интересы и выгоды всюду ставились ими на первый планъ и предпочитались общественнымъ. Забота объ общихъ нуждахъ не считалась въ это время входящею въ кругъ задачъ правительственной власти. Управлять, по понятіямъ того времени, значило не столько заботиться объ общественномъ благосостояніи и безопасности, сколько „смотрѣть своего прибытка", т.-е. слѣдить за правильнымъ поступленіемъ наложенныхъ на населеніе поборовъ, поступающихъ въ пользу кормленщика [1]). Къ этому „кормленію отъ дѣлъ" обычно и сводилась вся дѣятельность князей и ихъ кормленщиковъ. Между тѣмъ общественная жизнь нуждалась въ благоустройствѣ. Потребность эта была столь велика, что давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Не имѣя нужныхъ благоустроителей, простой народъ volens nolens начинаетъ самъ, своими собственными силами, наводить порядки и разрѣшать разныя дѣла по изстаринному обычаю. И вотъ, по словамъ лѣтописца, „изначала народъ на вѣче, какъ на

[1]) Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. Историческій очеркъ.

на думу, сталъ сходиться и на чемъ старшіе города положатъ, на томъ и пригороды станутъ" [1]). Наряду съ княземъ во главѣ управленія княжествомъ становится вѣчевая сходка стольнаго города, къ которой отъ перваго переходитъ и значительная доля полномочій въ области управленія. Въ какія отношенія всталъ этотъ органъ мѣстнаго самоуправленія къ князю, представителю тогдашней бюрократіи, сказать трудно. Одно только несомнѣнно, что и постановленія вѣча имѣли обязательную силу. Оба эти органа управленія существовали одинъ подлѣ другого во весь періодъ приднѣпровской Руси. Съ перенесеніемъ центра исторической жизни Руси съ приднѣпровья на сѣверо-востокъ въ области управленія происходятъ значительныя измѣненія. Тѣ усилія и затраты, которыя пришлось положить при колонизаціи новаго края, гдѣ каждый шагъ приходилось пріобрѣтать большою цѣною собственныхъ силъ, научили князей дорожить пріобрѣтенными участками земли и смотрѣть на нихъ, не какъ на мѣста временнаго своего пребыванія, а какъ на собственность, свой удѣлъ, а на себя, какъ на единственныхъ управителей и распорядителей. Понятно, что при такихъ понятіяхъ о княжеской власти органы самоуправленія должны были утратить свое прежнее значеніе. И, дѣйствительно, съ возникновеніемъ сѣверо-восточныхъ удѣловъ вѣче отживаетъ свой вѣкъ и идея самоуправленія, не имѣя благопріятной почвы, на время скрывается за порогомъ общественнаго сознанія. Правда, и сѣверо-восточнымъ князьямъ, особенно имѣющимъ большіе удѣлы, для благоустройства послѣднихъ пришлось привлечь къ управленію стороннія силы, но всѣ онѣ, какъ намѣстники, волостели и тіуны—княжескіе чиновники, такъ и бояре нужные, управляющіе дворцовыми помѣстьями, были проводниками и насадителями бюрократизма, а не самоуправленія. Только уже къ концу объединенія всей Руси подъ властью московскихъ князей снова проявляется сознаніе необходимости привлеченія къ самодѣятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ, сознаніе, вызванное различными нестроеніями въ существующемъ въ то время строѣ общественной жизни. Однимъ изъ главныхъ нестроеній было господство произвола въ мѣстномъ управленіи. Стоявшіе во главѣ его кормленщики, пользуясь полной свободою взиманія кормовъ и пошлинъ, въ

---

1) Ibid.

вадахъ собственнаго обогащенія облагали непосильными поборами и безъ того истощенное населеніе. Послѣднее, не имѣя другихъ средствъ для борьбы съ произволомъ правительственныхъ чиновниковъ, кромѣ обращенія къ верховной власти, засыпало московскіе приказы челобитными. Въ нихъ во всемъ видѣ раскрывались всѣ язвы существующаго строя общественной жизни и указывался тотъ новый порядокъ, которымъ можно было замѣнить устарѣвшую систему кормленій. Внимая голосу земли, московскіе князья предприняли рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію своеволія служилыхъ людей, но, когда и онѣ не привели къ желаемымъ результатамъ, приступили къ коренному реформированію мѣстнаго самоуправленія. Одна за другой отрасли мѣстнаго управленія стали отбираться изъ рукъ служилыхъ людей и передаваться въ руки самого населенія. Такъ, въ 15 столѣтіи сборъ кормовъ и пошлинъ былъ переданъ въ руки сборщиковъ—„сотскихъ“ избираемыхъ самимъ населеніемъ. Въ томъ же столѣтіи появилась и другая выборная должность—цѣловальниковъ. Хотя она существовала и раньше, но до этого функціи цѣловальниковъ сводились лишь къ наблюденію за составленіемъ судебнаго протокола, теперь же имъ была предоставлена и нѣкоторая распорядительная власть, направленная къ ограниченію компетенціи кормленщиковъ. Послѣдніе безъ сношенія съ цѣловальниками не могли ни на кого налагать ареста и этимъ самымъ были поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ нихъ. Но болѣе полное примѣненіе въ жизни Московскаго государства начала самоуправленія получили въ XVI столѣтіи. Московское правительство въ этомъ столѣтіи еще дальше пошло въ своей реформаціонной дѣятельности. Въ тѣхъ же видахъ, защиты населенія отъ своеволія кормленщиковъ, оно дѣлитъ Московское государство на особые округа—„губы“, въ которыхъ на-ряду съ намѣстниками ставитъ выборныхъ лицъ—„старостъ“ (губныхъ), избираемыхъ всѣмъ населеніемъ изъ среды мѣстныхъ боярскихъ дѣтей, и имъ передаетъ часть компетенціи намѣстниковъ, именно уголовныя (по суду) и полицейскія дѣла. Остальныя же обязанности по управленію и суду продолжали лежать на намѣстникахъ и волостеляхъ, но въ 1555 году и онѣ вошли въ компетенцію мірскихъ выборныхъ органовъ. Въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ отмѣнилъ кормленія и замѣнилъ ихъ выборными земскими органами—„земскими старостами и цѣловальниками“. Съ

этого времени земская самодѣятельность, проявлявшаяся и раньше въ области мѣстнаго управленія, но только теперь регламентированная и санкціонированная высшею властью, получила права гражданства, а ея органы встали въ рядъ государственныхъ учрежденій. Но мы глубоко ошиблись бы, если бы стали въ послѣдующей исторіи Московскаго государства искать дальнѣйшаго развитія началъ самоуправленія. Какъ ни странно, но XVI вѣкъ былъ, какъ временемъ расцвѣта, такъ и погибели началъ самоуправленія, а самая реформа, призвавшая къ управленію мѣстныя общественныя силы, явилась лишь подготовительнымъ шагомъ къ дальнѣйшей бюрократизаціи этого управленія. Начала самоуправленія только въ томъ случаѣ могли бы пустить глубокіе корни въ организмѣ Московскаго государства, если бы отдѣльныя самоуправляющіяся его единицы находились между собою въ органической связи и объединялись бы въ крупныя единицы, а отдѣльныя сословія его не знали бы розни. Между тѣмъ земскія учрежденія XVI столѣтія съ самаго начала были поставлены въ совершенно иныя условія. Объединеніе сословій на почвѣ мѣстнаго самоуправленія не могло входить въ задачи правительства Московскаго государства, которое стремилось не къ расширенію общественной самодѣятельности, а къ бюрократической централизаціи. Дробленіе крупныхъ административныхъ единицъ на большое число мелкихъ и ихъ сословная и территоріальная обособленность—вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ строилось зданіе Московскаго государства, и тѣ условія, въ которыя были поставлены органы самоуправленія. Какъ противныя самой природѣ идеи самоуправленія, эти условія не только не способствовали развитію изъ учрежденныхъ въ XVI столѣтіи органовъ мѣстнаго управленія истиннаго самоуправленія, но и были причиною того, что органы мѣстнаго самоуправленія выродились въ органы бюрократіи. Къ этому собственно и стремилось московское правительство. Ему нужны были не сплоченныя самодѣющія земскія единицы, а новые органы коронной администраціи взамѣнъ старыхъ, оказавшихся непригодными для его цѣлей. Поэтому-то земскія учрежденія съ самаго начала и получили несоотвѣтствующее ихъ природѣ назначеніе, что и вызвало непонятную на первый взглядъ метаморфозу. Преобразованіе органовъ самоуправленія въ органы бюрократической централизаціи началось вскорѣ же по ихъ учрежденіи, и началось съ того,

что они были лишены своей, такъ сказать, специфической особенности—выборности. Губные старосты, а за ними земскіе въ первой половинѣ XVII вѣка изъ выборныхъ блюстителей мѣстныхъ интересовъ превратились въ назначаемыхъ самой центральной администраціей исполнителей различныхъ ея порученій.

Дальнѣйшею мѣрою, предпринятою московскимъ правительствомъ XVII вѣка для насажденія бюрократизма въ сферѣ мѣстнаго управленія, было учрежденіе „городового воеводы". Какъ бы не довѣряя земскимъ властямъ, центральная власть на мѣстахъ ихъ учрежденія ставитъ своихъ представителей. Являясь проводниками центральной власти, воеводы начинаютъ давить на мѣстные органы, которые, теряя одно за другимъ свои права, въ концѣ концовъ превращаются въ агентовъ воеводъ. Вся административная и судебная власть снова переходитъ въ руки правительственныхъ чиновниковъ, а отъ общественной самодѣятельности остается одна тѣнь. Совершившееся въ это время окончательное закрѣпощеніе крестьянъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и закрѣпощеніемъ бюрократіи въ мѣстномъ управленіи. Но особенно крупные шаги въ своемъ развитіи бюрократизація въ мѣстномъ управленіи сдѣлала во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ. Это время было временемъ интенсивнаго сближенія русскаго государства съ Западной Европой. Рядъ реформъ, произведенныхъ за это время, служитъ наилучшимъ подтвержденіемъ. Весь прежній строй общественной жизни подвергся ломкѣ. Реформировано было и управленіе. Въ области управленія западноевропейскія государства въ это время переживали періодъ такъ называемаго „полицейскаго государства", характерными особенностями котораго является наивысшее развитіе бюрократизма и стремленіе административной власти регламентировать всѣ стороны не только общественной, но и индивидуальной жизни. На началахъ этого полицейскаго государства въ 1719 году имп. Петръ I и реформировалъ управленіе. Введенныя имъ въ 1708 году губерніи были раздѣлены на провинціи и дистрикты, во главѣ которыхъ были поставлены назначенные отъ центра и подчиненные центру чиновники, на которыхъ было возложено попеченіе не только о правосудіи и безопасности гражданъ, но и объ образованіи, благотворительности и т. д. Понятно, что задача, поставленная бюрократіи, была невыполнима. Если раньше, когда компетенція ея ограничивалась административ-

ными и судебными обязанностями, она не могла выполнить своихъ задачъ и приходилось обращаться къ мѣстнымъ силамъ, то тѣмъ болѣе она не могла выполнить ту невыполнимую задачу, которая на нее была возложена теперь. Какъ ни прекрасна и заманчива была по своей идеѣ бюрократическая система, однако непригодность ея для жизни была несомнѣнна. И вотъ, какъ ни странно, Петръ, насаждавшій полицейское государство на Руси и восхвалявшій всемогущество бюрократіи, призываетъ къ участію въ управленіи и общественныя силы. Правда, всѣ учрежденные имъ органы самоуправленія, какъ - то: ландраты, комиссары, городскія ратуши и магистраты, за отсутствіемъ необходимыхъ для ихъ существованія условій, не обнаружили жизнеспособности и вскорѣ бюрократизировались, но для насъ важенъ и тотъ фактъ, что начала самоуправленія не исчезали въ сферѣ мѣстнаго управленія даже въ моменты наивысшаго развитія въ немъ бюрократизма. Что не удалось сдѣлать императору Петру I, то въ нѣкоторой степени было сдѣлано императрицей Екатериной II-й. Ею снова на-ряду съ бюрократическими органами были привлечены къ управленію и общественныя силы, но на новомъ для того времени началѣ—всесословности. Наиболѣе полное примѣненіе это начало получило въ городовомъ положеніи 1785 года, установившемъ впервые въ русскомъ городѣ всесословное градское общество. Какъ широки были стремленія Екатерины II-й къ децентрализаціи и самоуправленію, особенно ясно видно изъ ея попытки создать совѣстный судъ по намѣстничествамъ. Кромѣ совѣстнаго судьи, въ судѣ полагались два члена отъ дворянства, два члена по выбору отъ города и два члена, выборные селеніями. Но къ сожалѣнію условія, въ которыя были поставлены новые органы самоуправленія, не могли содѣйствовать ихъ развитію. Стоявшія бокъ-о-бокъ съ ними бюрократическія учрежденія съ одной стороны, крѣпостная зависимость съ другой—парализовали ихъ дѣятельность и обрекли на чахлое и жалкое существованіе. Только могучая рука великаго преобразователя, императора Александра II-го, разбившая рабства цѣпь, открыла широкій просторъ для общественной самодѣятельности въ области мѣстнаго управленія, покрывъ Великую Русскую землю сѣтью земскихъ учрежденій. Изъ представленнаго нами краткаго обзора главныхъ моментовъ исторической жизни русскаго государства видно, что земскія учрежденія XIX столѣтія по самому своему существу не-

были новшествомъ въ русской государственной жизни. Земская самодѣятельность въ области мѣстнаго управленія съ самыхъ начальныхъ моментовъ государственной жизни Россіи составляла необходимую часть ея административнаго быта, и ничто, ни тяжесть всевластной приказной централизаціи, ни жестокіе удары и вотчина помѣщичьей власти, не могли заглушить зачатки земскаго самоуправленія. Если же при такой жизнеспособности они до половины XIX столѣтія не могли развиться въ настоящіе органы самоуправленія, то причиною этого были условія, среди которыхъ они возникли. Сословность, бюрократическая централизація, закрѣпощеніе крестьянъ,—все это давило зачатки земскаго самоуправленія и не давало имъ развиваться. Сѣмена самоуправленія, изначала посѣянныя на русской землѣ, лежали въ ней и ждали, пока не наступитъ благопріятное для ихъ произростанія время. Такое время наступило только во второй половинѣ XIX вѣка, когда 19 февраля 1861 года „Magna charta libertatum" была дарована 20 милліонной массѣ свобода. Почти черезъ три года послѣ этого было реформировано на началахъ безсословнаго самоуправленія и мѣстное управленіе.

По самому „Положенію" земская реформа 1864 года рисуется въ такомъ видѣ. Въ каждой губерніи вводятся земскія учрежденія, которыя по району ихъ дѣятельности сораздѣляются на уѣздныя и губернскія [1]). Тѣ и другія состоятъ изъ земскихъ собраній,—органовъ распорядительныхъ и контролирующихъ [2]), и управъ, органовъ исполнительныхъ [3]). Земскія собранія составляются изъ гласныхъ: уѣздныя изъ гласныхъ, избираемыхъ всѣмъ населеніемъ уѣзда [4]), а губернскія—изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями изъ числа ихъ гласныхъ [5]). Для избранія уѣздныхъ гласныхъ все населеніе уѣзда дѣлится на три части или куріи: землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, горожанъ и сельскихъ обществъ [6]). Въ основу такого дѣленія положенъ принципъ имущественнаго ценза.

---

[1]) Положеніе о губ. и уѣздн. земск. учрежденіяхъ. Сводъ Законовъ, II т., ч. 1, ст. 1.

[2]) Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. (Сводъ законовъ, II т., 1 ч.) ст. 13, 50.

[3]) Ibid., ст. 65.

[4]) Ibid., ст. 14.

[5]) Ibid., ст. 51.

[6]) Ibid., ст. 14.

Въ курію землевладѣльцевъ входятъ лица, владѣющія въ уѣздѣ опредѣленнымъ пространствомъ земли (не менѣе 200 десятинъ); владѣльцы другого недвижимаго имущества стоимостью не менѣе 15.000 рублей; владѣльцы промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній, стоящихъ не менѣе 15.000, или имѣющія общій годовой оборотъ производства не менѣе 6.000 рублей; уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ цензомъ 1/20 полнаго ценза, и отъ священнослужителей, владѣющихъ церковною землею [1]. Въ курію городскихъ избирателей входятъ лица, имѣющія купеческія свидѣтельства; владѣльцы находящихся въ городѣ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, годовой оборотъ которыхъ не менѣе 6.000 рублей; владѣльцы городской недвижимой собственности (не менѣе 500 рублей) и повѣренные отъ всѣхъ названныхъ лицъ и учрежденій [2]) Въ послѣднюю курію входили всѣ крестьяне. Въ выборахъ уѣздныхъ гласныхъ могутъ участвовать всѣ лица мужского пола, достигшія 25 лѣтъ. Не допускаются къ участію въ выборахъ только лица женскаго пола, а изъ мужского— лица, недостигшія 25 лѣтняго возраста; подвергшіяся суду за преступленія и проступки, имѣющіе своимъ послѣдствіемъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія или же исключеніе изъ службы; отрѣшенныя отъ должности; состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ; подвергшіяся несостоятельности до опредѣленія ея степени; исключенныя изъ духовнаго вѣдомства за пороки и изъ среды другихъ сословій по приговорамъ самихъ сословій и, наконецъ, иностранцы [3]). За малолѣтнихъ и недостигшихъ 25 лѣтняго возраста къ выборамъ допускаются ихъ опекуны и попечители, а за лицъ женскаго пола ихъ довѣренные, каковыми могутъ быть ихъ отцы, мужья, сыновья, зятья и родные братья [4]). Черезъ повѣренныхъ могутъ участвовать въ выборахъ и богоугодныя, благотворительныя, учебныя, промышленныя и друг. учрежденія, общества, компаніи и товарищества, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, дающимъ право на участіе въ земскихъ выборахъ [5]). Къ выборамъ допускаются также сыновья вмѣсто отцовъ, если они живутъ вмѣстѣ съ ними [6]), и арендаторы, вмѣсто земле-

1) Ibid., ст. 23.
2) Ibid., ст. 28.
3) Ibid., ст. 17.
4) Ibid., ст. 18.
5) Ibid., ст. 19.
6) Ibid., ст. 20.

владѣльцевъ, у которыхъ они арендуютъ землю, но лишь по довѣренности отъ нихъ [1]). Самые выборы уѣздныхъ гласныхъ производятся на съѣздахъ отдѣльно каждой куріей. Выборы для землевладѣльцевъ съ полнымъ имущественнымъ цензомъ—прямые, а для мелкихъ землевладѣльцевъ и сельскихъ избирателей—двухстепенные. Послѣдніе предварительно избираютъ (мелкіе землевладѣльцы на особыхъ съѣздахъ, а крестьяне на волостныхъ сходахъ) уполномоченныхъ, черезъ которыхъ потомъ участвуютъ въ выборѣ уѣздныхъ гласныхъ, первые вмѣстѣ съ крупными землевладѣльцами [2]), а вторые на особыхъ съѣздахъ сельскихъ избирателей [3]). При этомъ съѣзды крупныхъ землевладѣльцевъ и городскіе избираютъ гласныхъ только изъ своихъ членовъ, а сельскіе, какъ изъ своихъ, такъ и изъ членовъ съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ и священнослужителей [4]). Къ баллотировкѣ въ гласные допускаются всѣ, имѣющіе на то право [5]), за исключеніемъ мѣстнаго губернатора, вице - губернатора, членовъ губернскихъ правленій, губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и чиновъ мѣстной полиціи. Перечисленныя лица не могутъ быть избираемы въ гласные [6]). Мѣсяца за три и болѣе до начала съѣздовъ по выбору уѣздныхъ гласныхъ особой уѣздной комиссіей по всѣмъ тремъ куріямъ составляются списки лицъ, имѣющихъ право на участіе въ выборѣ уѣздныхъ гласныхъ [7]). Составленные списки для ознакомленія съ ними населенія вывѣшиваются въ мѣстѣ присутствія комиссіи и отпечатываются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ [8]). Лица, имѣющія право на участіе въ выборахъ, но почему-либо не внесенныя въ избирательные списки, могутъ заявить о томъ комиссіи, и она обязана внести ихъ въ списки, если только заявленіе поступитъ до утвержденія списковъ губернскимъ комитетомъ [9]). Равнымъ образомъ по заявленію избирателей изъ списковъ можетъ быть исключенъ всякій, неправильно въ нихъ внесенный [10]). По истеченіи мѣсяца со дня соста-

[1]) Ibid., ст. 21.
[2]) Ibid., ст. 23.
[3]) Ibid., ст. 30, 31.
[4]) Ibid., ст. 35.
[5]) Idid., ст. 44.
[6]) Ibid., ст. 36.
[7]) Приложенія къ ст. 1 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, ст. 8.
[8]) Ibid., ст. 16.
[9])
[10]) Ibid., ст. [illegible]

вленія списковъ уѣздная комиссія пересылаетъ ихъ вмѣстѣ съ своими соображеніями о мѣстѣ и времени съѣздовъ избирателей [1]) губернатору [2]). Послѣдній передаетъ ихъ въ состоящій подъ его предсѣдательствомъ комитетъ [3]), который, разсмотрѣвъ и повѣривъ списки, утверждаетъ ихъ [4]) и опредѣляетъ мѣста и сроки съѣздовъ для всѣхъ курій [5]). Опредѣленія и заключенія губернскаго комитета—окончательныя, аппелляцій на нихъ не допускается [6]). О своихъ постановленіяхъ губернскій комитетъ увѣдомляетъ уѣздную комиссію, которая въ свою очередь увѣдомляетъ о срокахъ избирательныхъ съѣздовъ уѣзднаго предводителя дворянства, городского голову и мировой съѣздъ. Послѣдніе же о томъ же оповѣщаютъ населеніе [7]). Въ опредѣленные для избирательныхъ съѣздовъ сроки избиратели собираются въ назначенныя мѣста и открываются съѣзды: землевладѣльческій — уѣзднымъ предводителемъ дворянства, городской—городскимъ головою и сельскіе—мировыми посредниками [8]). Собравшись, выборщики избираютъ уѣздныхъ гласныхъ [9]), число которыхъ для каждаго съѣзда строго опредѣлено. Къ гласнымъ избираются нѣсколько кандидатовъ [10]). Тѣ и другіе избираются срокомъ на три года [11]). Никакими служебными преимуществами гласные не пользуются и содержанія не получаютъ [12]). Результаты выборовъ заносятся въ особый выборный листъ, который по прочтеніи скрѣпляется подписями всѣхъ участниковъ съѣзда [13]), а черезъ сутки уѣздной комиссіей отсылается въ губернскій комитетъ. Послѣдній, провѣривъ списки, утверждаетъ ихъ и назначаетъ сроки созыва уѣздныхъ земскихъ собраній [14]). О чемъ губернаторъ черезъ напеча-

1) Ibid., ст. 19.
2) Ibid., ст. 24.
3) Ibid., ст. 25.
4) Ibid., ст. 28.
5) Ibid., ст. 25.
6) Ibid., ст. 29.
7) Ibid., ст. 31.
8) Ibid., ст. 37.
9) Ibid., ст. 18.
10) Ibid., ст. 46.
11) Ibid., ст. 38.
12) Ibid., ст. 39.
13) Ibid., ст. 48.
14) Ibid., ст. 52.

таніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ доводитъ до свѣдѣнія всего населенія [1]).

Земскія собранія собираются ежегодно по одному разу, уѣздныя не позже октября, а губернскія—не позже декабря [2]). Для засѣданій уѣздныхъ собраній полагается десятидневный срокъ, а для губернскихъ—двадцатидневный [3]). Продолженіе сроковъ для засѣданій зависитъ для губернскихъ собраній отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а уѣздныхъ—отъ губернатора [4]). Кромѣ очередныхъ собраній, по мѣрѣ надобности созываются съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ чрезвычайныя [5]). Земскія собранія открываются и закрываются: губернское—губернаторомъ лично, уѣздныя—уѣздными предводителями [6]). Предсѣдательствуютъ въ губернскомъ собраніи—губернскій предводитель дворянства, если для этого не будетъ назначено верховною властью особое лицо [7]), а въ уѣздномъ—уѣздный предводитель, а гдѣ нѣтъ дворянскихъ выборовъ—предсѣдатель уѣзднаго съѣзда [8]). Собраніе считается законнымъ и постановленія его могутъ имѣть законную силу только при наличности одной трети числа гласныхъ, составляющихъ собраніе, и во всякомъ случаѣ не менѣе десяти [9]).

Кромѣ временныхъ земскихъ учрежденій—уѣздныхъ и губернскихъ собраній, Положеніемъ устанавливаются еще постоянныя—уѣздныя и губернскія земскія управы. Первыя формируются уѣздными земскими собраніями, а вторыя губернскими, которыя однажды въ три года избираютъ для нихъ изъ своей среды отъ трехъ до шести членовъ и предсѣдателя [10]). Предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ утверждаются въ должности губернаторомъ [11]), а губернскихъ управъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ [12]). Члены же управъ вступаютъ въ должность безъ всякаго утвержденія [13]).

---

1) Ibid., ст. 54.

2) Полож. о губ. и уѣзд. зем. учрежденіяхъ (Св. зак., т. II ч. I), ст. 76.

3) Ibid., ст. 77.

4) Ibid., ст. 78.

5) Ibid., ст. 79.

6) Ibid., ст. 81.

7) Ibid., ст. 53.

8) Ibid., ст. 43.

9) Ibid., ст. 42, 85.

10) Ibid., ст. 46, 56.

11) Ibid., ст. 48.

12) Ibid., ст. 56.

13) Ibid., ст. 56.

Земскія управы засѣдаютъ въ продолженіе всего года [1]). Дѣла, не требующія коллегіальнаго обсужденія, члены управъ могутъ отправлять единолично по очереди; остальныя же дѣла рѣшаются полнымъ составомъ управы большинствомъ голосовъ [2]). Ближайшій надзоръ за дѣятельностію земскихъ управъ принадлежитъ губернскому собранію, которое съ утвержденія губернатора можетъ временно устранить отъ должности каждаго изъ ихъ членовъ [3]).

Компетенціи всѣхъ губернскихъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій подлежатъ дѣла, относящіяся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда [4]). Частнѣе въ компетенцію ихъ входитъ: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства; устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства; мѣры обезпеченія народнаго продовольствія; завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія; способы прекращенія нищенства; попеченіе о построеніи церквей; управленіе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ; попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, равно какъ о лучшемъ устройствѣ селеній; участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи и народномъ здравіи; содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также къ охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ истребленія саранчею, сусликами и др. вредными насѣкомыми и животными; исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности; раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніямъ и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія; назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ, для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда; представленіе черезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по симъ предметамъ черезъ гу-

---

[1]) Ibid.; ст. 99.
[2]) Ibid., ст. 99.
[3]) Ibid., ст. 117.
[4]) Ibid., ст. 1.

бернское начальство; доставленіе, по требованіямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и губернаторовъ, свѣдѣній о земскомъ хозяйствѣ; производство въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій и, наконецъ, дѣла, ввѣренныя земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій [1]). Во всѣхъ этихъ дѣлахъ земскимъ собраніямъ принадлежитъ распорядительная власть и общій надзоръ за ходомъ дѣлъ, а земскимъ управамъ власть исполнительная и ближайшее завѣдываніе земскими дѣлами [2]).

Въ кругу ввѣренныхъ дѣлъ земскія учрежденія дѣйствуютъ самостоятельно [3]), но подъ нѣкоторымъ надзоромъ административной власти. Всѣ постановленія земскихъ собраній безъ замедленія сообщаются губернатору [4]). Его утвержденію подлежатъ слѣдующія постановленія: о приведеніи въ дѣйствіе земскихъ смѣтъ и раскладокъ; о раздѣленіи земскихъ путей сообщенія на губернскіе и уѣздные; объ отнесеніи уѣздныхъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ; объ измѣненіи направленія земскихъ дорогъ; объ утвержденіи выставокъ мѣстныхъ произведеній; о временномъ устраненіи отъ должности членовъ земскихъ управъ; о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ и объ измѣненіи сроковъ и закрытіи существующихъ торговъ и базаровъ [5]). Онъ же имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ [6]). Въ случаѣ возраженія губернатора противъ постановленія, земское собраніе разсматриваетъ вторично дѣло и постановляетъ свое окончательное заключеніе, копія съ котораго сообщается губернатору. Вторичное постановленіе входитъ въ силу и приводится въ исполненіе, губернаторъ имѣетъ право, подъ личною своею отвѣтственностью, остановить исполненіе,

[1]) Ibid., ст. 2. Подробныя указанія о существѣ и порядкѣ дѣйствій земскихъ учрежденій въ сферѣ каждаго изъ перечисленныхъ предметовъ, входящихъ въ ихъ компетенцію, содержатся въ особыхъ положеніяхъ: о земскихъ повинностяхъ, общественномъ продовольствіи, по дѣламъ путей сообщенія, строительному, пожарному, общественнаго призрѣнія и врачебному.

[2]) Ibid., ст. 68, 69.

[3]) Ibid., ст. 6.

[4]) Ibid., ст. 93.

[5]) Ibid., ст. 90.

[6]) Ibid., ст. 95, 96,

увѣдомивъ объ этомъ собраніе или управу въ теченіе семи дней отъ полученія копіи, а затѣмъ представить дѣло на разрѣшеніе Правительствующаго Сената [1]). Кромѣ того, нѣкоторыя изъ постановленій земскихъ собраній (перечисленныя въ 92 ст.) подлежатъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ. Высшая же власть и надзоръ за земскими учрежденіями принадлежитъ Правительствующему Сенату, который разбираетъ и всѣ споры и пререканія земскихъ учрежденій съ бюрократическими,—и даже съ самыми высшими ихъ органами [2]). Въ такомъ видѣ рисуется составъ, организація, компетенція и отношенія къ органамъ государственной администраціи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій по Положенію 1864 года.

Нельзя не видѣть, что земская реформа 1864 года значительно расширила рамки общественной самодѣятельности въ области мѣстнаго управленія. Тѣ начала самоуправленія, которыя и раньше проявлялись въ русской государственной жизни, теперь были регламентированы и санкціонированы высшею властью. Проведеніе ихъ въ жизнь должно было обновить русскую провинцію и насадить въ ней такія блага, о которыхъ тамъ и не мечтали. Достаточно указать на народную школу, больницу и т. д. Но какъ бы многое ни давала и ни обѣщала земская реформа 1864 года, однако ей многаго еще не доставало. Уже самое понятіе о земскихъ учрежденіяхъ, какое было дано въ самомъ положеніи, говорило о значительной ихъ ограниченности и несовершенствѣ. Какъ органы, преслѣдующіе мѣстные хозяйственные интересы, а не интересы правительственные, земскія учрежденія разсматривались закономъ, какъ отдѣльныя общества и частныя лица, а потому не входили въ рядъ правительственныхъ губернскихъ и уѣздныхъ инстанцій и не были надѣлены соотвѣтствующими прерогативами административной власти. Это, по выраженію Градовскаго, „учрежденія съ компетенціей, но безъ власти". Болѣе того, какъ завѣдующія лишь хозяйствомъ той или другой мѣстности, земскія учрежденія были не болѣе, какъ „хозяйственныя" кооперативныя общества. Такая ограниченность и тенденціозность характера земскихъ учрежденій сказывались всюду. Возьмемъ для примѣра хотя бы земскіе финансы. Первое, что останавливаетъ на себѣ наше вниманіе при

---

[1]) Ibid., ст. 9.
[2]) Ibid., ст. 9, 11, 96, 97, 117, 118.

обозрѣніи этой области земской самодѣятельности, это почти полное безправіе и, какъ необходимое его слѣдствіе, жалкое состояніе земскихъ рессурсовъ. Повидимому, можно было бы ожидать большей продуктивности отъ земской самодѣятельности въ такихъ областяхъ ея компетенціи, какъ народное образованіе, охраненіе народнаго здравія и т. д., но здѣсь она не получила должной свободы для своего полнаго развитія. Тенденціозная окраска, приданная земскимъ учрежденіямъ, свела ихъ дѣятельность и въ этихъ областяхъ, можно сказать, къ нулю. Земскія учрежденія могли лишь ассигновывать извѣстныя суммы на народное образованіе и врачебную часть, но распоряжаться этими суммами они не могли. Но и помимо ограниченія дѣятельности земскихъ учрежденій такими узкими предѣлами, даже въ очерченномъ кругѣ полномочій они не пользовались свободой. Съ одной стороны губернаторъ, съ другой— министръ внутреннихъ дѣлъ сильно стѣсняли свободу дѣйствій земскихъ учрежденій. Понятно, какъ былъ чувствителенъ для нихъ такой правительственный контроль, когда каждое постановленіе могло быть опротестовано. Такая же неполнота раскрытія началъ самоуправленія въ земскихъ учрежденіяхъ 1864 года обнаружилась и въ ихъ организаціи. Въ основу организаціи земскихъ учрежденій былъ положенъ принципъ имущественнаго ценза. Повидимому, этотъ новый принципъ, раздѣлившій избирателей на три куріи частныхъ землевладѣльцевъ, городскія общества и общества сельскія, въ корнѣ уничтожалъ прежній сословный принципъ, но на самомъ дѣлѣ была допущена не болѣе какъ только подтасовка понятій, не измѣнившихъ сущности дѣла. Въ новомъ дѣленіи по избирательнымъ куріямъ нельзя не видѣть прежнее дѣленіе по сословіямъ: дворянъ, купцовъ и городскихъ промышленниковъ и крестьянъ. Однимъ словомъ, обособленность земскихъ учрежденій, выдѣленіе ихъ изъ государственнаго зданія, какъ какой-то чуждой ему пристройки, съ одной стороны, ихъ ограниченность съ другой стороны, ясно показываютъ, что начала самоуправленія не получили еще полнаго примѣненія въ земской реформѣ 1864 года.

Половинчатость ея была вскорѣ же отмѣчена лучшими людьми того времени. Такъ, напр. Головачевъ въ своей книгѣ „Десять лѣтъ реформъ“ заявляетъ, что права мѣстныхъ обществъ, если и были расширены съ одной стороны— предоставленіемъ въ ихъ вѣдѣніе мѣстныхъ интересовъ,

то съ другой стороны въ смыслѣ ихъ политическаго значенія въ общей системѣ государственнаго управленія они были значительно ограничены. Онъ сожалѣлъ, что земскія собранія не получили тѣхъ политическихъ правъ, которыя гораздо раньше были предоставлены дворянамъ. Академикъ же В. П. Безобразовъ находилъ, что земскія учрежденія еще не настоящіе органы мѣстнаго самоуправленія, а только мѣстныя общественныя вольности, могущія развиться въ такіе органы [1]). Ихъ главнымъ недостаткомъ онъ считалъ то, что они не введены въ общую систему государственнаго управленія и поставлены подлѣ ея, какъ отдѣльныя государственно-общественныя тѣла, не имѣющія никакой органической связи съ ней. Даже самъ Валуевъ, какъ бы извиняясь за половинчатость реформы, заявилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что первый шагъ не долженъ считаться послѣднимъ, что утвержденіе земства есть лишь созданіе формы, которая за тѣмъ, по указанію опыта, будетъ наполняться соотвѣтствующимъ содержаніемъ [2]). Но въ общей своей массѣ русское общество того времени не могло дать правильной оцѣнки новымъ учрежденіямъ. Напряженіе, съ которымъ оно ожидало появленія земской реформы съ одной стороны, новизна внѣшней оболочки новыхъ органовъ самоуправленія съ другой—мѣшали этому и были причиною того, что земская реформа была встрѣчена съ большимъ восторгомъ и ликованіями. Общее настроеніе, созданное проведенной реформой, отразилось и въ литературѣ этого времени. Въ ней мы находимъ цѣлый рядъ панегириковъ, воспѣтыхъ земству. „Мы, писалъ напр. кн. Васильчиковъ, со смѣлостью, безпримѣрною въ лѣтописяхъ міра, выступили на поприще общественной жизни, такъ какъ ни одному современному народу европейскаго континента не предоставлено такого широкаго участія во внутреннемъ управленіи, какъ русскому“ [3]). Другой современникъ земской реформы, К. Д. Кавелинъ, заявлялъ, что губернскія и уѣздныя земскія учрежденія—цѣлое огромное событіе и многознаменательное явленіе въ ряду нашихъ преобразованій; они образованы въ духѣ полнаго безпристрастія, достойнаго правительства великаго народа. Правда, были и лица оппо-

---

[1]) Безобразовъ. Земскія учрежденія и сомоуправленіе.
[2]) Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895 г.).
[3]) Васильчиковъ. О самоуправленіи.

зиціоннаго направленія, заявившія себя еще при выработкѣ Положенія, лучшимъ представителемъ и выразителемъ которыхъ былъ гр. М. А. Корфъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ земскаго положенія онъ въ такихъ словахъ высказалъ взгляды на земское самоуправленіе возглавляемой имъ партіи: „цѣль земской реформы, писалъ онъ, заключается не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ правительственныхъ мѣстъ учредить другія, хотя бы и въ лучшемъ и правильнѣйшемъ составѣ; сущность ея, напротивъ, въ измѣненіи самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія; въ разрушеніи ея старыхъ основъ и построеніи ея на началѣ, почти совершенно ей чуждомъ—децентрализаціи и самоуправленія"[1]). Но опасеніе потерять только-что дарованную реформу, опасеніе, вызванное усиленіемъ реакціи, симптомы которой проявились еще при составленіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, побудило оппозиціонную партію не касаться вопроса о расширеніи общественной самодѣятельности.

Несмотря на свою половинчатость, земская реформа все же внесла большое оживленіе въ сѣрую провинціальную жизнь. Земскіе дѣятели съ большою энергіею принялись за ввѣренное имъ дѣло и, можетъ быть, своею дѣятельностью вскорѣ обновили бы различныя стороны провинціальной жизни, если бы не два обстоятельства: недовѣріе и противодѣйствіе коронной власти и индифферентизмъ и абсентеизмъ земскихъ дѣятелей не парализовали ее. Земскія учрежденія, какъ мы выше отмѣтили, были тѣмъ компромиссомъ, на который пошло правительство второй половины XIX столѣтія, чтобы подавить начавшееся въ то время политическое броженіе. Въ объяснительной запискѣ къ проекту земскаго положенія оно прямо заявило, что имѣетъ въ виду своей реформой положить предѣлъ возбужденнымъ, по поводу образованія земскихъ учрежденій, несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій. Но, вводя земскія учрежденія вмѣсто коренной государственной реформы, правительство отлично сознавало, что оно уже выступило на путь этой реформы и на земскія учрежденія смотрѣло, какъ на знаменіе приближенія конституціи. Понятно, что при такомъ условіи земство съ первыхъ же дней своего существованія оказа-

[1]) Графъ М. А. Корфъ и земская реформа 1864 года. „Русская Мысль", 1904 г. 2 ч.

лось бѣльмомъ на глазу бюрократіи и борьба съ земствомъ началась немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и само земство, вращаясь въ ограниченной сферѣ отмежеванныхъ ему интересовъ, буквально каждымъ своимъ шагомъ и движеніемъ должно было volens nolens задѣвать столь ревниво охраняемые властью государственные интересы. Молодое земство сразу почувствовало всю ненормальность своего положенія, какъ какой-то странной пристройки къ чужому зданію, и инстинктивно стремилось стать органическою частью русскаго государства. Въ томъ же положеніи, въ которомъ оно находилось, оно какъ-то неловко чувствовало себя, какъ и государственная власть, которая никакъ не могла ужиться съ этимъ инороднымъ придаткомъ, постоянно напоминающимъ ей о призракѣ конституціи. Послѣдняя, вмѣсто того, чтобы развивать основы земской реформы, все свое вниманіе обратила на подавленіе ихъ. Всѣ 50 лѣтъ, протекшіе со времени введенія земскихъ учрежденій до нашихъ дней, были временемъ непрерывнаго, систематическаго стремленія бюрократіи ограничить и подавить земскую самостоятельность. На путь стѣсненій государственная власть выступила съ первыхъ же дней по введеніи земскихъ учрежденій. Подъ разными предлогами она начала издавать циркуляры и законы, идущіе въ разрѣзъ съ земскими интересами. Первый такой циркуляръ былъ изданъ въ 1866 году. Имъ, по просьбѣ лѣсовладѣльцевъ одной изъ сѣверныхъ губерній, было ограничено право обложенія земствами сплавныхъ лѣсовъ. Въ томъ же году 17 мая былъ изданъ другой циркуляръ, которымъ разъяснялось, что земства не имѣютъ права облагать сборами самыя издѣлія и продукты, выдѣлываемые или продаваемые на фабрикахъ и заводахъ, а равно и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ, оплачиваемыхъ акцизомъ въ пользу казны [1]. А 21 ноября того же года былъ изданъ законъ, существенно ограничившій права земскаго самообложенія. Въ виду неоднократно поступавшихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ жалобъ на чрезмѣрныя обложенія земскими сборами промышленныхъ и торговыхъ заведеній, этимъ закономъ право земскаго самообложенія было ограничено только недвижимыми имуществами въ городахъ и уѣздахъ. Съ свидѣтельствъ же на право торговли и промысловъ, съ билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія и съ патен-

[1]) Пажитновъ. Городское и земское самоуправленіе.

товъ на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей дозволено взимать земскіе сборы лишь съ цѣнности самыхъ помѣщеній, не включая въ оцѣнку ни стоимость находящихся въ нихъ предметовъ, ни торговыхъ оборотовъ, и притомъ такъ, чтобы процентный сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ винокуренныхъ заводовъ не превышалъ 25%, а съ прочихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній 10% налоговъ, платимыхъ въ казну [1]). Этимъ закономъ, по мнѣнію Головачева, была парализована всякая полезная дѣятельность земскихъ собраній. Въ слѣдующемъ же году (1867) 13 іюня былъ изданъ другой законъ, еще болѣе стѣснившій земскую дѣятельность. Имъ была введена цензура для земскихъ изданій, всѣ земскіе журналы, доклады могли печататься не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, и расширена власть предсѣдателя. Онъ получилъ право не только останавливать, но и лишать ораторовъ права голоса, право снимать съ очереди предложеніе, если оно не согласно съ законами или выходитъ за предѣлы компетенціи земства. Онъ же отвѣчалъ за допущеніе въ собраніи политическихъ рѣчей и вопросовъ. Кромѣ того, этимъ закономъ запрещались сношенія отдѣльныхъ земствъ между собою. Всѣ эти и подобныя имъ распоряженія, въ корнѣ разрушавшія земскія права и идущія въ разрѣзъ мѣстнымъ интересамъ, вызвали сильныя неудовольствія многихъ земствъ и рядъ настойчивыхъ ходатайствъ объ отмѣнѣ ихъ. Такъ, напр. Петербургское земство въ своемъ губернскомъ засѣданіи два раза постановляло не примѣнять къ раскладкѣ на 1867 годъ правилъ 21 ноября, за что и было закрыто. Правительство, и безъ того настроенное противъ земствъ, на которыя оно смотрѣло, какъ на государство въ государствѣ, сочло подобныя выступленія революціонными, вызванными дѣйствіемъ подпольныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ земствъ имѣли неосторожность высказаться за измѣненіе существующаго строя общественной жизни на конституціонныхъ началахъ. На самыя земскія учрежденія стало смотрѣть, какъ на совершенно лишнія, неоправдывающія своего назначенія. Земскія собранія, писалъ Катковъ [2]), это говорильни, дѣломъ не занимаются, а являются только очагами оппозиціи, вступая въ безплодныя пререканія съ администраціей, они только

[1]) Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи.
[2]) Пажитновъ. Городское и земское самоуправленіе.

тормозятъ дѣло управленія. Всѣ эти обвиненія, выдвинутыя противъ земствъ, въ значительной степени были сгущены различными нестроеніями и злоупотребленіями въ ввѣренной имъ области мѣстнаго хозяйства. Реакція, поразившая правительство, коснулась и земствъ. Энергія, проявленная первыми земскими дѣятелями, отъ постояннаго давленія сверху стала замѣтно ослабѣвать. Для крупныхъ землевладѣльцевъ, платившихъ довольно большіе налоги, работа въ земствѣ была непріятнымъ бременемъ. Не манили ихъ, какъ людей обезпеченныхъ, и земскія мѣста, а потому они довольно равнодушно относились къ земской самодѣятельности. Не меньшее равнодушіе проявили къ земской работѣ и городскіе избиратели. Большіе налоги, которые приходилось уплачивать городскимъ жителямъ съ одной стороны, перевѣсъ въ земскихъ учрежденіяхъ крестьянъ и землевладѣльцевъ съ другой—подавили и въ городскомъ населеніи интересъ къ земской работѣ. Даже крестьяне и тѣ стали охладѣвать къ земской работѣ. Неподготовленность къ новому дѣлу, лишніе расходы на поѣздки, новые налоги—все это подавляло и въ нихъ рвеніе. Результаты такого общаго индифферентизма къ земской работѣ были печальные. Земскія учрежденія стали наполняться лицами, или совершенно неинтересующимися дѣломъ, или мало подготовленными къ нему, а это въ свою очередь повело къ деморализаціи земскихъ учрежденій. Предсказаніе Каткова, что многіе ждутъ не дождутся земскихъ должностей, приносящихъ хорошій доходъ, и преимущественно съ этой стороны интересуются земскими учрежденіями, исполнилось. Хищенія и растраты земскихъ суммъ стали явленіемъ распространеннымъ. Все это еще болѣе очернило въ глазахъ правительства земство и сгустило тучи, нависшія надъ нимъ. Но до восьмидесятыхъ годовъ реакція не такъ сильно заявляла о себѣ. Съ этого же времени она все болѣе и болѣе стала усиливаться и къ концу восьмидесятыхъ годовъ достигла полнаго развитія. Всѣ мѣропріятія этого времени направлены къ охраненію государственнаго принципа—централизаціи. Таковы: манифестъ 29 апр. 1881 года о неуклонномъ охраненіи самодержавія; положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 14 ав. 1881 г.; временныя правила о евреяхъ, устанавливавшія ихъ черту осѣдлости, 1882 г.; временныя правила о печати 1882 г., создавшія современное ея положеніе, и мн. другія. Какъ глубоки были корни, пущенные реакціей, можно видѣть

изъ тѣхъ предложеній для улучшенія земскихъ учрежденій, которыя въ это время высказывались. Такъ, напр. П. Л. Корфъ для улучшенія земскихъ учрежденій предлагалъ включить въ составъ земскихъ собраній уѣздныхъ предводителей дворянства, ихъ кандидатовъ, депутатовъ дворянъ и дворянъ потомственныхъ; установить фиксацію земскаго обложенія; соединить должность вице-губернатора съ предсѣдателемъ губернской управы и должность исправника съ должностью члена уѣздной управы. А извѣстный земскій публицистъ, опредѣленнаго оппозиціоннаго направленія, К. К. Арсеньевъ считалъ необходимымъ опредѣлить напр. максимумъ обложенія для земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ и установить особыя нормы для ихъ оцѣнки и регламентировать натуральныя повинности. Онъ же проектировалъ установить для земствъ обязательнымъ разсмотрѣніе всѣхъ ихъ предложеній губернаторомъ и допущеніе послѣдняго къ участію съ совѣщательнымъ голосомъ въ земскихъ собраніяхъ. Такимъ образомъ идея централизаціи и бюрократическаго самовладѣнія снова была выдвинута на политическую арену. Такова въ общихъ чертахъ атмосфера общественной жизни на протяженіи времени отъ введенія реформы 1864 года до конца восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Вполнѣ понятно, чѣмъ должна была она разрядиться. Оппозиціонное направленіе земскихъ учрежденій, хищенія и растраты, происходившія въ нихъ, ясно говорили правительству о ихъ непригодности и необходимости реорганизаціи ихъ. Но самъ собою возникалъ вопросъ, на какихъ же началахъ реорганизовать земскія учрежденія? Само правительство стояло на сторонѣ старины и считало необходимымъ реорганизовать земство на прежнихъ началахъ сословности и централизаціи. На сторонѣ послѣднихъ къ этому времени оказалось и общественное самосознаніе. Въ этомъ направленіи и начались работы комиссіи гр. Д. А. Толстого министра внутреннихъ дѣлъ, и его ближайшаго сотрудника Пазухина, по пересмотру земскаго положенія 1864 года. Причину оппозиціи и конституціонализма земцевъ Толстой видѣлъ не въ неблагонадежности отдѣльныхъ лицъ, а въ самой системѣ самоуправленія, противорѣчившей основному государственному принципу. А потому онъ предлагалъ совершенно уничтожить исполнительные земскіе органы (губернскія и уѣздныя управы) и замѣнить ихъ губернскими и уѣздными земскими присутствіями, подчиненными

губернатору и пополняемыми по назначенію. Земскія собранія должны были стать совѣщательными учрежденіями, постановленія которыхъ подлежали бы утвержденію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Земскія собранія должны были пополняться на основѣ сословнаго представительства, имѣющаго притомъ характеръ повинности. Смерть Толстого не дала ему провести проекты въ жизнь. Разработанныя имъ основы новаго Положенія были впослѣдствіи нѣсколько измѣнены его преемникомъ—Дурново. Нѣкоторыя измѣненія внесъ Государственный Совѣтъ, гдѣ новый законопроектъ вызвалъ особо внимательное отношеніе. Выработанное въ такомъ порядкѣ Положеніе было утверждено 12 іюня 1890 года и съ нѣкоторыми измѣненіями дѣйствуетъ и донынѣ.

Измѣненія, внесенныя „Положеніемъ 1890 года", прежде всего коснулись основного принципа „Положенія 1864 г.". Вмѣсто безсословнаго, основаннаго на имущественномъ цензѣ, представительства введено сословное, именно одно избирательное собраніе для дворянъ личныхъ и потомственныхъ, и другое для прочихъ избирателей, кромѣ лицъ крестьянскаго сословія [1]). Представительство же отъ крестьянъ сведено къ фикціи. Сельскіе избирательные съѣзды упразднены, избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предоставлено волостнымъ сходамъ. При чемъ списки избранныхъ ими лицъ отсылаются губернатору, который по своему усмотрѣнію утверждаетъ земскихъ гласныхъ и кандидатовъ къ нимъ [2]). Затѣмъ, значительныя измѣненія внесены новымъ Положеніемъ въ организацію земскихъ учрежденій. Участіе въ выборахъ гласныхъ предоставлено только лицамъ, физически и юридически владѣющимъ не менѣе года, на правѣ собственности, землею или другимъ недвижимымъ имуществомъ [3]). Этимъ введеніемъ отъ выборовъ были устранены всѣ имѣющіе купеческія свидѣтельства и владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій [4]). Отъ выборовъ устранены и священно-и церковнослужителя и евреи [5]). Вмѣсто этого епархіальнымъ учрежденіямъ предоставлено право назначать въ земскія учре-

---

[1]) Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ т. II и I, ст. 14, 28.

[2]) Ibid., ст. 51.

[3]) Ibid., ст. 16, 24.

[4]) Ibid., ст. 24.

[5]) Ibid., ст. 26.

жденія своихъ представителей [1]). Право участія въ избраніи уполномоченныхъ обусловлено не $^{1}/_{20}$, а $^{1}/_{10}$ избирательнаго ценза, но взамѣнъ этого значительно пониженъ размѣръ земельнаго ценза и расширенъ кругъ лицъ, имѣющихъ право на представительство черезъ уполномоченныхъ. Это право получили не только владѣтели земельныхъ, но и прочихъ имуществъ, оцѣненныхъ не ниже $^{1}/_{10}$ полнаго ценза (т. е. 1500 р.) [2]). Право выдачи довѣренности на участіе въ выборахъ, прежде принадлежавшее всѣмъ избирателямъ, теперь оставлено только за мужчинами совершеннолѣтними, но не достигшими 25 лѣтняго возраста, и за женщинами, но зато расширенъ кругъ лицъ, которыя могутъ быть повѣренными женщинъ. Въ число послѣднихъ включены еще родные племянники и внуки [3]). Установлены особые способы пополненія комплекта гласныхъ для тѣхъ случаевъ, когда за неприбытіемъ достаточнаго числа избирателей или по другимъ причинамъ, число избранныхъ гласныхъ окажется менѣе двухъ третей числа, положеннаго для уѣзда. Въ такихъ случаяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ продолжать на новое трехлѣтіе срокъ полномочій прежнихъ гласныхъ [4]). Самое число гласныхъ сокращено: въ уѣздномъ земскомъ собраніи почти на $^{1}/_{4}$, а въ губернскомъ на $^{1}/_{3}$. Существенное нововведеніе, касающееся земскихъ собраній, то, что въ составъ губернскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства, а гдѣ ихъ нѣтъ—предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ, а въ составъ уѣздныхъ собраній—городскіе головы уѣздныхъ городовъ [5]). Присутствіе на собраніяхъ обязательно для всѣхъ гласныхъ, уклоняющіеся безъ уважительныхъ причинъ, по усмотрѣнію собраній, могутъ подвергаться взысканіямъ, начиная съ замѣчанія и кончая штрафомъ въ размѣрѣ 75 рублей [6]). Далѣе, значительныя измѣненія были произведены въ оргазаціи исполнительныхъ органовъ—управъ.

По новому Положенію не только предсѣдатели уѣздныхъ управъ, но и члены, какъ губернской, такъ и уѣздныхъ управъ, утверждаются въ своей должности губернаторомъ [7]).

---

1) Ibid., ст. 57.
2) Ibid., ст. 24.
3) Ibid., ст. 18, 21.
4) Ibid., ст. 53.
5) Ibid., ст. 56.
6) Ibid., ст. 59, 60.
7) Ibid., ст. 118.

Въ случаѣ неутвержденія избранныхъ лицъ, вакантныя должности замѣщаются по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ лицами правоспособными [1]). Отъ предсѣдателя управы требуется обладаніе правомъ вступленія на государственную службу [2]). Всѣмъ членамъ и предсѣдателю управъ предоставлены права государственной службы [3]). За проступки по своей должности они могутъ подлежать дисциплинарнымъ взысканіямъ [4]). Право налагать взысканія на членовъ уѣздной управы принадлежитъ особому учрежденію—губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію, а на предсѣдателей управъ и членовъ губернской управы—совѣту министра внутреннихъ дѣлъ. Ему же принадлежитъ и право устраненія отъ должности членовъ и предсѣдателей управъ [5]). Кромѣ того, расширенъ кругъ лицъ, подлежащихъ избранію въ предсѣдатели и члены управъ; на эти должности могутъ избираться не только гласные, но и всѣ лица, обладающія полнымъ цензомъ [6]). Значительно расширены права предсѣдателей управъ. Они получили право не только останавливать, но и лишать ораторовъ права голоса, снимать съ очереди предложенія, если тѣ не согласны съ законами или выходятъ за предѣлы компетенціи земства [7]). Наконецъ, новое Положеніе коснулось и предѣловъ власти земскихъ учрежденій и значительно ограничило ихъ. Оно предоставило губернатору право останавливать постановленія собраній не только въ случаяхъ формальныхъ нарушеній закона, но и тогда, когда онъ усмотритъ, что данное постановленіе не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, или нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія [8]). Предоставляя губернатору право надзора не только за закономѣрностью, но и цѣлесообразностью дѣйствій земскихъ учрежденій, новое Положеніе для разрѣшенія возможныхъ конфликтовъ между земскими собраніями и губернаторомъ, относительно степени правильности и законности постановленій и распоряженій первыхъ, устанавливаетъ особыя губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія,

---

[1]) Ibid., ст. 119.
[2]) Ibid., ст. 117.
[3]) Ibid., ст. 123.
[4]) Ibid., ст. 132, 134.
[5]) Ibid., ст. 133.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., ст. 101, 102.
[8]) Ibid., ст. 5, 87

которыя вмѣстѣ съ тѣмъ надѣляетъ дисциплинарною властью въ отношеніи къ земскимъ управамъ [1]). Въ составъ присутствій, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входятъ: губернскій предводитель дворянства, вице - губернаторъ, управляющій казенною палатой, прокуроръ окружнаго суда, городской голова губернскаго города, предсѣдатель губернской управы и одинъ членъ, избранный губернскимъ земскимъ собраніемъ [2]). Дѣла въ присутствіи рѣшаются большинствомъ голосовъ, но губернатору предоставлено право пріостанавливать исполненіе рѣшеній и переносить дѣла министру внутреннихъ дѣлъ [3]). Таковы въ общихъ чертахъ тѣ измѣненія, или, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ, улучшенія, которыя произведены въ Положеніи 1864 года Положеніемъ 1890 года.

Знакомясь съ ними, мы не можемъ не замѣтить, что новое Положеніе не ослабило, но еще болѣе усилило реакціонные элементы, вкравшіеся въ земское устройство. Снова земскія учрежденія получили сословный характеръ, а организація земскаго представительства была искажена въ угоду дворянству. Увеличивъ число гласныхъ отъ дворянъ, новое Положеніе представительство отъ другихъ сословій свело къ нулю. Къ тому же была сведена и свобода дѣйствій всѣхъ земскихъ учрежденій, особенно управъ. Статья (6 Положенія 1864 года), гласящая: „въ кругу ввѣренныхъ дѣлъ земскія учрежденія дѣйствуютъ самостоятельно", была исключена изъ закона. Правда, новое Положеніе устранило взглядъ на земскія учрежденія, какъ частные хозяйственные союзы, и поставило ихъ въ ряду правительственныхъ учрежденій, но надѣлило ихъ не необходимыми прерогативами правительственной власти, а бюрократическимъ надзоромъ и руководствомъ. Власть губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ съ одной стороны, и губернскаго присутствія съ другой парализовали въ земствѣ всякую самодѣятельность. Стѣснительный надзоръ администраціи съ закономѣрности перенесенъ уже и на цѣлесообразность земскихъ постановленій. Но противники земскаго самоуправленія не удовлетворились и такой реакціонной реформой, и въ послѣдующее время издается рядъ положеній, направленныхъ къ дальнѣйшему ограниченію земской само-

---

[1]) Ibid., ст. 8.
[2]) Ibid., ст. 8.
[3]) Ibid., ст. 11.

дѣятельности. Такъ, въ 1900 году, высказываемая раньше мысль о необходимости фиксаціи земскаго обложенія получила законодательную санкцію. Выработанный министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ и министромъ финансовъ Витте, проектъ, по которому всѣ земскія смѣты, требующія увеличенія сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ, должны представляться на утвержденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, хотя и встрѣтилъ сильную оппозицію, какъ въ Совѣтѣ министровъ (гдѣ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что увеличеніе оклада предшествующаго года допускалось въ размѣрѣ 2,5%, а съ Высочайшаго разрѣшенія эта норма могла быть повышена до 5%), такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ большинство рѣшительно высказалось противъ, однако былъ Высочайше утвержденъ. Одновременно съ этимъ изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій были изъяты дѣла по общественному продовольствію.

Можетъ быть, послѣдовали бы и новыя ограниченія земской самодѣятельности, если бы не 1904—5 годы общественнаго движенія, когда вмѣстѣ съ вопросомъ о переустройствѣ всего государственнаго строя на конституціонныхъ началахъ былъ выдвинутъ, какъ его предикатъ, и вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи. 5 декабря 1906 года былъ уже изданъ законъ, значительно измѣнившій организацію крестьянскаго представительства въ земскихъ учрежденіяхъ. Крестьяне были освобождены отъ административной опеки. Выборнымъ сельскихъ обществъ предоставлено было самимъ, безъ вмѣшательства губернатора, избирать изъ своей среди уѣздныхъ гласныхъ. Гласные отъ крестьянъ получили вмѣстѣ съ тѣмъ право на государственную службу и занятіе должности члена и предсѣдателя управы. Кромѣ того, тѣ изъ крестьянъ, которые, помимо надѣльной земли, обладали еще установленнымъ имущественнымъ цензомъ, получили право, помимо участія въ выборахъ гласныхъ отъ своихъ обществъ, участвовать во вторыхъ избирательныхъ земскихъ собраніяхъ. Въ томъ же году правительство для улучшенія состоянія земскихъ финансовъ выступило на путь субсидированія земствамъ и ихъ дѣятельность получила возможность сильнѣе развернуться. Позднѣе (5 декабря 1912 г.) послѣдовало изданіе закона объ улучшеніи земскихъ финансовъ, благодаря которому земство получаетъ до 8 милліоновъ рублей. Другихъ измѣненій, кромѣ указанныхъ, въ Положеніе 1890 г.

до настоящаго времени не внесено. Правда, за время работы Государственной Думы не разъ затрагивались отдѣльные вопросы мѣстнаго самоуправленія, но всѣ они не вышли изъ стадіи составленія проектовъ и ихъ обсужденія. Впервые вопросъ о реформированіи земскаго самоуправленія былъ затронутъ во второй Государственной Думѣ, когда въ нее внесены были два проекта конституціонной демократической партіи о выборѣ земскихъ гласныхъ и правительствомъ—о поселковомъ и волостномъ управленіи. Сущность перваго проекта сводится къ слѣдующему. Сельское общество, какъ самоуправляющійся союзъ, упраздняется. Вмѣсто него, въ помощь существующему земству, создается другое, организованное на тѣхъ же самыхъ началахъ, но охватывающее меньшую территорію.

Каждое селеніе можетъ быть выдѣлено въ отдѣльную земскую единицу--поселковую организацію (сходъ, староста и управа). Нѣсколько такихъ мелкихъ земскихъ единицъ — объединяются въ крупныя—„участки". Во главѣ участка стоятъ органы его: участковое земское собраніе и участковая управа. Участковое земство подчинено уѣздному. Участвовать въ выборахъ и быть избраннымъ въ поселковое и участковое и уѣздное земства могъ всякій мѣстный житель, достигшій 21 года безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности, проживщій въ предѣлахъ уѣзда не менѣе 6 мѣсяцевъ, хотя бы и въ разное время. Проектъ же, внесенный правительствомъ, не уничтожая прежняго устройства сельскихъ обществъ, для селеній не земледѣльческаго типа и селеній, составъ жителей которыхъ болѣе чѣмъ на 1/10 не совпадаетъ съ составомъ земельныхъ обществъ, между тѣмъ мѣстныя потребности благоустройства отличаются точностью, вводилъ поселковое устройство. Въ составъ поселковыхъ обществъ, кромѣ указанныхъ селеній, могли входить и владѣльцы усадебъ, хуторовъ и т. п., расположенныхъ въ чертѣ усадебной осѣдлости селенія. Всѣ общественныя дѣла въ поселковыхъ селеніяхъ рѣшаются общимъ собраніемъ или сходомъ. Въ крупныхъ же селеніяхъ поселковые сходы замѣняются поселковыми собраніями (непосредственное участіе замѣняется представительствомъ). Для рѣшенія вопросовъ: объ учрежденіи и закрытіи поселковыхъ обществъ, объ установленіи и измѣненіи ихъ границъ, для провѣрки поселковыхъ оцѣнокъ учреждаются уѣздныя земскія собранія (вмѣсто уѣздныхъ съѣздовъ). Поселковыя общества наравнѣ съ

земскими участвуютъ въ волостномъ управленіи. Волостныя собранія составляются изъ гласныхъ, избираемыхъ тѣми и другими, при этомъ количество гласныхъ съ каждой стороны опредѣляется размѣромъ суммы оплачиваемыхъ сборовъ. Но ни одинъ изъ этихъ проектовъ вторая Дума, въ виду скораго роспуска, не успѣла разсмотрѣть. Послѣ роспуска второй Думы правительство поспѣшило взять обратно свой проектъ и, переработавъ его въ реакціонномъ духѣ, внесло въ 1908 году въ третью Думу. Въ концѣ своихъ полномочій третья Дума разсмотрѣла его, но не во всемъ составѣ, а лишь проектъ волостного управленія, и послѣ значительныхъ измѣненій одобрила. Проектъ поселковаго управленія такъ и остался въ комиссіи, не поступивъ на обсужденіе Думы. По проекту правительства вся реформа волостного управленія сводилась лишь къ привлеченію къ участію въ волостномъ управленіи лицъ всѣхъ сословій и расширенію компетенціи волости въ сферѣ хозяйственной дѣятельности. Волость же по-прежнему должна была остаться единицей управленія. Между тѣмъ Государственная Дума стремилась создать изъ волости новую земскую единицу въ помощь существующему земству. По проекту, принятому Государственной Думой, волостное земское управленіе строилось по образцу уѣзднаго. Органами волостного управленія являются волостныя собранія (съ распорядительною властью) и управы (органы исполнительные). Въ волостныхъ избирательныхъ собраніяхъ могли участвовать только лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ земскими сборами. Ни размѣръ имущественнаго ценза, ни размѣръ земскихъ сборовъ, дающихъ право на участіе въ выборахъ, Дума не установила, а потому предоставила избирательныя права и владѣльцамъ нѣсколькихъ саженъ земли, если только земля ихъ была обложена земскими сборами. Право участія въ выборахъ въ волостные гласные было предоставлено и женщинамъ. Для избранія волостныхъ земскихъ гласныхъ Государственная Дума признала необходимымъ установить куріальную систему, по размѣрамъ имущественнаго ценза и съ выдѣленіемъ въ особую курію общинниковъ. Компетенція волостного земскаго собранія опредѣлена соотвѣтственно компетенціи уѣздныхъ земскихъ собраній. Исполнительный органъ волости—волостная управа составляется изъ предсѣдателя и двухъ или нѣсколькихъ членовъ. Обязанности волостной земской управы раздѣляются—на земско-хозяйственныя и административныя.

Для взиманія мѣстныхъ сборовъ въ помощь волостной управѣ учреждается должность сборщика. Каждой волости предоставлено право самой составлять смѣту по обложенію имуществъ, которая затѣмъ поступаетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе уѣзднаго земскаго собранія. Въ своей дѣятельности волостныя земскія учрежденія поставлены подъ надзоръ съ одной стороны правительственной власти, которая надзираетъ за законностью ихъ дѣствій, не касаясь цѣлесообразности, а съ другой—подъ надзоръ особаго присутствія уѣзднаго съѣзда, состоящаго изъ правительственныхъ чиновъ и мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Ближайшій же надзоръ и ревизія волостныхъ земскихъ учрежденій возложены на особое лицо, избираемое уѣзднымъ присутствіемъ изъ своей среды. Земское волостное управленіе вводится, по возможности, въ предѣлахъ существующихъ волостей. Вновь же открываемыя волости должны быть съ населеніемъ не менѣе 3.000 душъ обоего пола. Разработанный въ такомъ видѣ законопроектъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ и лежитъ безъ разсмотрѣнія до сихъ поръ. Въ 1908 году было внесено въ Государственную Думу еще одно законодательное предположеніе объ измѣненіи земскаго Положенія 1890 года въ части, касающейся выборовъ. Необходимость измѣненія избирательнаго закона въ земскія собранія давно уже диктуется самою жизнью. Земское Положеніе 1890 года съ его исключительно сословнымъ характеромъ признано устарѣвшимъ всѣми серьезными земскими дѣятелями. Достаточно привести слѣдующій любопытный фактъ, указанный въ Государственной Думѣ депутатомъ Шингаревымъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, уже нѣсколько лѣтъ фактически исчезло изъ жизни земство. Дѣло въ томъ, что въ этомъ уѣздѣ имѣется лишь 6 человѣкъ изъ дворянъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ, но ихъ нѣтъ на-лицо: двое умерли, двое продали землю, остальные попали подъ судъ. Земская управа существуетъ по назначенію и, конечно, ежегодно представляетъ земскому собранію (несуществующему) разнаго рода доклады, которые потомъ, въ виду отсутствія земскаго собранія, представляются на утвержденіе губернатору [1]).

Это—яркій примѣръ вырожденія земства, основаннаго на сословномъ началѣ. Въ внесенномъ предположеніи

---

[1]) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. Четвертый созывъ, сессія I, засѣданія 21, 8, 11, 1913 г.

(подписанномъ видными представителями фракціи октябристовъ), вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ былъ разработанъ не только въ смыслѣ уменьшенія имущественнаго ценза, но и съ предоставленіемъ пассивныхъ избирательныхъ правъ женщинамъ. Но оно пролежало въ третьей Думѣ болѣе 4 съ половиной лѣтъ безъ всякаго движенія и къ концу окончанія полномочій третьей Думы осталось неразсмотрѣннымъ. Въ четвертой Думѣ аналогичное законодательное предположеніе было внесено октябристами въ началѣ февраля 1913 года и тогда же передано въ коммиссію по мѣстному самоуправленію для разработки. Данное предположеніе чрезвычайно скромно и въ строгомъ смыслѣ вовсе не является реформой. Вся задача его заключается лишь въ нѣкоторомъ расширеніи рамокъ избирательнаго закона и въ допущеніи къ земскимъ выборамъ болѣе значительнаго круга лицъ. Проектъ, правда, уничтожаетъ сословное начало, на которомъ построено Земское Положеніе 1890 года; онъ строитъ избирательныя права на другомъ началѣ—имущественномъ, но, уничтожая сословныя перегородки, онъ далекъ отъ демократизаціи земскаго избирательнаго закона. Проектъ понижаетъ земельный цензъ на половину противъ существующаго и устанавливаетъ для выборовъ пять курій: двѣ куріи уѣздныхъ собственниковъ, двѣ для горожанъ и одну для сельскихъ собственниковъ и домохозяевъ общинниковъ. Главная роль въ земствѣ отводится крупнымъ земельнымъ собственникамъ. Въ этомъ отношеніи проектъ октябристовъ нѣсколько приближается къ земскому избирательному закону 1864 года. Проектъ настолько скроменъ, что противъ него возражалъ въ Государственной Думѣ одинъ только Марковъ 2-й, который высказалъ, что земство обязательно должно быть перестроено на сословныхъ началахъ. Но даже Марковъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ его рѣчи, подъ сословнымъ земствомъ подразумѣвалъ не преобладаніе въ немъ дворянства, а настаивалъ на необходимости зафиксировать опредѣленное число гласныхъ отъ крестьянъ, чтобы загородить наплывъ въ безсословное земство сельской интеллигенціи [1]). Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о введеніи земства въ 6 западныхъ губерніяхъ. Въ 1910 году предсѣдатель Совѣта министровъ П. А. Столыпинъ внесъ

[1]) Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. Четвертый созывъ, сессія I, засѣданіе 21.

въ Государственную Думу проектъ о введеніи земства въ 6 западныхъ губерніяхъ по закону 1890 года съ рядомъ большихъ измѣненій. Главное изъ нихъ то, что, вмѣсто дѣленія избирателей по сословіямъ, введено дѣленіе на національныя куріи. При этомъ землевладѣльцамъ русскаго происхожденія предоставлены нѣкоторыя преимущества, какъ въ выборѣ гласныхъ, такъ и при замѣщеніи должностей. Государственная Дума съ нѣкоторыми измѣненіями приняла этотъ проектъ, но Государственный Совѣтъ отклонилъ его. Тогда сессія законодательныхъ учрежденій была на три дня прервана и проектъ былъ проведенъ въ порядкѣ 87-й статьи основныхъ законовъ.

Такова исторія земства (со стороны законоположеній) со дня его введенія и до нашихъ дней. Подводя итоги полувѣкового существованія земства, нельзя не отмѣтить, что русское земское самоуправленіе находится еще въ начальной стадіи своего развитія, что исполнившіеся въ нынѣшнемъ году 50 лѣтъ его существованія есть только минута въ его будущей исторіи. Не мало реформъ и измѣненій должно увидѣть земство прежде, чѣмъ стать совершеннымъ аппаратомъ. Вся атмосфера общественной жизни складывается такъ, что обѣщаетъ дальнѣйшее развитіе началъ самоуправленія. Тотъ антагонизмъ между земствомъ и правительствомъ, которымъ наполнены первые годы существованія земства, съ начала 90 годовъ прошлаго столѣтія начинаетъ исчезать, и отношенія между ними съ тѣхъ поръ, какъ государственныя задачи и потребности стали открыто обсуждатсся мѣстными людьми въ законодательныхъ палатахъ, начали принимать опредѣленныя формы. Центральная власть заявила себя не только какъ носительница управленія и государственности, но и какъ примирительница мѣстныхъ интересовъ съ государственными. Можно надѣяться, что и многія другія печальныя явленія, до сихъ поръ задерживающія развитіе началъ мѣстнаго самоуправленія, какъ напр. индифферентизмъ и абсентеизмъ населенія къ общественной самодѣятельности, будутъ исчезать по мѣрѣ умственнаго и государственнаго развитія мѣстнаго населенія. Могущественный толчокъ этому развитію уже данъ устройствомъ мелкаго единоличнаго землевладѣнія, которое, безъ сомнѣнія, создастъ множество лицъ, заинтересованныхъ въ добромъ веденіи мѣстнаго хозяйства.

В. Смирновъ.

Тому сто лѣтъ.

Императоръ Александръ I, во время своего пребыванія въ 1814 г. въ Брюсселѣ, одѣвался съ чрезвычайной простотой, такъ что никто не подозрѣвалъ въ немъ Монарха Россіи. Однажды, проливной дождь заставилъ его искать убѣжища; не вдалекѣ онъ увидѣлъ магазинъ портного, дверь котораго стояла открытой. Онъ взошелъ туда, и вступивши въ бесѣду съ хозяиномъ, сталъ его разспрашивать объ его семьѣ, и какимъ образомъ онъ сводитъ свои концы съ концами. Портной, слова котораго заставили въ немъ предполагать человѣка честнаго и благочестиваго, откровенно высказался о своихъ затрудненіяхъ въ денежныхъ дѣлахъ, и заботу, что у него не хватитъ денегъ на уплату своего помѣщенія. Императоръ скоро покинулъ его, сохранивъ свое инкогнито. Однако жъ нѣсколько дней спустя портной неожиданно получилъ бумагу—актъ покупки дома въ свою полную собственность. И только нѣкоторое время спустя, ему пришлось узнать, что его мимолетный гость и Императоръ Россіи были одно и то же лицо.

В. Ключарева.

Казанская старина.

Павелъ I въ г. Козмодемьянскѣ.

Павелъ, какъ поклонникъ нѣмецкаго милитаризма, всю армію раздѣлилъ на 4 инспекціи, и Казанская губ. причислена къ Оренбургской инспекціи. Онъ вздумалъ въ 1798 г. сдѣлать смотръ 3 полкамъ, стоящимъ въ г. Оренбургѣ, которые, обученные, вызывались въ г. Казань, куда и Императоръ къ 25 мая рѣшилъ прибыть. Для такого дальняго путешествія Павелъ приказалъ сдѣлать, какъ онъ называлъ, дорожную колясочку на 4-хъ лицъ, и тутъ же, чтобы можно было принимать съ докладомъ. И вотъ 5 мая 1798 г. онъ выѣхалъ изъ г. Павловска черезъ Москву, Нижній и Казань по большой московской дорогѣ въ сопровожденіи свиты— графа Кутайсова и генераловъ Нелединскаго, Обрѣзкова и Кушелева, и съ нимъ поѣхали два сына, князья Александръ и Константинъ. Подъ царскій поѣздъ запрягалось до 400 лошадей. Для встрѣчи Императора, изъ г. Казани прибыли въ г. Козмодемьянскъ, какъ лежащій на границѣ Нижегородской губ., депутаты отъ дворянства во главѣ съ военнымъ губернаторомъ де-Ласси, отъ купечества во главѣ съ Хворовымъ и Евреиновымъ, и вотъ съ утра 22 мая отъ Троицкаго Собора и до въѣздныхъ воротъ у тыновой ограды по обѣ стороны были поставлены инородцы (чуваши и черемисы) въ ихъ національныхъ костюмахъ; тутъ же стояли и жители г. Козмодемьянска въ русскихъ костюмахъ, инвалидная команда во главѣ съ первымъ городничимъ

съ 1794 г. секундъ-маіоромъ Будимличемъ, ученики 2-хъ-классснаго малаго народнаго училища въ числѣ 28 воспитанниковъ, только-что открытаго въ 1791 году во главѣ съ учителемъ Пичугинымъ. А городское все духовенство во главѣ съ настоятелемъ о. протоіереемъ Листовымъ стояло у самаго собора съ св. водою и крестомъ въ самыхъ лучшихъ пасхальныхъ облаченіяхъ, и картина всей встрѣчи при солнечномъ свѣтѣ и тихой и теплой майской погодѣ получилась умилительная. Для наблюденія за поѣздомъ, на колокольнѣ собора былъ поставленъ сторожъ Парфенычъ, который обязанъ былъ, какъ только изъ-подъ горы покажется поѣздъ, ударить въ колоколъ, и ровно въ 5 ч. вечера Парфенычъ ударилъ въ колоколъ, и на всѣхъ колокольняхъ начали звонить, и народъ пришелъ въ оживленіе, а городничій вышелъ за шлагбаумъ навстрѣчу Императору, а городской голова М. А. Ермолаевъ съ 6-ю гласными думы, при выходѣ Павла I изъ коляски у шлагбаума, поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ отъ жителей города. Затѣмъ Императоръ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ соборъ между тѣсно стоявшихъ съ обѣихъ сторонъ инородцевъ и жителей, которые кричали „ура". У собора принялъ крестъ и окропленіе св. водою, потомъ вошелъ въ соборъ для его осмотра и выслушанія краткаго молебна. Послѣ чего поѣздъ спустился въ нижнюю часть города, гдѣ въ д. Колесникова была приготовлена квартира для Императора, а для свиты 8 домовъ тутъ же на площади. Домъ былъ 2-хъ этажный, самый лучшій въ городѣ, и видъ изъ него на Волгу чудный. За Императоромъ явились всѣ депутаты для представленія, а Императоръ больше всѣхъ обратилъ вниманіе на великана красавца купца Загороднаго, котораго и разспрашивалъ о Волгѣ, занятіяхъ жителей, о караванахъ, плывущихъ мимо города, и Волга въ это время была въ полномъ разливѣ, и Императоръ залюбовался съ сыновьями красавицей Волгой. Затѣмъ Императоръ вздумалъ узнать вкусъ воды Волги и сравнить ее съ невской, для чего на лодкѣ посрединѣ Волги взяли пробу, и она понравилась Императору.

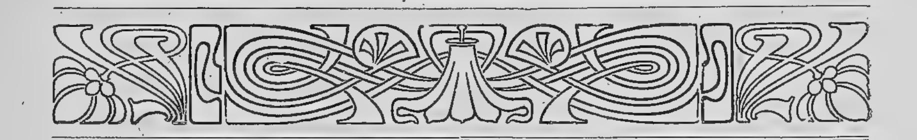
Послѣ представленія депутаты были распущены, а протоіерею Листову приказано на утро служить обѣдню въ Никольской церкви, которая стояла почти рядомъ съ дачей Колесникова. Народъ не расходился до обѣдни, и всѣ расположились вокругъ дома ночевать, чтобы быть съ Императоромъ у обѣдни и проводить его. О. Листовъ совмѣстно

съ священниками городскими Бузановскимъ и Муратовскимъ служили обѣдню, а пѣли причетники, знавшіе пѣніе, какъ города, такъ равно изъ близъ лежащихъ селъ. Въ церкви были всѣ депутаты,—и народъ кто могъ помѣститься. Послѣ обѣдни, принявши курьеровъ и лицъ съ докладами, Императоръ, позавтракавши, въ сопровожденіи всѣхъ депутатовъ, поѣхалъ далѣе, и Будимличъ ѣхалъ впереди съ казаками, и на границѣ уѣзда сдалъ свою обязанность чебоксарскому городничему, который и дожидался Царскаго поѣзда. Почти у самой границы Козмодемьянскаго уѣзда, на большой дорогѣ среди березъ, которыми была въ 4 ряда обсажена московская большая дорога, оказался дубъ, вышиною около 10 саженъ, и до самаго верху ни одного сучка, а на верху въ видѣ кроны были сучки, и Императоръ заинтересовался такимъ дубомъ, что вышелъ изъ коляски, снялъ съ себя серебряный шарфъ и надѣлъ на дубъ, который и сталъ называться Царскимъ.

За пребываніе свое въ домѣ Колесникова, Императоръ подарилъ ему золотые часы съ брилліантами, а народъ въ память пребыванія Императора въ домѣ Колесникова, назвалъ этотъ домъ „Царскимъ Дворцомъ“ и подъ этимъ именемъ онъ такъ и существовалъ до тѣхъ поръ, пока не сгнилъ и не свалился, и его пришлось купившимъ у наслѣдниковъ новый выстроить.

В. П. Грузинцевъ.

Казанскіе лашманы.

Лашманство исчезло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Народъ уже забылъ о его существованіи; лишь немногіе старцы изъ простолюдиновъ знаютъ—что такое лашманы, для остальныхъ же имя „лашманъ“ представляетъ собою „крылатое слово“, обозначающее здоровяка, богатыря.

Лашманъ—терминъ нѣмецкій, происходитъ отъ нижненѣмецкаго laschen обрубать, обтесывать, обдѣлывать—и Mann. Лашманы, въ дословномъ переводѣ, значить будутъ „тесальщики“.

Такъ назывались инородцы, приписанные къ Казанской Адмиралтейской конторѣ и обязанные заготовлять лѣсные матеріалы для надобностей флота.

Первый русскій корабль былъ „Орелъ“, построенный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ предназначался для Каспійскаго моря, былъ сведенъ по Волгѣ въ Астрахань и тамъ, во время бунта Стеньки Разина, сгорѣлъ [1]).

Петръ Великій началъ строить флотъ въ 1696 году въ Воронежѣ. Морское управленіе этого времени сосредоточивалось въ Воронежѣ и, по имени царскаго жилища, называлось „Государевъ шатеръ на Воронежѣ“ [2]).

Центральнымъ учрежденіемъ, завѣдывавшимъ всѣми дѣлами кораблестроенія, былъ въ это время Володимірскій судный приказъ.

---

1) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ XII, стр. 282, 285, 286.

2) В. Чубинскій, Историческое обозрѣніе устройства управленія морскимъ вѣдомствомъ въ Россіи. СПБ. 1869, стр. 4.

Для заготовки строительныхъ матеріаловъ для флота были назначены лѣса къ сѣверу отъ Воронежа по обѣимъ сторонамъ рѣки Воронежа и ея притоковъ [1]). Выработка и доставка лѣсныхъ матеріаловъ возложены были на особыя, образованныя изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, „кумпанства".

Въ 1700 году часть Володимірскаго суднаго приказа, завѣдывавшая кораблестроеніемъ, была выдѣлена въ самостоятельное учрежденіе подъ именемъ „Приказа адмиралтейскихъ дѣлъ [2]).

На сѣверѣ кораблестроеніе началось въ 1702 году на рѣкѣ Сяси, впадающей въ Ладожское озеро. Съ 1703 года стали строить суда на Свири на Олонецкой верфи, въ Лодейномъ полѣ, въ Новой Ладогѣ и на рѣкѣ Лугѣ; съ 1706 года—въ Петербургѣ [3]).

Лѣсные матеріалы первоначально употреблялись мѣстные. Но съ 1710 года стали въ Петербургъ доставляться лѣсные матеріалы для постройки флота—изъ Казани, гдѣ образовалось „портовое управленіе" [4]).

Послѣ учрежденія въ 1718 году Адмиралтействъ-коллегіи морское управленіе въ Казани стало называться „Лѣсною конторою"; когда въ 1722 году въ Казани учреждено было адмиралтейство, то Казанское морское управленіе стало называться „Адмиралтейскою конторою", но иногда употреблялось старое названіе—„Лѣсная контора" [5]).

Эта двойственность наименованія объясняется двойственностью функцій—Казанское управленіе вѣдало и постройкою судовъ въ Казани, въ *Адмиралтейской слободѣ*, до сихъ поръ сохранивщей это названіе; и заготовкой лѣсовъ для Петербургскаго адмиралтейства.

Число людей, состоявшихъ при Казанской конторѣ, достигало, говоритъ Чубинскій, до 800 и свыше; одни назначались собственно для изготовленія лѣсовъ, другіе къ кораблестроенію, иные къ магазинамъ" [6]).

Описанія—какъ происходила заготовка лѣсовъ для Казанскаго и Петербургскаго адмиралтейства—до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, въ русской исторической литературѣ не имѣется.

---

[1]) О. с., стр. 6.

[2]) О. с., стр. 8.

[3]) О. с., стр. 11.

[4]) О. с., стр. 30, 29.

[5]) О. с., стр. 32, 76.

[6]) О. с., стр. 76.

Въ указателѣ Межова упомянута лишь книга Чубинскаго, которой я между прочимъ воспользовался для составленія настоящаго очерка, но у Чубинскаго нѣтъ описанія способа заготовки лѣсныхъ матеріаловъ.

Затѣмъ, такъ какъ указатель Межова составленъ въ 1886 году, я просмотрѣлъ, начиная съ этого года, журналы— „Морской Сборникъ", „Русскій Архивъ", „Русскую Старину" и „Историческій Вѣстникъ" и въ просмотрѣнныхъ мною нѣсколькихъ сотняхъ книгъ этихъ журналовъ ни одной статьи о Казанскомъ адмиралтействѣ не нашелъ [1]).

И вотъ, совершенно неожиданно, весною 1911 года мнѣ посчастливилось найти въ коллекціи старинныхъ рукописей преосвященнѣйшаго епископа Алексія одинъ очень интересный документъ, относящійся до Казанскаго адмиралтейства.

Означенная рукопись представляетъ собою „Инструкцію корабельному подмастерью Ефимову и Коммиссару Афанасьеву" и относится къ 1760 году. Въ этой инструкціи содержатся подробныя наставленія о заготовкѣ лѣсовъ для Петербургскаго адмиралтейства.

До 1712 года, т. е. въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, заготовка и отправка корабельныхъ лѣсовъ въ Казанской губерніи производилась „нарядомъ мѣстныхъ жителей" [2]). Съ 1712 года работы эти стали производиться наймомъ [3]). Указомъ 15 мая 1712 года [4]) повелѣно изъ Казани „отпускать тѣ лѣса по вешней полой водѣ до Твери, а рубить и спроваживать тѣ лѣса наймомъ", производя уплату „изъ доходовъ Казанской губерніи".

„. . . а во Твери тѣ лѣса принимать изъ С.-Петербургской губерніи и, принявъ, въ С.-Петербургъ спроводить противъ того-же наймомъ изъ доходовъ С.-Петербургской губерніи"...

При этомъ указывается даже спеціальный источникъ для этихъ расходовъ.—„Деньги сбирать съ тѣхъ людей, что у готовленія тѣхъ лѣсовъ въ работѣ были, по чему за человѣка положить можно, чтобъ безъ тягости было"...

---

[1]) Къ сожалѣнію, нѣкоторыя книги послѣднихъ трехъ журналовъ (кромѣ „Морского Сборника") въ библіотекѣ Университета оказались взятыми для прочтенія, нѣкоторыя утрачены, „Историческаго же Вѣстника" за нѣкоторые годы вовсе нѣтъ. Съ этой неполностью пришлось помириться.

[2]) Чубинскій, о. с., стр. 30.

[3]) Ibidem.

[4]) Полное собраніе законовъ, томъ IV, № 2522.

Тѣ же правила, вкратцѣ, повторяются въ указѣ 27 февраля 1713 года [1]).

Въ 1718 году система заготовки корабельныхъ лѣсовъ измѣнена—вмѣсто найма стала производиться нарядомъ инородцевъ, которыхъ для этой цѣли приписали къ адмиралтейству и стали называть лашманами.

Указомъ 31 января 1718 года [2]) повелѣно на работы по заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ „брать Казанской, Нижегородской и Воронежской губерніи и Симбирскаго уѣзда служилыхъ мурзъ, татаръ, мордву и чувашъ безъ заплаты", т.-е. безъ вознагражденія, въ видѣ повинности. Съ живущихъ далеко отъ лѣсовъ предписано взимать взамѣнъ этой повинности—денежный сборъ.

Указами 31 іюля 1722 года и 17 марта 1724 года [3]) велѣно этихъ приписанныхъ къ адмиралтейству служилыхъ инородцевъ обложить подушной податью—„расположить съ прочими въ подушную подать", но денегъ съ нихъ не взимать впредь до особаго распоряженія—денегъ „до указа не имать". Въ указѣ 27 апрѣля 1724 года [4]) подтверждается то же распоряженіе—„въ подушный сборъ не писать, а быть имъ у тѣхъ работъ и у отправленія лѣсовъ попрежнему".

Съ 1729 (указъ 12 марта) [5]) съ лашмановъ уже взимается подушная подать, а за работу по заготовкѣ лѣсовъ полагается имъ плата, которая зачитается въ подушную подать по разсчету 6 копеекъ въ день конному работнику, 4 копейки пѣшему. Излишній сверхъ суммы подушной подати заработокъ выдается деньгами.

Указомъ 9 ноября 1730 года подтверждено—„а имъ мурзамъ и татарамъ у заготовки корабельныхъ и прочихъ лѣсовъ быть по-прежнему, а ту работу зачитать имъ въ платежъ положенныхъ на нихъ подушныхъ денегъ", съ уплатой излишне-заработанныхъ денегъ наличными.

Когда именно повелѣно взимать съ лашмановъ подушныя деньги и былъ ли объ этомъ особый указъ, помимо вышеназванныхъ — мнѣ неизвѣстно; между прочимъ въ

---

[1]) П. с. з., т. V, № 2647.

[2]) П. с. з., т. V, № 3149.

[3]) П. с. з., т. VI, № 4065 и томъ VII, № 4485.

[4]) П. с. з., томъ VII, №4495.

[5]) П. с. з., томъ VIII, №№ 5379 и 5643; см. еще Чубинскій, о. с., стр. 77.

указѣ 2 декабря 1747 года [1]) говорится, что подушныя деньги съ казанскихъ инородцевъ опредѣлены въ 1725 году и обозначена сумма, но въ полномъ собраніи законовъ за 1725 годъ я такого указа не нашелъ. Вѣроятно, это было административное распоряженіе.

Въ 1732 году, іюля 3 [2]), изданъ указъ „О способѣ узнавать гнилости и поврежденія, скрывающіяся въ привозимыхъ для корабельнаго строенія лѣсахъ, при заготовленіи оныхъ“. Въ этомъ указѣ чрезвычайно подробно излагаются правила, какимъ способомъ и въ какихъ мѣстахъ нужно просверливать подозрительныя деревья, дѣлать на нихъ пробные надрубы и т. д., чтобы найти—нѣтъ ли въ деревѣ гнилости и другихъ недостатковъ и поврежденій, и какъ глубоко проникаютъ эти поврежденія въ древесину.

До 1740 года не только заготовка корабельныхъ лѣсовъ, но и сплавъ ихъ производился лашманами; въ 1740 году, указомъ 7 мая [3]), предписано сплавлять корабельные лѣса „наймомъ и подрядомъ“. Въ 1745 году, 24 сентября [4]), добавлено: если наемныхъ людей для надобностей сплава не хватитъ—командировать къ этой работѣ солдатъ изъ полковъ, расположенныхъ по близости производства сплавныхъ работъ.

Для сбора людей къ производству работъ и для надзора за работами назначались особые коммиссары изъ мѣстныхъ дворянъ; въ качествѣ низшихъ служителей по тому же надзору и для карауловъ при лѣсахъ и на верфи—полагалось назначать солдатъ изъ особо содержавшейся для того роты.

Технической стороной работъ руководили корабельные мастера и подмастерья [5]).

Найденный мною документъ и представляетъ собою, какъ сказано, инструкцію корабельному подмастерью и коммиссару, данную 30 сентября 1760 года и озаглавленную такъ:

„По указу Ея Императорскаго Величества изъ Казанской адміралтейской конторы инструкцыя г-дну корабелному подмастерью Ѳеимову и камисару Ѳѳонасьеву“.

Начинается эта инструкція такъ:

По указамъ Ея Императорскаго Величества, „а по по-

---

1) П. с. з., томъ XII, № 9455.
2) П. с. з., томъ VIII, № 6114.
3) П. с. з., томъ XI, № 8097.
4) П. с. з., томъ XII, № 9209.
5) См. Чубинскій, о. с., стр. 77.

даннымъ от команд ведомостям отъ г-дна карабелнаго мастера тучкова і от протчихъ надлежитъ въ нынѣшнем 760 году осени и зиме доготовит требуемыхъ напочинку ѳлота карабѣлных деревъ пятсотъ восемдесятъ одно, досокъ тысячу семсотъ шездесятъ одну. кблоковому делу дубу молодаго наконопатные молоты пятнадцеть. к блоковому же делу въ санктъ питербурхъ досокъ восемь тысячъ шесть сотъ девяноста две, бриковъ тысячу шесть сотъ одинъ, кряжеи сто двадцеть одинъ, мачтовыхъ дерев сто четырнадцеть, досокъ дѣсеть, камелныхъ деревъ сто дватцеть одно, досокъ триста сорокъ три. галерныхъ шеснатцеть, досокъ двести восемдесятъ четыре, ботовыхъ деревъ двести дватцет, досокъ четыреста сорокъ восемь кряжей на роспиловку шлубочных досокъ два в кронштатъ, х каменному Петра Перваго великаго каналу ветреным водяным мелницамъ на валы дубовыхъ восемь штукъ всего деревъ и досокъ четырнатцеть тысячъ триста тритцет семь для которой заготовности лѣсовъ оной гднъ карабелный мастеръ тучков поданным своим доношениемъ требовалъ чтоб нарядит нынѣ с приписныхъ кадмиралтейству служилых мурзъ и татаръ въ нынѣшней осени и будущей зиме пешихъ тысячу пятдесят да для вывоски прошлозимней і вновь заготовляемыхъ карабелныхъ и протчихъ дубовыхъ лѣсовъ конныхъ тысячю пятдесятъ же".

Далѣе указывается, на какія пристани сколько выслать рабочихъ; къ сурскимъ пристанямъ

къ верхней іелманской „ чирковской „ сабаевской „ кунѣевской „ алаторской „ Сыресевской „ порецкой	пѣших 300 конных 300

Синбирского уезду

в ясашное село Тазино къ пристанямъ Евлейской языковской курмышской ивановской	пѣших 300 конных 300

Цывилского уезду

в новокрещеную чувашскую деревню Буртасы къ пристанямъ—Казанской адмиралтейской камской полянской	пѣших 150 конных 150

Казанского уезду

арской дороги в ясашную татарскую деревню Ямашерму к свияжскимъ волскимъ і цывилскимъ алашевской пристанямъ	пѣших 300 конных 300

Свияжского уезду

въ новокрещенские чувашскіе деревни
въ дер. Кичкѣеву — пѣшихъ (не указано)
„ „ темерову — конныхъ (не указано)

Для производства этихъ работъ предписано быть „на сурскихъ пристаняхъ на ілманской чирковской сабаевской кунѣевской алаторской сырѣсевской порецкой Евлейской языковской курмышской івановской рангу капитанского корабельному подмастерью Улѳову и при немъ корабелному ученику куломзину камѣлному подмастерью тюнину на свияжских волских цивилской атлашевской вам на казанской адмиралтейской камской полянской галерному подмастерью апухтину а ему самому гдну карабелному мастеру Тучкову на всех оныхъ пристаняхъ надъ вами всеми определенными к тои заготовности показанныхъ лѣсовъ подмастерьями також и протчими мастеровыми и работными людми іметь в той заготовности въ распиловке и вывоске лѣсовъ крепкое и все прилежное смотрение...“

При этомъ предписывается „галерные и ботовые и шлюбочные лѣса выбирать . . . . из оставшихъ за карабелною і камелною поделками покидных штукъ,“ а „чего изоставшихъ откарабѣлныхъ и камелныхъ члѣнов набратся не можетъ то заготовлять і вновь безупущения перваго

ктому удобнаго времени отискивая леса из молодых а не старыхъ і не ис трупореховатых выбирая нишие и не толстые деревья а болшихъ на малое употребление отнюдь не портит . . . . ; “; деревья „заготовлят годные и здоровые с надлежащею пробою и бракомъ и клеимом и при той заготовности и присрубке скорени дерев велеть быть Ѳорштмейстеру Селиванову і команды ево ундеръ Ѳорштмейстеру і ѳорштмейстерским учеником для лутчего по должности ихъ ѳорштмейстерской знания стоячих на корению годныхъ деревъ.“

Рабочіе высылаются на эти работы изъ „приписныхъ кадмиралтейству казанской і нижегородской губернеи по близости к вышеписаннымъ пристанямъ пензенскаго, саранского синбирского петровского алаторского курмышского свияжского да казанского уездовъ горной и закамской сторонъ і по сю сторону камы реки пяти дорогъ—всего сорока пяти тысячъ шести сотъ душъ по расположению с тритцети осми душъ по два человека пешего да коннаго“ всего пѣшихъ 1.050 и конныхъ 1.050, а всѣхъ 2.100 человѣкъ.

При этомъ прилагается расписаніе—съ какихъ деревень, сколько человѣкъ высылать „а с новокрещенъ никого по силе присланныхъ Ея Імператорскаго Величества указовъ в тое работу к заготовности лесовъ отнюдь не нарежать і не высылат понеже всех оных новокрещен для восприятия ими святаго крещения істой адмиралтейской работы велено выключить і ни в какие работы не нарежать а оставить на платеже подушныхъ денегъ“...

Высланнымъ на заготовку корабельнаго лѣса рабочимъ заработная плата засчитывается въ подушную подать: „со вступления ихъ в тое работу по окончания как та работа можетъ окончатся в зачетъ по плакату и по силе состоявшаго въ прошлом 757 году в правителствующем сенате указу взборъ сних татаръ подушных денегъ на предбудущеи 761 год“.

Высылаются рабочіе по извѣщеніи о томъ нарочными—пѣшихъ немедленно высылаютъ сами нарочные при себѣ, а конныхъ высылаютъ сотники, старосты и выборные „на добрых лошедях на каких они свои работы работаютъ и вотъезды ездят по первому зимнему пути как санной путь утвердитца по повѣсткам с пристаней от подмастерьевъ и камисаров и протчих немедленно“...

Далѣе слѣдуютъ техническія правила.

1) . . . .
. . . .
„...срубать дубовые деревья скорени в силу присланнаго из государственной адмиралтейской колѣги прошлаго 751 году апреля 29 дня указу не оставляя болшаго пенья сколко возможность допустит ниже и для того в зимнѣе время снегъ около дубовъ рощищат до земли дабы те заготовленные леса были длинные и напрасноб в пеньяхъ дубоваго дерева на кореню не оставалось і в вывоске напристани негодныхъ отнюдь не было.

2) . . . .
. . . .
наблюдать, чтобы „на каждой пристани кладены были какъ потребные на строение новыхъ кораблей і протчих судов так и починочные порознь порангам и по сортом не мешая водно место“... „и чтоб на пристанях как карабелных камелных и галерных такъ и протчихъ деревъ двойныхъ ни одного дерева не было“...

3) . . . .
. . . .
по силѣ указа адмиралтействъ коллегіи 1759 года февраля 21 „еслико возможно будетъ ѳауты усматривать на корени дабы тѣ леса рублены не были а ежели в котором деревѣ до срубки тех ѳаутов всеконечно познать будетъ невозможно а по срубке оные ѳауты явятся и затѣм втакие сорты будутъ негодны те обтесывать и по лекалом производит в другие в какие годны быть могутъ а въ лесах ихъ неоставлять дабы отъ имеющихся в них ѳаутахъ и здоровымъ местам не было напрасного повреждения ібо хотя из такихъ ѳаутныхъ при заготовности лѣсовъ против наряду на другие ранги несколкоб было заготовлено излишнихъ те могутъ употреблены быть в починочные в которыхъ всегдашняя бываетъ нужда“.

4) . . . .
. . . .
„и чтоб однихъ деревъ в заготовности вдвое а других въ недостатке отнюдь не было и с камисарами б вы и ученики і мастеровые также і между собою імѣли втом частое сношение и содержали верные журналы“..

6) И посылат вам камисаром и ученикам репорты по прошестви каждаго мѣсяца как в казанскую адмиралтейскую кантору так и корабелному мастеру тучкову за руками своими одни общие противъ прежняго стягостию по-

месечно ж для репортования в государственную адмиралтейскую колегию і для сообщения ко определенным для забрания лесовъ афицеромъ".

7) . . . .

рубить лѣса при вальдмейстерахъ „и для того у срубленых деревъ пни клеймит адмиралтейскими клеймами в то же время безъ упущения чего ради дано камисаромъ по два клейма".

8) „Работниковъ пешихъ как нынѣ по первым высылкам так і на месячную имъ перемѣну [1]) другихъ принимать годныхъ і дородныхъ и не малолетнихъ"...

Когда наступитъ время вывозки деревьевъ и досокъ изъ лѣсовъ, то слѣдуетъ послать нарочныхъ за конными рабочими „и принимат тех конныхъ работниковъ потомужъ годныхъ и здоровыхъ и немалолетныхъ на добрыхъ лошадяхъ на какихъ они свои работы работаютъ и вотъезды ездят а негодных работников и на худых лошадях отнюдь не принимать чтоб от того вынтересе Ея Императорскаго Величества траты не было".

„9) А ежели из тех работников будут нетчики и бѣглецы то по них нео(т)писывая в кантору посылать вам же от себя и за прогульные дни работников імать с них вдвое чтоб от того не последовало в тои заготовности остановки и продолжения токмо тем высылщиком солдатом накрепко подтверждать чтоб они обидъ и налогъ вуезде ім іноверцам отнюдь не чинили и взяткамъ не касались".

„10) Да вамъ же при вывоске смотрит и салдатом приказыват накрепко чтоб накладывали на сабаны деревья и впрягали подних лошадей с разсмотрением по исчислению тягости а імянно считая под принцыпалные от десѣти до пятнатцети пудъ на каждую лошадь а под лѣхкие сколко можно и нарятчиком солдатам с квартир в леса и із лесов до пристаней ездит на тех же сабанахъ а особливыхъ подводъ отнюдь не давать".

11) Солдатамъ при пѣшихъ рабочихъ и плотникахъ— подводъ также не полагается.

Самому корабельному подмастерью Афанасьеву и ученику „если случится ехать для прииму лѣсовъ і осмотру

[1]) Очевидно, у служилыхъ мурзъ и татаръ была установлена между собою очередь отбыванія лашманной повинности, съ мѣсячными сроками.

работъ то імать каждому по одной подводе іс тех же конныхъ работниковъ толко въ то время когда необходимо случится для осмотру лесовъ и работъ ехать или лекала куды вести а излишних не брать и завсегда техъ подводъ у себя на квартирах отнюд не держать і смотрит накрепко: і напрасно для прихотей своихъ никому отнюдь не давать и причислять те взятые подводы къ той же вывоске".

12) . . . .
. . . .
„а для писма репортовъ і протчих ведомостей дано вамъ комисаром бумаги пять десстей".

13) Работы инородцевъ въ лѣсахъ засчитываются имъ въ подушную подать по слѣдующему разсчету: „взимнѣе время октября съ 1 апреля по 1 число конным по плакату по шести да кним прибавочных за излишную их в ночных часах работу по две итого по осми копѣекъ на сутки пешим по плакату по четыре к ним прибавочных за излишнюю в ночныхъ часах работу по одной ітого по пяти копѣекъ на сутки каждому человѣку а в летнѣе время то есть апреля съ 1 октября по 1-е число онои зачетъ за те работы імет токмо по плакату конным по десяти пешим по пяти копѣекъ каждому на день безъ прибавки за ночные часы в зборъ сних подушныхъ денегъ на будущей 761 год и вносит пеших и конных работниковъ во особые записные книги съ которых дѣлать одному тебѣ камисару для зачету работникомъ месечные квитанцы сросписками".

14) . . . . Всѣ записи и счета должны вестись правильно и подробно „чтоб во исчислени за лѣса ценъ помешателства и излишняго затруднения отнюд не было"...

15) Для счетоводства выданы шнуровыя книги, которыя вмѣняется въ обязанность „содержать вамъ во всякой чистоте и вносит в те книги и в прописях писать что у кого иноверцовъ заработано дней и зачтено денегъ складом а не цыѳрою подопасениемъ за неисполнение неупускаемаго по указомъ штраѳа і истязания"...

18) Квартиры чинамъ, состоящимъ при лѣсныхъ работахъ, отводятся у обывателей въ ближайшихъ къ мѣсту работъ деревняхъ.

„і когда вывоска лесам начнется и где случится через реки и ручьи і протчие неспособные места мосты мостит дабы обыватели заблаговременно мосты мостили і ни в чем бы не отговаривались чтоб за не мощение мостов вывоске лѣсов остановки неучинилось и обоном писано в

Казанскую и нижегородскую губернские канцеляри і поташнаго правления в контору промемориями и требовано дабы определенным при той заготовности і вывоске карабелных и протчих лесов какъ вамъ так и комисаром и учеником даны были отоных канцелярей и отпоташной конторы противъ прежняго послушные указы которых вам чрез посланныхъ отоныхъ командъ требовать".

19) „По окончани той заготовности и вывоски лѣсовъ записные и журналную і квитанцыям книги и учиня из них по уездамъ і деревнямъ перечневую ведомость і во что со всею заготовностию и вывоскою и со взятыми для розездовъ подводы и материалы і сприложением вашего и протчих служителей денежного и хлебного жалованья те заготовленные леса ценою станут обстоятелную ведомость подать въ адмиралтейскую контору немедленно".

20-й пунктъ содержитъ въ себѣ упреки за медленность представленія отчетовъ и угрозы наказаніемъ.

Указомъ Ея Імператорскаго Величества изъ адмиралтейскій коллегіи отъ 5 іюня 1760 года предписано, вслѣдствіе запозданій въ представленіи Казанскою Адмиралтейскою Конторою счетовъ въ Адмиралтейскую Коллегію— „что присылаются в колегию ісказанской адмиралтейской конторы не науказные сроки но со многим продолжениемъ времени"—на членовъ конторы наложить штрафъ: „для положенія на присутствующих той канторы и на секретаря за продолжительную присылку таких щетовъ надлежащаго по указомъ штраѳа"...

Контора, въ свою очередь, угрожаетъ подвѣдомственнымъ ей чинамъ, за медленность представленія отчетовъ, штрафами и взысканіями: если вы отчетовъ „в апреле или по крайней мере маия в первых числахъ подавать не будете то вы камисары не токмо надлежащаго за ту вашу бытность при смотрени работъ заслуженаго жалованья лишены, но и сверхъ того не малым штраѳомъ штраѳованы будете а имѣющимся при вас камисарахъ писарям учинено будетъ за то жестокое наказание"...

Тутъ же немедленно контора однако смягчается и добавляетъ—„а ежели паче чаяния вам камисарам сочинением оныхъ книгъ за многими и разными для осмотру работъ розездами каждому однимъ писаремъ исправится невозможно то в таком случае по необходимости требоват вамъ по другому писарю кои вамъ изобученыхъ школников и даны быть имѣютъ".

Въ пунктѣ 21-мъ предписывается вообще по службѣ „поступать правилно и чинить всесущественную правду по самой истинне іща вынтересе Ея Імператорскаго Величества ползы и прибыли и все іcполнять по присяжной своей должности какъ надлежитъ честному аѳицеру і верному Ея Императорскаго Величества рабу а обид и приметокъ никому никакихъ отнюдь нечинить и взяткам некасатся чего и за подкомандными смотрит накрепко и ни до какихъ своевольствъ и обидъ не допущать“...

Въ пунктѣ 22-мъ обращается особое вниманіе, чтобы подвѣдомственные Ефимову и Афанасьеву „адмиралтейские служители і мастеровые люди и работники при заготовностях і вывоске карабелныхъ галерныхъ и прочтихъ лѣсовъ соляным подрятчиком и іхъ прикащиком и работником никому отнюдь обидъ и помѣшателства никаких притесненей не чинили под жестокимъ штраѳом и істязанием понеже по указом правительствующаго сената оным подрятчиком никаких обидъ чинит невелено но показывать всякое благодѣяние“...

Въ пунктѣ 23-мъ содержатся указанія о порядкѣ сношеній по дѣламъ „подлежащимъ тайности“.

„У подлинной инструкцы писано тако Ѳедоръ Игнатьевъ“

„По пунктам коллежской регистраторъ Никита Ивановъ“

„по листамъ канцеляристъ Григорій Толчѣевъ“.

„Такова подлинная иструкцыя имѣется при насъ корабелной подмастерья Лука Еѳимовъ“.

Указаннымъ въ этой инструкціи порядкомъ, можетъ быть лишь съ измѣненіями въ нѣкоторыхъ частностяхъ, производилась заготовка корабельныхъ лѣсовъ лашманами до 1859 года, когда корабельные лѣса были переданы изъ Морского вѣдомства въ Министерство государственныхъ имуществъ и лашманы переведены въ общій разрядъ государственныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе я дополню мой очеркъ краткими свѣдѣніями изъ воспоминаній казанскаго купца Василія Ивановича Гудочкина, происходящаго изъ села Ошняка Лаишевскаго уѣзда Казанской губерніи и помнящаго, какъ лѣтъ 50—55 тому назадъ лашманы возили корабельные лѣса.

„По зимамъ, разсказываетъ В. И. Гудочкинъ, проѣзжали черезъ наше село лашманы. Они ѣздили цѣлыми обозами и возили огромнѣйшія бревна—до 1½ и до 2-хъ аршинъ толщиной; бревна лежали на особыхъ полозьяхъ и подъ каждое бревно запрягалось отъ 30 до 50 лошадей. Пріѣзжая

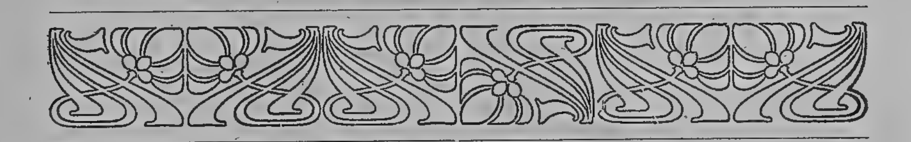
къ намъ въ Ошнякъ, лашманы останавливались на ночлегъ; бревна оставляли за околицей, лошадей ставили во дворахъ, сами ночевали по избамъ.

Раннимъ утромъ, задолго до свѣта, раздавался крикъ лашманскихъ старостъ—„кувала китты лашманъ!“ что значитъ по-татарски „гони въ отъѣздъ, лашманы!“ и лашманскій обозъ трогался въ путь“.

Дѣтскому воображенію крестьянскихъ мальчиковъ лашманы представлялись какими-то сказочными богатырями, везущими изъ далекихъ дремучихъ лѣсовъ гигантскія бревна къ Царю на постройку кораблей.

В. Залѣсскій.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1].

16 марта депутатъ Чхеидзе произнесъ въ Государственной Думѣ рѣчь, которая очень понравилась германцамъ, ее цитировалъ въ прусскомъ ландтагѣ съ особымъ смакомъ депутатъ Штребель, а „Франкфуртская газета“, „Берлинеръ „Тагеблатъ“ и „Форвертсъ“ перепечатали ее цѣликомъ, а послѣдняя газета посвятила этой замѣткѣ передовую статью. Желая поддержать своего коллегу и сгладить его антипатріотическій поступокъ, депутатъ Чхенкели имѣлъ смѣлость, если не сказать болѣе, утверждать съ думской каѳедры, что въ Германіи рѣчь Чхеидзе запрещена къ печати. Вотъ каковы наши демократы.

Разсказываютъ, что въ февралѣ на торгахъ при продажѣ нѣмецкихъ земель въ Екатеринославѣ крестьянскій банкъ не принималъ никакого участія, а землю скупали спекулянты.

„Русск. Инвал.“ передаетъ со словъ „Daily Chronicle“: Во французскихъ бюллетеняхъ, разсылаемыхъ по безпроволочному телеграфу, было помѣщено извѣстіе, что по свѣдѣніямъ миланскаго корреспондента газеты „Petit Parisien“, во время послѣдняго налета австрійскихъ аэроплановъ на итальянскую территорію въ районѣ Ферарры и Равенны съ нихъ разбрасывались пакеты съ отравленными сластями,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1916 г.

которыя должны были распространить заразительныя и кончающіяся смертельнымъ исходомъ болѣзни.

При изслѣдованіи этихъ пакетовъ въ лабораторіи было выяснено, что содержимое ихъ состоитъ изъ сахарина и ядовитыхъ бациллъ.

---

17 марта. Торговцы возвышаютъ цѣны на картофель по непонятнымъ причинамъ; послѣдніе 5 мѣсяцевъ картофеля подвозилось втрое больше. Мародеры начинаютъ прятать картофель.

Вернувшаяся изъ Австро-Венгріи послѣ осмотра лагерей русскихъ военноплѣнныхъ сестра милосердія А. В. Романова доложила Главному управленію Краснаго Креста, что въ Вѣнѣ русскія сестры были приняты императоромъ Францемъ-Іосифомъ, при чемъ пріемъ длился нѣсколько минутъ и носилъ характеръ любезной формальности.

Сестра Романова посѣтила въ Верхней Австріи, Тиролѣ и юго-западной части Венгріи 9 концентраціонныхъ лагерей для нижнихъ чиновъ, 11 офицерскихъ лагерей и станцій, 2 лагеря для задержанныхъ военно-обязанныхъ и около 40 рабочихъ мѣстъ.

По пріѣздѣ въ лагери чувствовалось, что къ посѣщенію делегацій готовились: производилась усиленная чистка, улучшалась пища. Въ числѣ районовъ, намѣченныхъ къ осмотру, не былъ указанъ восточный районъ, гдѣ, по слухамъ, существуетъ рядъ карантинныхъ лазаретовъ и крупныхъ рабочихъ мѣстъ. Районъ этотъ былъ исключенъ, въ виду будто бы близости его къ фронту, но по тѣмъ же слухамъ плѣнные находятся тамъ въ незавидныхъ условіяхъ.

Большинство злоупотребленій въ отношеніи плѣнныхъ совершаютъ низшіе чины на мѣстахъ.

Всѣ военноплѣнные нижніе чины въ Австро-Венгріи расписаны по 30 концентраціоннымъ лагерямъ, откуда до 70% отправляются на работы. Обстановка жизни военноплѣнныхъ на работахъ чрезвычайно разнообразна, лагери же построены по одному плану, и обстановка жизни въ различныхъ лагеряхъ почти ничѣмъ другъ отъ друга не отличается.

Ближайшій надзоръ за плѣнными поручается взводнымъ унтеръ-офицерамъ, которые фактически играютъ главную

роль для плѣнныхъ, т. к. отъ унтеръ-офицера, какъ докладчика о малѣйшихъ безпорядкахъ лагерному офицеру, зависитъ какъ самое наказаніе плѣннаго, такъ степень налагаемаго взысканія.

Нѣкоторые лагери напоминаютъ городъ. Напримѣръ, въ лагерѣ Клейнмюнхенѣ устроена электрическая колбасная фабрика, ведется свиноводство для утилизаціи отбросовъ и птицеводство. Во многихъ лагеляхъ имѣются огороды, въ которыхъ работаютъ плѣнные, при чемъ въ нѣкоторыхъ, подъ руководствомъ нашихъ спеціалистовъ огородниковъ, выращиваются великолѣпные овощи для продажи. Несмотря, однако, на присутствіе въ лагеряхъ этихъ учрежденій, пища военноплѣнныхъ ничуть не улучшена, такъ какъ колбаса, овощи и другіе производимые въ лагеряхъ продукты идутъ въ продажу для жителей страны.

Очень большое число плѣнныхъ дѣлало попытки къ побѣгу, но побѣги удавались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Несмотря на постоянное недоѣданіе, заболѣваемость среди плѣнныхъ не велика, и свирѣпствовавшія въ прошломъ году эпидеміи холеры, тифа, дезинтеріи почти прекращены. Сейчасъ встрѣчаются лишь единичные случаи брюшного тифа и довольно значительное число туберкулезныхъ заболѣваній, особенно среди татаръ и кавказцевъ. Въ лагерныхъ аптекахъ гораздо больше пустыхъ банокъ, чѣмъ лѣкарствъ. Въ большинствѣ госпиталей раздаются общія жалобы на недостаточность пищи. Больныхъ выписываютъ изъ госпиталей слишкомъ рано и часто совершенно неправильно посылаютъ на непосильныя работы. Плѣнные врачи обыкновенно живутъ въ офицерскихъ лагеряхъ, подчиняясь правиламъ жизни военноплѣнныхъ офицеровъ, что не соотвѣтствуетъ правиламъ Женевской конвенціи, которая предоставляетъ врачамъ право работать въ госпиталяхъ.

Внѣшность лагерей—весьма благоустроенныя клѣтки, въ которыхъ томятся наши плѣнные, поставленные въ условія, отличающіяся отъ тюремныхъ тѣмъ, что они имѣютъ неограниченное право дышать свѣжимъ воздухомъ. Этотъ тюремный режимъ связывается рѣшительно со всѣмъ.

Все питаніе нашихъ военноплѣнныхъ можно характеризовать такъ: они получаютъ ровно столько невкусной пищи, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду и не черезчуръ быстро истощаться. Всѣ калоріи исчислены научно, и

плѣнные съ голоду пока дѣйствительно не умираютъ, но ощущеніе голода у нихъ не проходитъ.

Въ одномъ рабочемъ мѣстѣ сестра нашла 860 человѣкъ' одежда и обувь которыхъ была въ ужасномъ видѣ, многіе были босы, не у всѣхъ были шинели или куртки.

Въ лагерѣ Кисситке, хотя его и называли переходящимъ, сестра нашла плѣнныхъ, живущихъ въ ужасныхъ условіяхъ съ августа 1915 года, при чемъ имъ постоянно обѣщаютъ отправить ихъ изъ лагеря на работы. Жилымъ помѣщеніемъ служатъ землянки-бараки, построенные по типу кирпичныхъ сараевъ, низкія земляныя стѣны подъ длинной шатровой досчатой крышей. Только по серединѣ помѣщенія можно стоять во весь ростъ. Оконъ нѣтъ, для вентиляціи отдушины въ крышѣ, въ нихъ заливаетъ дождь; полъ земляной, наръ нѣтъ, несмотря на пріѣздъ миссіи, на полу для спанья лишь немного гнилой соломы. Одѣялъ у нихъ нѣтъ. Воды въ лагерѣ нѣтъ; она привозится въ бочкахъ, которыя плѣнные тащатъ по скверной дорогѣ болѣе трехъ километровъ. Не только для умыванія, но и для питья, воду экономятъ—около бочки дежуритъ часовой. Бани нѣтъ. Хлѣбъ въ лагерѣ не выпекается, онъ доставляется весьма нерегулярно изъ сосѣдняго; бываютъ дни, когда плѣнные остаются безъ хлѣба. Карцеръ — яма, глубиной около $1^1/_2$ аршина съ нарами, подъ досчатой крышей, безъ оконъ для свѣта отверстіе въ двери, которая плохо закрывается. Отопленія нѣтъ.

Режимъ, которому, какъ общее правило, подвергаются наши плѣнные, за исключеніемъ живущихъ на частныхъ баракахъ, близокъ къ тюремному.

На вопросъ сестры относительно подвѣшиванія и сковыванія, толпа неизмѣнно гудѣла въ отвѣтъ: „подвѣшиваютъ, сестрица, какъ Христа распинаютъ“.

Особнякомъ отъ вопроса дисциплины и наказаній стоитъ вопросъ о побояхъ. Здѣсь нужно отмѣтить большую разницу между Австріей и Венгріей.

Въ Австріи больше бьютъ за непослушаніе и нарушеніе правилъ. Офицерскій составъ битью не потворствуетъ. Въ Венгріи, гдѣ офицерскій составъ въ администраціи лагеря значительно хуже, и гдѣ народъ по природѣ болѣе жестокъ, жалобъ на побои въ видѣ наказаній, а также по произволу, значительно больше, и вообще побои въ Венгріи явленіе общее. Установлены также случаи битья палками и хлыстами.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ австрійцами устроены классы для обученія нѣмецкому языку плѣнныхъ, однако эти классы мало посѣщаются плѣнными, которые гораздо охотнѣе занимаются въ устроенныхъ по инициативѣ нашихъ вольноопредѣляющихся и интеллигентныхъ нижнихъ чиновъ классахъ обученія грамотѣ, ариѳметикѣ.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ печатаются спеціальныя лагерныя деньги, которыя выдаются плѣннымъ на руки.

Почта, по мнѣнію Романовой, въ Австріи дѣйствуетъ хуже нашей, по крайней мѣрѣ семьи военноплѣнныхъ австрійцевъ получаютъ изъ Россіи отъ своихъ родныхъ письма гораздо скорѣе, чѣмъ наши плѣнные въ Австріи.

Почти всѣ наши плѣнные нижніе чины работаютъ съ утра до поздняго времени. Кромѣ внутренней работы въ лагеряхъ, плѣнные командируются на внѣшнія работы.

Источникомъ нравственныхъ страданій нашихъ военноплѣнныхъ является примѣненіе ихъ труда для чисто военныхъ цѣлей, что можетъ во-истину считаться наиболѣе ужасною стороною плѣна. Плѣнныхъ заставляютъ рыть окопы, подносить пищу сражающимся или работать на заводахъ и мастерскихъ, обслуживающихъ армію.

Въ лагерѣ Гредикъ сестра Романова видѣла солдатъ, бывшихъ старшими надъ группой плѣнныхъ на окопныхъ работахъ въ Галиціи у Черновицъ.

Въ лагерѣ Мархтренкъ сестрѣ разсказывали, что за отказъ отъ работы на итальянскомъ фронтѣ на проволочныхъ загражденіяхъ подъ артиллерійскимъ огнемъ изъ партіи въ 400 человѣкъ были назначены десять человѣкъ къ разстрѣлу, четверо были разстрѣляны на глазахъ товарищей, послѣ чего остальные смирились.

Всѣхъ видѣнныхъ офицеровъ сестра нашла въ очень тяжеломъ удрученномъ нравственномъ состояніи. Главнымъ обстоятельствомъ, обусловливающимъ удрученность ихъ духа, является абсолютное лишеніе свободы, которому они подвергнуты. Они почти никогда не выходятъ изъ мѣстъ своего заключенія, никогда изъ-подъ охраны часовыхъ, и если присоединить къ этому обидныя детали, какъ, напримѣръ, ограниченіе права имѣть при себѣ деньги, то станетъ понятнымъ, что они сравниваютъ режимъ ихъ жизни съ тюремнымъ и горько на него жалуются, хотя внѣшнія условія ихъ жизни нужно признать въ настоящее время вполнѣ удовлетворительными.

За предѣлы лагеря офицеры выходятъ не болѣе одного

раза въ недѣлю и непремѣнно въ сопровожденіи австрійскаго офицера и вооруженнаго конвоя. Всякая возможность общенія плѣнныхъ офицеровъ съ населеніемъ совершенно исключена принимаемыми строгими мѣрами. Офицеры должны одѣваться на свой счетъ. Главнымъ интересомъ жизни плѣнныхъ офицеровъ является устройство побѣговъ. Бѣжать хочетъ каждый, бѣгутъ сотни, удалось же бѣжать единичнымъ лицамъ.

Пріѣздъ миссіи сестеръ имѣлъ громадное значеніе для плѣнныхъ. Бесѣда съ пріѣхавшими съ родины людьми внесла въ ихъ души живую струю и подѣйствовала на нихъ благотворно.

Отрадно было видѣть, что, несмотря на все свое тяжелое положеніе, единственная мечта и мысль каждаго плѣннаго—это дожить до побѣды Россіи: „о насъ же, сестрица, не безпокойтесь, лишь бы въ Россіи было хорошо".

Участіе, проявленное въ ихъ судьбѣ посылкой миссіи, было горячо ими оцѣнено. Сестры видѣли не мало слезъ радости и умиленія, и въ каждомъ лагерѣ ихъ провожали единодушными словами: „сестрица, передайте привѣтъ дорогой родинѣ, скажите спасибо тѣмъ, что васъ послалъ".

Удивительно, почему подобнаго доклада не сдѣлали тѣ наши сестры милосердія, которыя были въ Германіи. У насъ былъ приведенъ разсказъ одного плѣннаго о посѣщеніи ихъ лагеря г. Самсоновой.

Генералъ-отъ-инфантеріи Поливановъ оставилъ постъ военнаго министра, и его мѣсто заступилъ генералъ-отъ-инфантеріи Шуваевъ.

18—19 *марта*. Вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ германская подводная лодка потопила въ Черномъ морѣ наше госпитальное судно „Португаль", стоявшее на мѣстѣ и выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Трудно назвать надлежащимъ образомъ это новое злодѣяніе культурныхъ германцевъ.

Приводимъ поучительный разсказъ бѣжавшей изъ плѣна [1]).

Мы остались за нѣмцами съ того дня, какъ взяли Вильну, остались совсѣмъ неожиданно: подлѣ нашей деревни были окопы—съ одной стороны наши, съ другой—ихъ. Когда во время боя, часовъ въ 6 утра, они заняли наши окопы, мы сразу оказались отрѣзанными. Пришли они въ деревню, пошли по избамъ, гонятъ всѣхъ вонъ. Выгнали на улицу, погнали за деревню, дальше, и заперли въ сараѣ у послѣдняго дома. Приставили часовыхъ. Набили сарай такъ тѣсно, что нельзя было дышать: плечо къ плечу стояли. Стояли такъ сутки, до слѣдующаго утра, безъ хлѣба и безъ воды, и выйти не давали и дальше не гнали. Они еще не знали хорошенько, можетъ, придется самимъ отступать. Душно было, тяжело. Дѣти плачутъ... А по деревнѣ бродитъ оставленная скотина, послѣднія курицы... Стрѣльба кругомъ, зарево... Утромъ вывели насъ изъ сарая и погнали по дорогѣ въ мѣстечко К., верстахъ въ десяти. Гнали шибко, безъ остановки. Вещей брать не давали. Всѣхъ обыскивали, нѣтъ ли у кого денегъ: находили—отнимали. Отецъ мой и другіе старики не могли ходить шибко: ихъ били прикладами въ спину... Они падали, вставали и черезъ силу шли дальше.

Пригнали въ мѣстечко... Всѣ жилые дома заняты ими ужъ раньше. Жителей изъ домовъ выгнали; тѣ собрали себѣ кое-какія халупы изъ бревенъ и досокъ, покрыли ихъ лапами, уставили прямо на землѣ какія-то печки и жили какъ звѣри въ берлогахъ. Топили по-черному, безъ трубъ. Какъ затопятъ—наберется дыму, и дѣваться некуда...

Вотъ по такимъ халупамъ размѣстили и насъ. Караульныхъ не ставили, ходили мы вольно, но уйти никуда было нельзя.

Ни одежды, ни ѣды не было,—неоткуда взять. Ходили побираться по домамъ. Жалѣли люди, давали, что могли...

Молодежь всю отобрали въ отдѣльное помѣщеніе, стали обучать ихъ по-солдатски и угнали въ Германію,—куда потомъ—не знаю...

Женщинамъ и дѣвушкамъ житья не было.

Придетъ ночь. Спитъ гдѣ-нибудь мужъ и жена и ребенокъ посрединѣ. Входятъ нѣмцы: сейчасъ мужика съ постели долой, ребенка долой, и давай озорничать надъ

[1]) „Нов. Вр." № 14379.

бабой. Не выдержалъ мужикъ, заступился,—такъ они его такъ избили, что почернѣлъ весь, а на другой день умеръ. Я знаю его: онъ изъ нашей деревни.

Дѣвочекъ-подростковъ хватали и насиловали тутъ же на глазахъ у всѣхъ... Крикъ, бывало, стоитъ: хватятъ дѣвушку, та отбивается, кричитъ; дѣти смотрятъ, пугаются. Моя дѣвочка такъ, бывало, и затрясется вся: „Мама, мама, уйдемъ!“,—а куда уйдешь... не пускаютъ.

Расхворалась она у меня, и помочь не могу. „Домой бы мама, домой!“. А какъ домой? Куда? Раздѣты, разуты: всю одеженку нѣмцы обозные отобрали...

Маялась моя дочурка, маялась, не выдержала—умерла. И еще много дѣтей умерли: сидятъ день безъ ѣды, два сидятъ, поблѣднѣютъ, распухнутъ: сидятъ, какъ мертвые, а тамъ и душу Богу отдадутъ. Такъ вѣдь что еще: зарывать не даютъ. Другая мать ночью зароетъ, а они отроютъ,—думаютъ, не вещи ли прячутъ. Ну, а видятъ покойникъ—и бросятъ опять въ землю какъ-нибудь. Еще пока дочка жива была, я всѣ муки ради нея терпѣла, а какъ умерла она,—не стало мнѣ силъ. Не могла ихъ больше мучителей видѣть... Рѣшила бѣжать. Пусть убьютъ на дорогѣ—уйду. Отецъ съ матерью плакали, не пускали: умремъ такъ, говорятъ, вмѣстѣ: не могу, изныла душа... Слышу, собрались бѣжать отъ нихъ трое нашихъ солдатъ. И рады бѣжать, а дороги не знаютъ. Доведите, говорятъ, кто-нибудь.

Я говорю: доведу. Я здѣсь всѣ кусточки знаю.

А мѣсто у насъ опасное: озера, лѣса, ни за что чужому не выйти.

Уговорились: я впереди пойду, они сзади, чтобы чуть меня видно.

Пошли часовъ въ шесть подъ вечеръ. А по небу прожекторы: все нѣмцы смотрятъ, не идетъ ли кто. Какъ покажется свѣтъ, такъ ложись лучше на землю, а то все равно убьютъ.

Ужъ я на все рѣшилась, а солдатамъ обидно было пропасть: они изъ-подъ караула ушли: рады вырваться, а тутъ на каждомъ шагу нѣмецкіе караулы и биваки.

Пришли мы къ озеру: большое, большое, и островъ посрединѣ. А я дорогу краемъ знаю, краемъ и привела, и какъ разъ къ нашимъ. И хорошо, что мы вправо пошли, а то на островѣ-то были нѣмцы.

Пришли къ нашимъ, и не вѣрятъ, какъ мы выбрались. Разсказали имъ все... Провѣрили наши слова.

— Слава Богу, дома... И рѣчь наша родная, и люди наши... А я ужъ и не ждала живой быть...

Разсказчица, крестьянка Виленской губ., выведшая изъ плѣна трехъ русскихъ солдатъ, получила денежную награду и представлена къ георгіевской медали 4 степени.

---

20 марта. „Journal des Balcans" сообщаетъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что въ Германіи въ послѣднее время цѣлые поѣзда съ мертвецами направляются къ пунктамъ, гдѣ сооружены особые крематоріи, въ которыхъ спеціальнымъ способомъ жарятся тѣла для добыванія изъ нихъ предварительно жира для выработки глицерина, являющагося необходимой составной частью взрывчатыхъ веществъ [1]).

Удивительныя данныя обнаружила городская петроградская комиссія по обслѣдованію мяса, заготовленнаго г. Полферовымъ для столичнаго населенія. На городскихъ бойняхъ, въ оптовомъ складѣ мяса для городскихъ больницъ и лазаретовъ, а также въ складахъ Сиферта и Баранова комиссія нашла совершенно гнилое мясо. При входѣ въ холодильникъ всѣхъ членовъ комиссіи одурманилъ зловонный запахъ разлагающагося мяса.

Мясныя туши ослизли и начали разваливаться. Мѣстные рабочіе заявляли: это еще что! Вотъ посмотрите, что лежитъ внизу. Когда мы носили нижнія туши, даже насъ, привыкшихъ ко всякимъ запахамъ, тошнило.

По словамъ „Вечерняго Времени" [2]) г. Полферовъ получаетъ 12 тысячъ жалованья и 6 тысячъ за вечернія занятія. Г. Полферовъ былъ горячимъ сторонникомъ снабженія мясомъ нѣмцевъ чуть ли не наканунѣ войны.

Петроградскій обыватель полагаетъ, что для нѣмцевъ мясо было бы иное, нежели то, которое осматривала комиссія.

Неужели въ этомъ вопросѣ безсильны предержащіе?

Въ то самое время, когда на нашихъ страницахъ помѣщено описаніе быта нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи

---

1) „Нов. Вр." № 14381.

2) „Веч. Вр." 20 марта.

и Австріи по отчету нашихъ сестеръ милосердія и бѣжавшихъ изъ плѣна, именитый купецъ изъ г. Любима Ярославской губерніи передаетъ, какъ живется германцамъ и австрійцамъ въ этомъ городѣ:

Военноплѣнные шляются по городу почти безъ охраны, пристаютъ къ дѣвицамъ и дамамъ на улицахъ и безобразничаютъ. Дошло до того, что мимо дома, куда водворены военноплѣнные, не стало возможности пройти ни одной женщинѣ; нѣмцы, въ томъ числѣ и офицеры, бывало, подойдутъ къ окнамъ и начинаютъ производить всякія безстыдныя дѣйствія. Это возмутило даже добродушныхъ любимичей. Они потребовали, чтобы городъ принялъ какія-либо мѣры, и городской голова послѣ долгихъ разговоровъ приказалъ замазать на половину окна у военноплѣнныхъ.

Жили военноплѣнные въ двухъ домахъ. Кому-то показалось это неудобнымъ. Нашли нужнымъ перевести ихъ въ какой-либо большой домъ. Стали искать помѣщеніе и нашли. Спрашивается гдѣ? Городъ только-что успѣлъ выстроить новое городское женское училище, и его, конечно, предоставили военноплѣннымъ. Педагогическій персоналъ пробовалъ протестовать, увы, напрасно. Дѣвушекъ прогнали отсюда въ мужское городское училище, гдѣ онѣ занимаются въ двѣ смѣны. А въ просторныхъ комнатахъ начальницы сейчасъ блаженствуютъ нѣмецкіе офицеры.

Кормятъ нѣмцевъ великолѣпно. Они получаютъ пищу утромъ, днемъ и вечеромъ. Утромъ къ чаю полагается ситный, обѣдаютъ они въ казармахъ у солдатъ.

Офицеры вообще чувствуютъ себя отлично. Ихъ развлекаютъ мѣстныя дамы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ они даже имѣютъ успѣхъ. Мѣстный уѣздный казначей такъ тотъ, повидимому, весьма доволенъ новыми гостями, такъ какъ изъ его дома нѣмецкіе офицеры не выходятъ, играютъ на роялѣ, флиртуютъ съ дѣвицами-подростками и, кажется, собираются обучать ихъ нѣмецкому языку [1].

Привольное житье...

Таково житье германцевъ и австрійцевъ у насъ.

Докторъ Волуйскій, недавній германскій плѣнный, приводитъ сказаніе [2], какъ наши плѣнные живутъ въ Германіи.

Попавъ въ плѣнъ во время боя, при перевязкѣ раненаго

[1] „Веч. Вр." № 1425.
[2] „Нов. Вр." № 14381.

солдата, докторъ Волуйскій полагалъ, что онъ, какъ врачъ, неприкосновененъ: онъ опирался на постановленія женевской конвенціи, подписанной и нѣмцами, гласящія, что лица медицинскаго персонала, взятыя непріятелемъ, не есть военноплѣнные: находясь временно въ станѣ непріятелей, они могутъ занимать тѣ же врачебныя должности и получать такой же окладъ жалованья, а по минованіи въ нихъ надобности немедленно возвращаться на родину, при чемъ всѣ ихъ вещи имъ должны быть возвращены.

Докторъ Волуйскій, однако, на себѣ немедленно испыталъ, что для нѣмцевъ всѣ договоры конференцій есть пустой клочокъ бумаги. Волуйскаго тутъ же обобрали до нитки, отнявъ лошадь, медицинскіе инструменты, часы, деньги, лишь ключи вернули—ключи отъ чемодановъ, не находящихся при врачѣ. Сейчасъ же нашего доктора увезли въ Вилленбергъ, и тамъ... тамъ началось „выполненіе женевской конвенціи“: 20 русскихъ солдатъ, ветеринара и врача Волуйскаго приказано было разстрѣлять. Русскіе солдаты стали на колѣни и молились. Нѣмцы принялись нагло хохотать.

— У меня этотъ смѣхъ стоитъ и сейчасъ въ ушахъ!— добавилъ Волуйскій.

Нѣмцы объявили, что разстрѣливать не будутъ, но генералъ, допрашивая Волуйскаго, вынулъ часы и сказалъ:

— Если черезъ 10 минутъ вы не укажете мнѣ, гдѣ скрыта городская касса, я велю васъ разстрѣлять!

Дѣло въ томъ, что городъ Вилленбергъ раньше занимали русскія войска (это было въ августѣ 1914 г.).

Волуйскій отвѣчалъ:

— Я—врачъ, гдѣ касса, не знаю, потрудитесь, не теряя ни минуты, убить меня. Я ничего не скажу.

Генералъ спряталъ часы и далъ понять, что казнь не будетъ приведена въ исполненіе.

Выполненіе женевской конвенціи продолжалось: плѣнныхъ заставляли спать на голомъ полу, на мерзлой землѣ, часовые стрѣляли въ нихъ за малѣйшую оплошность (такъ, былъ смертельно раненъ старенькій подполковникъ, не понявшій окрика часового), кормили мерзостями и тухлятиной. Русскихъ врачей отправили въ тифозные бараки, и тамъ наши врачи всѣ до одного заразились и переболѣли тифомъ. Гадко, трудно, какъ въ тюрьмѣ жилось врачамъ и офицерамъ, но что терпѣли русскіе солдаты,—это безъ волненія и слезъ въ голосѣ не могъ передать докладчикъ.

Солдаты жили въ землянкахъ. Ихъ донималъ холодъ, голодъ и паразиты. Лежали въ повалку на землѣ. Иногда умершіе долго валялись среди больныхъ. Это былъ адъ и смерть. Умирали массами. Солдатъ били, терзали. Даже прививка оспы совершалась, какъ пытка: студентъ-нѣмецъ, невѣжда въ медицинѣ, саблей *прорубалъ* въ рукѣ солдата длинную рану-царапину и на нее накладывалъ оспенный детритъ.

Однажды русскіе врачи заявили, что грязное содержаніе нашихъ солдатъ служитъ распространеніемъ инфекціонныхъ болѣзней, что надо устроить дезинфекцію и выдать чистое бѣлье: всѣ солдаты были въ черныхъ лохмотьяхъ.

Окружный нѣмецкій врачъ сказалъ:

— Хорошо, я выдамъ бѣлье, но вы сначала желаете дезинфекціи? Извольте, вамъ дезинфекція будетъ!

Что же онъ сдѣлалъ? Вывелъ всѣхъ русскихъ солдатъ въ морозъ и вѣтеръ и всѣмъ имъ, здоровымъ и больнымъ, велѣлъ раздѣться догола.

— Это, говоритъ, и есть для васъ дезинфекція.

Тутъ же на морозѣ наши солдаты и надѣли чистое бѣлье. Увы! Эта „нѣмецкая дезинфекція“ уложила массу здоровыхъ и унесла много жизней.

До 3.000 человѣкъ русскихъ умерло отъ тифа, не получая помощи.

Нѣмецкіе врачи также якобы лѣчили русскихъ солдатъ. Но у нихъ въ рукахъ были палки, и ими они колотили нашихъ солдатъ за малѣйшее неповиновеніе. Эти врачи-истязатели, очевидно, глубоко павшіе нравственно, предложили имѣть палки и русскимъ врачамъ. Тѣ отвѣтили:

— Это насъ унизитъ. Стыдно такъ, вообще, вести себя врачу!

За это Волуйскаго и его товарищей лишили прогулокъ.

Такъ-то 15 долгихъ мѣсяцевъ томился врачъ Волуйскій. Подъ конецъ его плѣна пріѣзжала русская сестра милосердія (я не разобралъ фамилію), для обзора лагеря плѣнныхъ русскихъ. За три дня плѣнниковъ одѣли въ новое, въ землянки поставили кровати. Но все это не помогло: солдаты, рыдая, разсказывали плачущей сестрѣ о своихъ мукахъ. Послѣ этого посѣщенія стало жить нѣсколько легче. Нѣмецкіе доктора палками уже не дрались. Скоро Волуйскій, уже пожилой человѣкъ, заболѣлъ, и его, наконецъ, согласились отправить въ Россію, въ обмѣнъ за кого-то.

Г. Тупинъ, въ отвѣтъ на заявленіе барона Мейендорфа въ Государственной Думѣ о напрасныхъ навѣтахъ на нѣмцевъ, приводитъ подлинныя сказанія германцевъ объ истинныхъ настроеніяхъ г.г. прибалтійцевъ [1]). Сравненіе это слагается такъ:

„Быть можетъ, исторія выяснитъ, что всѣ вины, которыя возлагались на нѣмецкій элементъ, окажутся недостаточно обоснованными". (Изъ рѣчи бар. Мейендорфа въ Гос. Думѣ 8 марта).

Профессору Эндзелину посчастливилось получить одинъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „Прусскаго Ежегодника", выпущеннаго 162 томомъ. Это одинъ изъ серьезнѣйшихъ германскихъ журналовъ, и въ немъ мы находимъ три статьи, посвященныя прибалтійскому вопросу.

Матеріалъ этотъ настолько интересенъ, что я приведу нѣкоторыя буквальныя выдержки. При этомъ необходимо отмѣтить, что статьи написаны такими знатоками прибалтійскаго вопроса, какъ Гецъ, Фридрихсъ и пасторъ Берневицъ.

Бр. Гецъ пишетъ:

„Прибалтійскіе нѣмцы всѣмъ своимъ инстинктомъ ничего такъ не презираютъ, какъ культурную принадлежность къ русскому народу: они являются такими же распорядителями Россіи, какъ были когда-то для Германіи римскіе императоры... Въ особенности такое положеніе занимаютъ прибалтійскіе помѣщики, считавшіе русскаго Царя только своимъ сюзереномъ (Lehnherrn), до русскаго народа имъ не было никакого дѣла, еще менѣе до Русскаго государства. Только передъ особой Царя они считали себя обязанными, но отнюдь не передъ Россіей. Судьба государства ихъ интересовала постольку, поскольку ихъ сюзеренъ, между прочимъ, являлся и русскимъ Царемъ (86 стр.). Чувства прибалтійскихъ нѣмцевъ, покинувшихъ Остзейскій край и переселившихся въ центральныя губерніи, были антирусскія, всѣ культурныя обязанности и задачи они исполняли не какъ русскіе граждане въ пользу своихъ же согражданъ, но только исполняя волю Государя: они были и оставались... чужими господами... Благосостояніе Россіи никогда не являлось цѣлью ихъ работы, рус-

[1]) „Нов. Вр.", № 14380.

скій народъ былъ для нихъ только будущимъ матеріаломъ (87 стр.).

„Наступила война. Германская армія заняла Курляндію. Исполняются ли тайныя вожделѣнія тѣхъ, что ждали съ такою вѣрою“? (Стр. 96).

К. Фридрихсъ пишетъ:

„Помѣщики и пасторы, интеллигенція и торговцы добровольно бы приняли какіе угодно налоги, вздорожаніе продуктовъ и всякія ограниченія, все, что ни принесло бы имъ соединеніе съ Германіей, если бы только можно было навсегда освободиться отъ ненавистнаго русскаго рабства“. (311 стр.).

„Можетъ быть, есть люди, которые упрекаютъ нѣмцевъ въ томъ, что они съ восторгомъ встрѣчаютъ наши войска, что они всею душою желаютъ русской арміи неудачъ и позорнаго мира“.

„Только въ рѣдкихъ случаяхъ члены балтійскаго дворянства вступали въ русскую армію офицерами“ (312 стр.).

„...прибалтійскіе нѣмцы, несмотря на самыя горячія желанія присоединиться къ своей великой истинной нѣмецкой родинѣ“... (313 стр.).

„Можно заплатить за это даже цѣлый милліонъ,—сказалъ одинъ изъ либавскихъ гласныхъ, когда на Либаву была наложена контрибуція въ одинъ милліонъ. Это, по его мнѣнію, за присоединеніе къ Германіи.—Мы переживемъ, если только захотимъ, даже то, что прибалтійскіе нѣмцы за это же присоединеніе съ удовольствіемъ заплатятъ не одинъ милліонъ, но много, много милліоновъ“ (316 стр.).

„Въ ту ночь, когда былъ взятъ Гольдингенъ, одинъ изъ германскихъ офицеровъ-кавалеристовъ постучался въ двери одного изъ домиковъ... Дама-нѣмка, высунувъ голову въ окно и, полагая, что это ея племянникъ (Neffe), служившій въ германской арміи, закричала: „Вильгельмъ, это ты“? Дѣло въ томъ, что эта дама обѣщала перваго германскаго офицера, вошедшаго въ Гольдингенъ, встрѣтить дорогимъ виномъ въ старинномъ наслѣдственномъ бокалѣ. Объ этомъ случайно узналъ въ одномъ изъ курляндскихъ имѣній германскій офицеръ... *И былъ бы великій праздникъ не только для Курляндіи и прибалтійскихъ провинцій, но и для всѣхъ нѣмецкихъ земель, если бы когда-*

нибудь раздался зовъ отъ Балтійскаго моря до озера Пейпусъ и отъ Двины до Финскаго залива: „Вильгельмъ, это ты?“ (333 стр.).

Какъ сообщаетъ „J. Wahrds“, 7 марта было получено распоряженіе, согласно которому нѣмецкому пастору Гроссу съ женой и свояченицей Киглеръ, врачу Лимоніусу съ женой и дочерью, г-жѣ Шпоръ и управляющему имѣніемъ Стамбенъ, Финкенштейну, приказано безотлагательно выѣхать изъ Роопа. У нихъ недавно былъ произведенъ обыскъ, найдены компрометтирующія письма и другія вещи; у свояченицы пастора г-жи Киглеръ нѣсколько ружей, револьверъ и пр.

Задолго до войны германцы готовились къ подводной войнѣ въ Средиземномъ морѣ.

Нѣмцы думали объ этомъ уже въ 1913 году. Офицеры, которые затѣмъ должны были командовать подводными лодками, плавали въ западной части Средиземнаго моря, изучали мѣста и входили въ сношенія съ населеніемъ раскинутыхъ по морю острововъ. Осенью 1913 года два учебныхъ судна германскаго флота, — „Викторія-Луиза“ и „Ганза“,—имѣя на борту двухъ контръ-адмираловъ, шесть капитановъ, всѣхъ профессоровъ морской школы, одного адъютанта фонъ-Тирпица, нѣсколько германскихъ принцевъ и 250 учениковъ и гардемариновъ, обошли берега Испаніи и Марокко и особенно долго останавливались въ Алжезирасѣ и въ Пальмѣ, на Майоркѣ. Нѣмецкіе моряки устраивали на своихъ судахъ балы, на которые приглашалось мѣстное избранное общество, и каждый день часть экипажа сходила на землю и завязывала сношенія съ портовыми жителями. Особую симпатію молодые кадеты питали къ мѣстнымъ контрабандистамъ. Во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря ремесло контрабандиста не внушаетъ себѣ презрѣнія,—наоборотъ, но считается весьма почтеннымъ и выгоднымъ. Германскіе морскіе офицеры, въ сопровожденіи этихъ своихъ новыхъ друзей, часто совершали прогулки по морю въ моторныхъ лодкахъ и на рыбачьихъ судахъ въ разные пункты Балеарскихъ острововъ, между Сольеромъ и Пальмой. Нѣмцы пользовались особымъ гостепріимствомъ эрцгерцога австрійскаго Людовика Сальватора, племян-

ника австрійскаго императора. Людовикъ Сальваторъ лучше чѣмъ кто-либо знакомъ съ Средиземнымъ моремъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ въ своей яхтѣ совершаетъ поѣздки между своими двумя помѣстьями: Мирамаре, около Сольера, и Санъ-Стефано, въ Рамле, въ Египтѣ. Его въ этихъ поѣздкахъ всегда сопровождали инженеры, гидрографы. Въ библіотекѣ эрцгерцога имѣлись неизданныя карты.

Наконецъ, наканунѣ объявленія войны изъ Бремена на рейдъ Пальмы пришло судно съ 100.000 ящиками бензина и 10.000 ящиками керосина. Не оставалось никакого сомнѣнія, что это были припасы для германскихъ лодокъ, но, благодаря энергичнѣйшимъ протестамъ англійскаго и французскаго консуловъ, топливо это было задержано и продано съ публичныхъ торговъ.

21—22 марта. Передаютъ, что 10 марта въ Херсонскомъ губернскомъ правленіи отмѣнены торги на недвижимыя имущества германскихъ подданныхъ Карла, Эмиля и др. Фаатцовъ и Геновъ, постановленіемъ этого правленія исключены изъ списковъ имуществъ, подлежащихъ ликвидаціи, земли нѣмецкихъ выходцевъ Якова, Петра, Генриха и Карла Гуссовъ въ Тирасп. уѣздѣ.

Вѣроятно, вины этихъ господъ оказались недостаточно обоснованными (рѣчь бар. Мейендорфа 8 марта.) предержащими властями

Вотъ какъ г. Логофетъ [1]) характеризуетъ историческую работу въ Ставкѣ.

Приведя себя въ порядокъ, направляюсь по Большой улицѣ къ Ставкѣ.

Главная такъ называемая Большая улица въ самомъ концѣ выходитъ на площадь, превращенную въ скверъ, по сторонамъ которой расположены съ одной стороны зданія окружнаго суда, губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и въ глубинѣ домикъ губернатора, а съ другой городская управа съ высокою надъ нею башней, пожарной каланчей. Всѣ эти двухъэтажные дома и служатъ для размѣщенія ставки штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

---

[1]) „Развѣдчикъ" № 1324.

Движеніе по улицѣ черезъ ея часть, прилегающую къ площади-скверу, прекращено, и поэтому весь этотъ уголокъ поражаетъ своею тишиною.

Часовые въ разныхъ мѣстахъ и особые пропускные посты оберегаютъ покой Верховнаго Вождя русскихъ войскъ, живущаго въ небольшомъ домикѣ губернатора, гдѣ Повелитель почти двухсотмилліоннаго населенія занимаетъ три скромныхъ комнаты, изъ которыхъ одна является столовой, а двѣ для его личной жизни.

И какъ-то особенно глубоко трогаетъ эта простота и полное отсутствіе какихъ-либо привычныхъ удобствъ у того, кто, добровольно отъ нихъ отказавшись, несетъ вмѣстѣ со своими войсками всѣ невзгоды войны, ограничивъ себя въ одеждѣ, столѣ и всѣхъ условіяхъ жизни.

— Историческій домикъ будетъ впослѣдствіи,—указываетъ мнѣ комендантскій адъютантъ капитанъ Т., въ то время какъ я изъ окна разсматриваю скверъ съ окружающими его домами.

— Впослѣдствіи комнаты необходимо сохранить со всею въ нихъ обстановкою, среди которой жилъ въ это время нашъ Верховный Вождь, — подтверждаетъ ту же мысль ожидающій отмѣтки на документахъ и разрѣшенія на пропускъ внутрь сквера гусарскій ротмистръ.

— Мы, свидѣтели этой жизни, поражаемся ея простотою,—поясняетъ сейчасъ же Т.

За рѣшеткою, отдѣляющей скверъ отъ улицы, размѣщенъ штабъ и его отдѣлы: генералъ-квартермистрская часть и управленіе дежурнаго генерала.

Въ домѣ штаба помѣщается также и его душа—начальникъ штаба.

Средняго роста съ проницательными, все видящими глазами, небольшими усами и сѣдыми волосами надъ высокимъ лбомъ, генералъ Алексѣевъ представляетъ собою такого исключительнаго работника, особенная сверхчеловѣческая выносливость котораго поражаетъ всѣхъ, видящихъ его, чудовищную по размѣрамъ, работу.

— Прямо не знаю, спитъ ли онъ вообще когда-нибудь,—въ раздумьи говоритъ полковникъ Б., которому я задаю рядъ интересующихъ меня вопросовъ.

Онъ всегда за дѣломъ, всегда неутомимъ, всегда бодръ и всегда все дѣлаетъ лично самъ.

Вѣдь только просмотрѣвъ дѣла штаба, можно уяснить всю колоссальность этой работы. Проекты, распоряженія,

резолюціи—все это, могущее образовать десятки томовъ, написаны его четкимъ бисернымъ почеркомъ. У него все отдано для службы, для дѣла. Личной жизни и какихъ-либо постороннихъ интересовъ не существуетъ.

— Рѣдкая настойчивость, удивительныя познанія, огромная сила воли и суровая внѣшность,—даетъ характеристику подошедшій къ намъ генералъ, прислушавшись къ разговору.

А сердце мягкое, отзывчивое!!.

Представитель Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Жилинскій посѣтилъ бельгійскій и британскій фронты.

24 марта онъ прибылъ въ британскую главную квартиру, гдѣ сдѣлалъ визитъ генералу Дугласу Хэгу.

Затѣмъ генералъ Жилинскій посѣтилъ бельгійскій фронтъ. 22 марта онъ былъ приглашенъ къ завтраку ихъ величествами королемъ и королевой бельгійскими и посѣтилъ днемъ позиціи первой линіи бельгійскаго фронта.

23 марта генералъ Жилинскій въ сопровожденіи принца Текскаго направился къ британскому фронту и посѣтилъ Ипръ, послѣ сего произвелъ смотръ двумъ полкамъ, особенно отличившимся въ различныхъ дѣлахъ.

Тупинъ въ своей корреспонденціи съ Рижскаго фронта [1]) описываетъ одно изъ изумительныхъ событій современной войны.

Бой въ полдень достигъ наивысшаго напряженія, вокругъ все дышало пламенемъ битвы... Въ короткое время съ нашей стороны было выпущено болѣе 15.000 снарядовъ, ураганный огонь не утихалъ, въ воздухѣ стоялъ безпрерывный гулъ, содрогалась земля. Непріятельскія батареи замолкали одна за другой, люди глохли, безумство охватывало слабыхъ.

По дорогамъ, по лощинамъ и извилинамъ потянулись въ одиночку или поддерживаемые товарищами раненые солдаты, другіе въ изнеможеніи опускались у края дороги на землю, ожидая прихода санитаровъ. И точно разсерженные шмели зыкали острыя пули, справа, слѣва, сверху, сбоку.

---

[1]) „Нов. Вр.“, № 14384.

Страшная, незабываемая картина... Слѣва снова часть бросается въ атаку, тысячи душъ рвутся впередъ, храбрость и злоба подобно дикой волнѣ движутъ ихъ навстрѣчу сотнямъ несокрушимыхъ орудій истребленія, бросая имъ въ лицо раскаленную сталь и желѣзо...

У дороги, замаскированной ельникомъ, расположился первый перевязочный пунктъ; сюда ползутъ и идутъ страдальцы.

И точно въ насмѣшку жестокой судьбы надъ перевязочнымъ пунктомъ разрывается непріятельская шрапнель Справо бодро и весело идетъ въ атаку новый батальонъ земгальскихъ стрѣлковъ...

Скрытый отъ глазъ непріятеля блиндажъ; въ немъ сконцентрированы всѣ нервы жестокаго отчаяннаго боя. Онъ такъ близокъ отъ непріятеля, и если на полѣ брани идетъ горячая безумная битва, то здѣсь холодная сосредоточенная работа; нервы однако напряжены до послѣдней степени... тутъ извѣстно, что творится впереди. Чтобы добраться изъ нашей тыловой линіи до этого блиндажа, надо пройти тысячи опасностей, перешагнуть черезъ грань жизни и смерти.

Въ блиндажѣ темно, кишитъ работа... страшная, отвѣтственная, лихорадочная работа, ее можетъ познать и оцѣнить только тотъ, кто ее испыталъ. Тѣсное помѣщеніе, шаговъ шесть, семь въ ширину, такой же длины, съ низкимъ потолкомъ, оконъ никакихъ нѣтъ. На стѣнѣ четыре телефонныхъ аппарата, ежеминутно раздаются рѣзкіе звонки и на каждый отвѣчаетъ человѣческій голосъ, раздающійся изъ глубины того ада, который разыгрывается тамъ, наверху... Вотъ стоитъ командиръ полка, рядомъ съ нимъ начальникъ службы связи, здѣсь торопятся вѣстовые, пришедшіе съ приказаніями, вотъ ординарцы съ распоряженіями... И все это подъ ежеминутной угрозой смерти: достаточно тяжелаго снаряда въ своды блиндажа, и сердце—центръ всей артеріи, душа всей отчаянной битвы, будетъ уничтожена... Но никто не обращаетъ вниманія. Никого не трогаетъ даже явленіе боевой стихіи: на скамейкѣ, прислонясь къ стѣнѣ, сидитъ молодой офицеръ; онъ дико шепчетъ о мести проклятымъ нѣмцамъ; рядомъ съ нимъ полулежитъ другой, съ закрытыми глазами, со слабыми признаками жизни.

Отворяется дверь, и вмѣстѣ со струей весенняго свѣжаго воздуха и яркаго солнца въ блиндажъ врываются радостные веселые клики, привѣтствія, слышатся отдѣльные бодрящіе голоса раненыхъ, кличъ ширится и растетъ, вызванный появленіемъ высшаго начальника. Онъ такъ ярко напоминаетъ въ эти минуты: „Morituri te salutant, Caesar“. Встрѣчные раненые привѣтствуютъ своего корпуснаго командира, любимаго боевого генерала... Появленіе въ блиндажѣ не производитъ ни переполоха, ни суеты, хотя оно внезапно и нежданно. Хочется крикнуть: „Умирающіе тебя привѣтствуютъ, Цезарь!“ Радостное свѣтлое чувство наполняетъ героевъ, въ душѣ шевельнулись забытыя далекія струны. Хочется смѣяться и плакать. Защитники чувствуютъ, что имъ на помощь подходитъ ихъ нравственный резервъ: этотъ сутуловатый небольшой человѣкъ—кудесникъ, на всѣхъ онъ производитъ въ минуту опасности чарующее впечатлѣніе, видѣть его незабываемое рѣдкое счастье, онъ все видитъ, все понимаетъ... И его понимаютъ и любятъ, и едина мысль у всѣхъ, чтобы смертный жребій пролетѣлъ какъ можно дальше отъ его увѣнчанной сѣдинами головы...

Генералъ себя не бережетъ, видимо рука Провидѣнія направляетъ въ сторону и угломѣръ и глазъ непріятельскаго наблюдателя, и напрасны всѣ ухищренія тевтоновъ вывести изъ строя лучшаго человѣка и начальника... Вотъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ ударился снарядъ въ землю, и сотни осколковъ брызнули во всѣ стороны, генералъ продолжаетъ свой путь, не обращая вниманія... Вотъ онъ остановился, дѣлится съ младшими командирами своими впечатлѣніями, выслушиваетъ доклады, отдаетъ приказанія. Въ пяти шагахъ отъ него стоитъ чей-то ординарецъ съ лошадью; генералъ идетъ дальше, а сзади него разрывается тяжелый снарядъ, отъ лошади и ординарца остается одно воспоминаніе... свита только набожно крестится... Шинель его прострѣлена въ двухъ мѣстахъ, а онъ, улыбаясь, говоритъ: „Ну, что же, убьютъ, похоронятъ...“ Все кругомъ дышитъ пламенемъ битвы, вдали гремитъ радостное „ура“, въ тѣло вливается небывалая бодрость, войска привѣтствуютъ своего генерала.

Повсюду оргія грабежа мирныхъ гражданъ. Спекулируютъ всѣмъ, и припасами, и товарами. Хищные скупщики шныряютъ и по городамъ и по деревнямъ, скупая все, что можно, для наглой перепродажи по страшнымъ цѣнамъ.

Торговцы и скупщики говорятъ, что такого времени, какъ теперь, невозможно найти. Надо пользоваться не только часами, но даже и минутами, чтобы заработать деньги.

До какого омерзительнаго озвѣренія дошли якобы культурные германцы, свидѣтельствуетъ яркая картина изъ описанія г. Петрова.

На краю одного латышскаго селенія нашъ разъѣздъ, прогнавъ германцевъ, услышалъ стоны изъ заколоченнаго снаружи дома. Открыли дверь, вошли. Тамъ двѣ молодыя женщины, обезчещенныя цѣлымъ разъѣздомъ, обезсиленныя стонали на полу. Когда къ дому подъѣхалъ начальникъ нашего разъѣзда, знающій нѣмецкій языкъ, онъ не безъ содроганія прочелъ „остроумное“ предупрежденіе бывшими здѣсь германцами ихъ товарищей, которые могли явиться послѣ. На двери мѣломъ крупно было написано:

Вы опоздали, товарищи! Здѣсь реквизировано уже!

23—31 марта. Отъ пріѣхавшихъ съ фронта слышалъ неизмѣнные разсказы, что обиліе снарядовъ съ нашей стороны при артиллерійскихъ перестрѣлкахъ производитъ самое ободряющее дѣйствіе на нашихъ солдатъ. Мѣткость стрѣльбы нашей артиллеріи сравнительно съ германской не заставляетъ желать лучшаго. Зачастую наши батареи подбиваютъ и совершенно уничтожаютъ германскія [1]).

Вотъ какъ спекулируетъ кайзеръ въ своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ.

Въ мартовской книгѣ „The London Magazine“ помѣщена любопытная статья „Семь лѣтъ при германскомъ дворѣ“.

---

[1]) „Русское Слово“ 22 марта.

Авторъ записокъ, г-жа Кинъ, недавно возвратилась въ Англію изъ Потсдама, гдѣ она служила камеръ-юнгферой у сестры императора Вильгельма, жены принца Леопольда Прусскаго.

При объявленіи войны миссъ Кинъ нѣкоторое время оставалась въ потсдамскомъ дворцѣ, при своей хозяйкѣ, и только съ большимъ трудомъ ей удалось вырваться изъ Германіи. Принцесса ей говорила: „Не думаю, чтобы вы могли вернуться въ Англію, вы знаете слишкомъ многое". Судя по разоблаченіямъ камеристки, принцесса въ послѣднемъ не ошибалась.

Англичанка останавливается особенно подробно на денежныхъ затрудненіяхъ Вильгельма. Начались они давно, задолго еще до войны, и были вызваны главнымъ образомъ непомѣрною расточительностью германскаго императора. Денежный вопросъ постоянно мучилъ Вильгельма. Нѣсколько лѣтъ назадъ разорился и покончилъ съ собою одинъ изъ его близкихъ друзей, фонъ-Эллендорфъ. Кайзеръ очень горевалъ, но не о несчастіи и смерти друга; дѣло объяснялось проще. Въ предпріятія Эллендорфа Вильгельмомъ было вложено около 200.000 рублей на русскія деньги, и эта сумма погибла безвозвратно.

Дѣло особенно обострилось осенью 1908 года. Счета по содержанію двора оставались неоплаченными нѣсколько лѣтъ. Многимъ торговымъ домамъ, не только въ Берлинѣ, но и въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ столицахъ германскій дворъ долженъ былъ крупныя суммы.

Кромѣ того, Вильгельмъ лично сильно задолжалъ своимъ банкирамъ и двумъ членамъ императорской фамиліи. Принцъ Леопольдъ Прусскій, человѣкъ чрезвычайно богатый, у котораго Вильгельмъ тоже хотѣлъ занять нѣкоторую сумму, наотрѣзъ отказалъ своему шурину. Въ концѣ концовъ Вильгельмъ вышелъ изъ затрудненія, продавъ часть королевскихъ имѣній у Потсдама и добившись у рейхстага увеличенія цивильнаго листа на 250.000 руб. въ годъ.

Вся эта передряга оставила у Вильгельма непріятное воспоминаніе, и впередъ берлинскій дворъ рѣшилъ быть умнѣе, перейдя на весьма практическій путь. Нѣмки, которыя жаждали фигурировать при дворѣ, но не могли похвалиться бѣлою костью, теперь получили возможность осуществить свою мечту: званіе фрейлины и статсъ-дамы стало продаваться за деньги. Въ 1910 году германская им-

ператрица сдѣлала четыре новыхъ назначенія и заработала такимъ образомъ около 350.000 руб.

Когда кайзеръ со своей супругой отправлялись съ визитомъ къ иностранному двору, то удовольствіе сопровождать ихъ тоже расцѣнивалось на деньги, и иногда на очень крупную сумму. Одна дама, по свидѣтельству супруги Леопольда Прусскаго, заплатила сто тысячъ на наши деньги за право посѣтить Виндзорскій замокъ вмѣстѣ съ германской императорской семьей.

Званіе придворнаго поставщика тоже продается въ Берлинѣ въ среднемъ за 10.000 рублей.

Наконецъ придумана была еще и такая комбинація: въ парадномъ обѣденномъ залѣ Новаго дворца имѣются съ обоихъ концовъ хоры, гдѣ можетъ помѣститься до пятисотъ человѣкъ. Эти мѣста продаются желающимъ посмотрѣть на блестящее зрѣлище, точно билеты въ театръ, за 10—50 руб., такъ что за каждый парадный обѣдъ Вильгельмъ получаетъ около десяти тысячъ.

Въ запискахъ г-жи Кинъ обращаетъ на себя также вниманіе замѣчаніе одной придворной дамы, баронессы Кнебекъ:

„Самая выдающаяся черта германцевъ—патріотизмъ. *Множество нѣмцевъ разсѣяно по чужимъ странамъ, иные изъ нихъ давно приняли иностранное подданство, но, повѣрьте мнѣ,—сказала баронесса г-жѣ Кинъ,—все равно, въ душѣ они остаются нѣмцами и считаютъ своей родиной Германію. И не только они, но и дѣти ихъ выростутъ нѣмцами*".

Истина, давно очевидная для всѣхъ, кто лично не заинтересованъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ! [1]).

Слова эти должно имѣть въ виду нашимъ нѣмцелюбамъ и прибалтійцамъ.

Для борьбы съ дороговизной необходимо возможно большее учрежденіе въ уѣздахъ и городахъ потребительныхъ обществъ (кооперативовъ), тѣсное объединеніе по закупкамъ отъ оптовиковъ всѣхъ потребительскихъ обществъ городовъ и уѣздовъ и самое тѣсное единеніе ихъ съ земствами. Это единственный правильный экономическій путь. У насъ въ Петроградѣ тоже начинаютъ возникать потребительныя общества, но пока очень и очень въ скромныхъ размѣрахъ. Организованныя общества работаютъ прекрасно.

[1]) „Нов. Вр." 27 марта.

Необходимо только, чтобы предержащія власти не ставили препонъ.

Самымъ страшнымъ бичемъ всѣхъ армій во время войны является сыпной тифъ и главные распространители его вши. Слѣдовательно, трудно соблюдаемая въ военное время чистота составляетъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ предупрежденію эпидемій. Одинъ изъ докторовъ въ настоящее время сообщаетъ, что со 120 раненыхъ, привезенныхъ съ фронта, было снято 45 фунтовъ вшей, т. е. въ среднемъ около ½ фунта на человѣка.

Недавно докторъ института Пастера, профессоръ Ру, сдѣлалъ докладъ объ открытой въ его институтѣ вакцинѣ, смягчающей проявленія сыпного тифа. Одновременно сообщаютъ, что консультантъ Краснаго Креста профессоръ Недригайловъ и женщина-врачъ Бурова получили чистую культуру бактерій сыпного тифа.

Передаютъ, что управляющій Отдѣленіемъ Волжско-Камскаго банка въ Вяткѣ г. Цимерманъ и комиссіонеръ этого банка Вагнеръ отнеслись крайне пассивно, если не сказать болѣе, къ подпискѣ на военный заемъ. Почему это такъ?

Бѣлыя вороны. Изъ Гааги сообщаютъ о необыкновенномъ явленіи природы. Въ Голландіи въ большомъ изобиліи появились бѣлыя вороны. Уже прошлою зимою замѣчали воронъ съ черными головами и хвостомъ, но съ бѣлыми крыльями. Нынѣшнею зимою въ Гаагѣ и въ другихъ городахъ Голландіи появились кромѣ совсѣмъ сѣрыхъ даже бѣлыя вороны. Одну изъ такихъ воронъ поймали, и голландскіе зоологи заняты въ настоящее время изученіемъ происхожденія необычайной породы воронъ. Высказываются догадки, что кормленіе человѣческимъ мясомъ на поляхъ сраженій въ Бельгіи вызвало измѣненіе окраски въ опереніи этихъ пернатыхъ [1]).

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“ 23 марта.

Г. Ольховскій въ „Вечернемъ Времени“ [1]) даетъ картинное описаніе морскихъ развѣдокъ и боя на морѣ:

Трое слѣдующихъ сутокъ прошли спокойно.

Непріятель хоть и приближался, такъ какъ работа телеграфа слышалась отчетливѣе, но туманъ ничего не позволялъ разглядѣть...

Несмотря на малые хода, уголъ подходилъ къ концу. Свѣжая провизія давно уже была съѣдена, и теперь пошли въ ходъ макароны съ вѣчной „общефлотской“ солониной...

Шутка сказать,—недѣля въ морѣ!..

Непосредственная близость къ врагу требуетъ особенной осторожности. Каждую минуту можно ожидать съ его стороны подвоха, и поэтому все время приходится быть на-чеку...

Въ завѣсѣ—это самое скверное.

Нравственная усталость, являющаяся слѣдствіемъ этой бдительности, влечетъ за собою усталость физическую: люди подъ конецъ своихъ вахтъ буквально сваливаются съ ногъ...

Въ это утро получена была радіо, что Н. дивизіонъ вышелъ на смѣну.

Всѣ пріободрились...

Мичмана предвкушали уже удовольствіе какъ слѣдуетъ отоспаться и вознаградить себя за скудный „постный“ столъ, а команда, расположившись на бакѣ, весело покуривала, кто не прочь „освѣжиться“ въ тихомъ и шикарномъ порту...

Послѣ полудня прояснилось.

Мгла хоть и оставалась по-прежнему, но туманъ значительно порѣдѣлъ. Теперь уже версты на двѣ можно было различить любой предметъ.

— Дымы видать!..

Сигнальщикъ, доложившій это, схватился за трубу, чтобы получше разсмотрѣть.

На этотъ разъ онъ оказался правъ: впереди ползъ черный дымъ, принадлежавшій несомнѣнно нѣсколькимъ судамъ...

Свои или враги?

Но странно... Дымы шли отъ веста... [2]).

---

[1]) „Веч. Вр.“ № 1427 с. г.

[2] Вестъ—западъ.

— Вы не находите страннымъ, что смѣна идетъ къ намъ съ запада?..

— Гм...

Командиръ пожимаетъ плечами.

— Этого не должно быть... Впрочемъ, я допускаю, что наши въ туманѣ нѣсколько разошлись...

Командиръ слегка нервничаетъ, но, зная, что сейчасъ вниманіе всего миноносца обращено на него, старается взять себя въ руки...

— А все же...

Начальникъ дивизіона круто поворачивается...

— Орудія зарядить!..

На миноносцахъ бѣготня...

Команда выскакиваетъ изъ помѣщеній и бросается къ пушкамъ. Въ какія-нибудь нѣсколько мгновеній сняты чехлы и поданы снаряды.

Рѣзко щелкаетъ замокъ...

— Товсь!..

Къ бою все готово...

Въ торжественной тишинѣ подымается на стеньгѣ боевой Андреевскій флагъ—такой близкій и родной сердцу каждаго моряка...

Гордо рѣетъ онъ въ вышинѣ, словно благословляя на подвигъ, и въ эту минуту онъ—эмблема нравственной поддержки, образъ Всемогущаго Судьи.

Весь ужасъ предстоящаго отходитъ куда-то вдаль и оставляетъ въ душѣ сознаніе долга и счастья умереть за родину...

Невольно все существо охватываетъ умиленіе и спокойствіе, и вѣра горячитъ кровь...

И хочется... Ахъ, какъ неудержимо хотѣлось бы поднять завѣсу, за которой неразгаданный вопросъ:

— Что будетъ?..

Конецъ ли—такой дикій и такой нелѣпый въ то время, когда такъ неудержимо тянетъ къ себѣ жизнь...

Или побѣда—красивая и громкая, при видѣ гибнущаго корабля, идущаго ко дну подъ радостные крики побѣдителей..

И мысленно проносится въ головѣ молитва...

Ея простыя, глубокія слова ярко врѣзаются въ сознаніе.

„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“...

При оторванности отъ родныхъ береговъ, отъ семьи, при той полной отчужденности отъ всего міра, въ которой

бываютъ одни лишь моряки, такъ много пламенной вѣры въ этомъ всѣхъ равняющемъ:

„Да будетъ воля Твоя"...

Два — три послѣднихъ крестныхъ знаменія, пожатіе руки,—и все...

Туманъ расходился...

Послѣдняя его пелена, сквозь которую проникалъ дымъ, растаяла, и передъ сотнями напряженно смотрѣвшихъ глазъ вдругъ появились два миноносца, шедшихъ полнымъ ходомъ.

„Нѣмцы!"

Одинъ общій крикъ, казалось, вырвался изъ всѣхъ грудей... На мгновеніе сердца будто бы остановились, и люди замерли въ какомъ-то столбнякѣ...

Такъ близко—лицомъ къ лицу!..

Да нѣтъ... Не можетъ быть...

Почему-то въ головѣ не могла уложиться мысль, что это врагъ.

Сравнительная ли продолжительность ожиданія, необычайность ли той обстановки, въ которой произошла встрѣча... но все это сковало всѣхъ: кажется, никто не посмѣлъ даже вздохнуть...

Но вотъ.

Съ мостика громко прозвучала команда...

Привычное ухо различило: „Открыть огонь", и гулко, тяжелымъ ревомъ потрясая воздухъ, раздался первый залпъ...

Окрашенные въ черный цвѣтъ, съ высокими надстройками и низенькими, словно отпиленными передними мачтами—это были типичные нѣмецкіе миноносцы большого тоннажа.

Туманъ заставилъ ихъ, что называется, напороться, и теперь разстояніе было не болѣе трехъ верстъ...

Врагъ опѣшилъ.

Казалось, тамъ меньше всего ожидали столкновенія, ибо всѣ пушки были въ чехлахъ.

Передній миноносецъ началъ что-то семафорить заднему и круто повернулъ, разсчитывая, очевидно, на свой ходъ.

Но, увы!.. Было поздно...

— Живо!.. Подымите-ка: „Жестокому" занять фарватеръ...

Сигналъ немедленно разобранъ, и третій концевой миноносецъ бросился къ только-что протраленному самими же нѣмцами проходу...

Отступленіе отрѣзано.

И теперь, взятый въ два огня, имѣя впереди себя минное поле, противникъ окончательно растерялся.

Оба миноносца застопорили машины, почему-то дали малый ходъ, и задній сталъ усиленно выпускать паръ.

Видно было, какая паника охватила вражескія суда, гдѣ долго не могли зарядить пушекъ и отвѣчать на огонь.

И только послѣ нѣсколькихъ попаданій, оттуда открылась безпорядочная стрѣльба.

— Четверть больше, одинъ право!..—все время неслась по рупору съ мостика корректировка, и установщики прицѣловъ спокойно и быстро мѣняли данныя съ такою же точностью, какъ во время учебной стрѣльбы.

Прислуга у орудій уже окончательно оправилась.

Горящіе глаза и одухотворенныя лица, проворство, съ какимъ каждый выполнялъ свое дѣло,—были болѣе чѣмъ краснорѣчивой иллюстраціей того, что каждый испытывалъ въ этотъ мигъ.

А молоденькій мичманъ, недавно лишь изъ корпуса и впервые попавшій въ настоящій бой, уже почувствовалъ себя старымъ и обстрѣляннымъ морскимъ волкомъ, который можетъ осипшимъ баскомъ кричать матросамъ:

— Вали ребята... Живо!.. Не обалдѣвать!..

Сначала было „коряво“, но сейчасъ...

Что-то большое и сильное всколыхнуло душу и заставило сердце громко застучать.

Теперь онъ вьется у пушки, перебѣгаетъ отъ прицѣла къ замку и на неудачномъ залпѣ готовъ всѣхъ и вся предать анаѳемѣ, и заплакать отъ досады...

Но „матросъ не выдаетъ“...

Какъ черти, они извиваются у орудій...

Непрерывно щелкаетъ замокъ, и въ рѣзкій оглушительный вой сливаются залпы всѣхъ миноносцевъ...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

Ни одного лишняго звука...

Въ ушахъ страшная боль.

Вѣтромъ относится огонь въ сторону и опаляетъ лица..

Становится жарко и адски хочется пить...

— Ура!.. раздается гдѣ-то на бакѣ [1]).

— Нѣмецъ горитъ!..

— Ура!..—подхватывается на миноносцѣ и дружнымъ раскатистымъ эхомъ несется по судамъ...

— Горитъ!... Ура!..

И еще чаще хлопаетъ замокъ, и еще громче, кажется, воютъ залпы...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ-бумъ.. Бумъ...

— Товсь...

— Урррa!

— Головной миноносецъ оказался поврежденнымъ... Уже отчетливо, невооруженнымъ глазомъ видны были пробоины и сбитая на половину передняя труба...

Онъ очень замѣтно зарылся носомъ, такъ что работавшіе винты на половину вылѣзли наружу...

— Горитъ...

Стало уже значительно темнѣть.

Неоднократно пытавшійся прорваться, врагъ каждый разъ отгонялся огнемъ.

Дивизіону предстояло совершить головокружительный трюкъ: взять крѣпость, не понеся *никакихъ* потерь!...

..Опять загрохотали пушки, и вновь массы раскаленнаго металла полетѣли въ врага...

Вотъ нѣсколько снарядовъ врѣзались въ бортъ...

Видно было, съ какимъ отчаяніемъ врагъ рѣшилъ драться.

— Мина идетъ!..

Какъ длинный острый мечъ, блеснули ея очертанія...

Разъ, другой нырнула она подъ воду, затѣмъ выплыла на поверхность... И, опустившись на заданную глубину, разсѣкая корпусомъ воду, полетѣла впередъ...

— Право!.. Больше право!.. Право на бортъ!..

Во-время произнесенная команда, и катастрофа избѣгнута.

Мимо!..

1] Бакъ носовая часть верхней палубы.

Въ какихъ-нибудь полутора футахъ отъ борта, едва не касаясь бокового киля...

По миноносцамъ прошелъ облегченный вздохъ...

Вспотѣвшіе и разгоряченные, матросы снова заработали, и опять—въ какой ужъ это разъ?..—защелкалъ замокъ, и заревѣли и загрохотали залпы дивизіона...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

Хотѣлось бы перекреститься, вспомнить два слова молитвы... Но память не повиновалась, а рука была тяжела...

И только сознаніе продолжало работать и въ трепетѣ учащенно бившагося сердца пронзило молніей:

— *Побѣда!..*

...Такъ вотъ гдѣ *она* наконецъ!..

Эффектъ прощальнаг ожеста—стихійное могучее русское ура, такъ бурно ее встрѣтившее, такъ радостно прокатившееся по необъятному морскому простору...

И кто не пойметъ, почему въ этотъ мигъ что-то похожее на спазму схватываетъ горло, и почему глаза, горящіе такимъ вдохновеннымъ свѣтомъ, вдругъ застилаетъ туманъ...

А наступившая ночь была дивно хороша, и нѣжную, и сладкую истому навѣвала ея призрачная даль...

Взошедшій молодой мѣсяцъ слалъ свой привѣтъ успокоившемуся морю, переливаясь тысячами серебряныхъ огней въ верхушкахъ тихо рокотавшихъ волнъ...

Съ легкимъ шумомъ разбивались онѣ о борта, баюкая своею вѣчною пѣснью, и въ гимнѣ томъ, еле уловимымъ диссонансомъ чувствовалось присутствіе какой-то жуткой, какой-то неразгаданной тайны...

Въ корреспонденціи г. Петрова въ „Русскомъ Словѣ“ [1]) приводятся яркія картины самой наглой германской фальсификаціи по содержанію нашихъ военноплѣнныхъ:

„Германцами выпущены и постепенно выпускаются въ видѣ почтовыхъ открытокъ новые и новые фотографическіе

---

[1]) „Русск. Сл.“, 31 марта с. г.

снимки, рисующіе внѣшнюю обстановку и внутренній бытъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи. Снимки эти сдѣланы и дѣлаются, главнымъ образомъ, для иностранцевъ невоюющихъ государствъ—датчанъ, шведовъ, американцевъ. Германскія власти охотно раздаютъ эти снимки интересующимся судьбою военноплѣнныхъ въ Германіи и увѣренно добавляютъ:

— Подъ каждымъ снимкомъ подпись съ указаніемъ мѣстонахожденія лагеря военноплѣнныхъ. Если у васъ есть какое-либо сомнѣніе въ достовѣрности снимка, благоволите провѣрить на мѣстѣ,—и вы убѣдитесь, что снимки вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности.

Многочисленные снимки даютъ довольно полную картину жизни нашихъ плѣнныхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи и рисуютъ эту жизнь мягкими, иногда чуть ли не идиллическими, чертами и красками. Вы видите, напримѣръ, на одномъ снимкѣ уютную помѣщичью или большую дачную усадьбу. Рядъ изящныхъ, красиво разбросанныхъ домиковъ. Впереди нихъ—большая лужайка. Очевидно, на ней можно играть и въ теннисъ, и въ футболъ. Все это, конечно, обнесено рѣшеткою изъ колючей проволоки, но въ общемъ видъ безспорно милый. Это—одинъ изъ лагерей для нашихъ плѣнныхъ офицеровъ.

Снимки изъ жизни въ солдатскихъ лагеряхъ для нашихъ плѣнныхъ также не вызываютъ ни малѣйшей скорбной тѣни за горькую долю нашихъ подневольныхъ узниковъ. Напротивъ, судя по этимъ снимкамъ, наши плѣнные солдаты въ Германіи обставлены такъ, что, кажется, имъ и дома на службѣ, въ обычной казарменной обстановкѣ, не было лучше. Вотъ снимокъ: „Кухня русскихъ военноплѣнныхъ“. Не будь приведенной подписи, можно было бы по снимку подумать, что передъ вами кухня какого-нибудь большого первокласснаго столичнаго ресторана. Десятка полтора, два поваровъ въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ, фартукахъ, съ такими же колпаками на головѣ. Большіе, видимо, ярко начищенные, блестящіе котлы, противни и кастрюли. Лица поваровъ искренно довольныя. Сытыя, даже упитанныя. Веселыя, съ улыбками почти у всѣхъ.

Второй снимокъ: „Баня для плѣнныхъ солдатъ“. Большое помѣщеніе, съ электрическими лампами по стѣнамъ. Съ потолка въ нѣсколько рядовъ свисаютъ трубки-провода съ

теплою водою. Внизу, вдоль стѣнъ идутъ широкія приступки сидѣнья. Полъ асфальтовый съ полуаршиннымъ углубленіемъ. Здѣсь, въ углубленіи, наши плѣнные солдаты моютъ ноги, а душъ съ теплою водою сверху даетъ возможность обмыть тѣло съ головы до ногъ.

Третій снимокъ показываетъ раздѣваніе плѣнныхъ, такъ-сказать, въ предбанникѣ. Бѣлье, одежда, обувь,—всѣ вещи плѣнныхъ до послѣдней мелочи отбираются и сдаются въ дезинфекцію. Пока плѣнные моются, вещи ихъ дезинфецируются, самымъ тщательнымъ образомъ очищаются отъ какихъ бы то ни было болѣзнетворныхъ микробовъ. Германцы не столько даже въ интересахъ плѣнныхъ, сколько изъ боязни черезъ нихъ допустить появленіе какой-либо эпидеміи въ странѣ, строго слѣдятъ за чистотою плѣнныхъ и за дезинфекціей ихъ обуви, бѣлья, одежды, вещей. Дезинфекція поставлена образцово. Особыя камеры для тканей, особыя—для кожи, особыя — для металлическихъ предметовъ: часовъ, пряжекъ, колецъ и тому подобнаго.

Другіе снимки показываютъ плѣнныхъ въ библіотекахъ за чтеніемъ книгъ, въ своихъ — при лагеряхъ для плѣнныхъ—солдатскихъ театрахъ. Есть снимки съ оркестровъ, устроенныхъ самими плѣнными, съ солдатскихъ игръ, съ работъ плѣнныхъ на поляхъ, по выгрузкѣ вагоновъ, на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ, и такъ далѣе.

Смотришь на эти снимки и чувствуешь, что, судя по нимъ, было бы грѣхомъ жаловаться на Германію за положеніе нашихъ плѣнныхъ въ ней. Помилуйте: прекрасныя бани, чистыя кухни, свои театры, оркестры, игры, электрическое освѣщеніе, библіотеки, школы грамоты, даже особые курсы для плѣнныхъ разныхъ народностей Россіи. Чего еще можно требовать или даже только желать? И замѣтьте: все это—живая дѣйствительность, а не показная, театральная поддѣлка на случай осмотра пріѣзжими иностранцами изъ Швеціи, Даніи, Испаніи, Америки или Китая. Всѣ снимки несомнѣнной подлинности, но... За каждымъ почти красивымъ, нараднымъ и такимъ выигрышнымъ для германцевъ снимкомъ есть свое большое, подрывающее цѣнность снимка, иногда скверное, а то и гнусное „но“.

Начнемте съ кухни. Общій видъ выставленныхъ поваровъ, плѣнныхъ, несомнѣнно, говоритъ объ ихъ благополучіи, но благополучіе поваровъ въ данномъ случаѣ—никакъ не доказательство благополучія въ смыслѣ питанія нашихъ плѣнныхъ. Какъ правило, въ германскихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ установлено, что преобладающее большинство обслуживающихъ кухню нашихъ плѣнныхъ набирается изъ попавшихъ въ плѣнъ нѣмцевъ, уроженцевъ Курляндіи, изъ нѣмецкихъ колонистовъ и вообще людей онѣмеченныхъ. Эти привилегированные плѣнные въ формѣ русскихъ солдатъ, но съ нѣмецкою душою и приставлены германцами къ кухнѣ для нашихъ плѣнныхъ. Они-де знаютъ нѣмецкій языкъ, съ ними легче объясняться германскому начальству. Они же являются и посредниками для остальной массы нашихъ плѣнныхъ при покупкѣ ѣды на сторонѣ, при чемъ постоянно нагло обираютъ покупающихъ солдатъ. Неудивительно, что они и нарядно одѣты, и имѣютъ сытый, довольный видъ. Интересно бы видѣть германскіе снимки съ ѣды, предлагаемой русскимъ плѣннымъ, указанія количества и качества этой ѣды, сколько разъ выдаютъ ее, но... подобныхъ снимковъ германцы не дѣлаютъ. Придется въ своемъ мѣстѣ восполнить этотъ пробѣлъ точными устными свѣдѣніями. Картина кухоннаго благополучія тогда рѣзко мѣняется. Тутъ пришлось бы снимать, какъ наши плѣнные въ иныхъ (къ счастью, не во всѣхъ) лагеряхъ рылись въ ямахъ и кучахъ съ отбросами, ища хотя бы выкинутыхъ костей. Пришлось бы снимать нѣкоторыя сцены, не только недопустимыя, но и невообразимыя. Извиняюсь напередъ, если дальнѣйшія мои строки вызовутъ, можетъ-быть, въ иныхъ даже невольную тошноту. Но я все-таки настойчиво прошу прочесть и просмаковать картину. Намъ тошно читать,—а каково нашимъ страдальцамъ испытывать то, одно упоминаніе о чемъ вызываетъ чуть не рвоту?!.. Называя вещи своимъ именемъ, нужно сказать, что постоянное недоѣданіе доводило въ нѣкоторыхъ (повторяю: не во всѣхъ) лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ до такой степени голода, что, позабывъ и заглушивъ въ себѣ всякіе слѣды брезгливости, они выбирали уцѣлѣвшіе куски пищи въ рвотѣ больныхъ. Приготовьтесь къ худшему: бывали случаи, когда, измученные долгимъ голоданіемъ, несчастные выбирали непереваренныя еще зерна бобовъ въ желудочныхъ изверженіяхъ. И только, когда въ этихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ вспыхнулъ тифъ, порція несчастныхъ была нѣсколько

увеличена. Снимковъ отхожаго питанія нашихъ плѣнныхъ, помимо кухонь, германцы, къ сожалѣнію, не дѣлали и не дѣлаютъ.

Цѣлый рядъ своихъ „но“ и за другими показными германскими снимками съ картинъ быта нашихъ плѣнныхъ въ Германіи. Снимки бань, напримѣръ, показываютъ нашихъ плѣнныхъ въ предбанникахъ и въ баняхъ, но они ничего не говорятъ о томъ, что бываетъ въ послѣбанныхъ помѣщеніяхъ. А тамъ творится вотъ что. Въ иныхъ лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ собрано до сорока тысячъ солдатъ вмѣстѣ. Понятно, что въ баню съ дезинфекціей ихъ обуви и одежды водятъ партіями по восемьсотъ и болѣе человѣкъ. Въ предбанникахъ ихъ раздѣваютъ и всѣ вещи ихъ, сортируя ткани, кожу, металлъ отдѣльно въ особыхъ мѣшкахъ направляютъ въ дезинфекціонныя камеры. Когда солдаты подъ горячимъ душемъ въ натопленной банѣ всласть вымоются, ихъ выводятъ въ третью комнату одѣваться, а тѣмъ временемъ на ихъ мѣсто въ мыльную комнату вводятъ новую партію. Въ первой же комнатѣ, въ раздѣвальнѣ, готовится къ мытью третья партія. Такъ, полнымъ ходомъ, въ три смѣны и идетъ мытье. Повидимому, все хорошо, но... Это проклятое „но“. Будь это „но“ у кого другого, а не у германцевъ, можно было бы объяснить случайнымъ недосмотромъ, но у германцевъ, которые тщательно продумываютъ каждую мелочь, дѣло смахиваетъ на явный злой умыселъ. Распаренныхъ въ теплѣ вымытыхъ солдатъ выводятъ въ одѣвальню, а она холодная. Со сквозняками. И пока германцы разбираютъ принесенные изъ дезинфекціи мѣшки съ бѣльемъ, одеждою, обувью и вещами, проходитъ часъ, а то и полтора. Распаренные люди стоятъ голыми и жестоко простужаются... Бронхиты, плевриты, воспаленія легкихъ — постоянные спутники бань. Плѣнныхъ держатъ въ чистотѣ, эпидемій среди нихъ нѣтъ, но по всѣмъ лагерямъ военноплѣнныхъ десятки тысячъ людей отчаянно кашляютъ. Постоянно болѣютъ простудами. Приносятъ обильныя жертвы чахоткѣ. Туберкулезъ — обильный поставщикъ гробовъ на германскія кладбища. При этомъ, пока туберкулезные больные еще въ началѣ болѣзни, германскія власти ихъ никоимъ образомъ не отпустятъ на родину, въ Россію. Тамъ могли бы захватить болѣзнь во-время и вылѣчить больного. Во время войны онъ не го-

дился бы вновь въ строй, но у Россіи уцѣлѣлъ бы лишній человѣкъ. Очевидно, это не въ интересахъ Германіи, и германцы держатъ больныхъ плѣнныхъ такъ, чтобы они лучше попали на германское кладбище, нежели домой, въ Россію, въ родную больницу.

Та же исторія и съ библіотеками, со школами грамоты, съ курсами для грамотныхъ уже. Библіотеки обязательны при всѣхъ лагеряхъ русскихъ военноплѣнныхъ, но всѣ эти библіотеки „страннаго“ однороднаго образца. Всѣ онѣ, прежде всего, набиты тѣмъ мусоромъ заграничнаго изданія, которымъ всегда былъ полонъ Берлинъ, выдавая бездарное маранье неизвѣстныхъ анонимовъ за революціонныя, якобы, изданія. Подобнымъ подборомъ книгъ германцы, конечно, отнюдь не думаютъ помочь выработкѣ свободомыслящихъ убѣжденій въ массѣ большинства нашихъ малограмотныхъ плѣнныхъ. Они разсчитываютъ только создать горючій матеріалъ для костра желанныхъ имъ внутреннихъ осложненій внутри Россіи и на послѣ войны. Положительныхъ идей для фундамента желательнаго гражданскаго воспитанія не дается никакихъ. Силятся лишь привить внутреннее взаимное озлобленіе, усиленно сѣютъ зерна острой внутренней вражды. На курсахъ для грамотныхъ дѣло обстоитъ еще откровеннѣе. Особо ведутся курсы для малороссовъ, особо—для латышей, особо—для уроженцевъ Кавказа, — отдѣльно для грузинъ, отдѣльно для армянъ,— особо — для мусульманъ, особо — для инородцевъ Сибири. Для каждой народности многоплеменной Россіи свои особые курсы. Со своею исторіею. Со своею литературою. Дразнятся большіе аппетиты каждаго маленькаго племени. Льстятъ самолюбію каждой народности. Малороссамъ силятся привить мазепинство, мысль объ Украйнѣ, обособленной отъ остальной Россіи. Грузинъ манятъ мечтою о Великой Грузіи. Армянамъ сулятъ Великую Арменію. Бурятамъ и киргизамъ внушаютъ мысль объ ихъ правахъ на Сибирь. Мусульманамъ твердятъ, что Россія и Англія равно и Франція—заклятые враги мусульманъ, и что одинъ Вильгельмъ II—преданный и безкорыстный другъ султана, а за нимъ и всего мусульманства.

Спимковъ съ программъ подобныхъ курсовъ германцы не дѣлаютъ и отчетовъ не печатаютъ. Это все—тайная заблаговременная подготовка уже мирной войны „на послѣ“

внутри самой Россіи. Мы сейчасъ дряблыми руками съ грошовымъ кускомъ мыла пытаемся кое-какъ отмыться отъ заѣвшей насъ внутренней нѣмечины, а германцы уже и теперь готовятъ намъ новое нѣмецкое удушье, упорно строятъ провода для своихъ разъѣдающихъ русскую жизнь дьявольскихъ щупальцевъ. Тѣло плѣнныхъ морятъ голодомъ, ухитряются валить здоровыхъ простудными болѣзнями, а духъ ихъ силятся отравить, замутить озлобленіемъ противъ единства и цѣлостности общей родины—многоплеменной Россіи.

Вотъ вамъ и кухни, и бани, и библіотеки, и курсы. Въ общемъ все какая-то одна кухня дьявола-отравителя. А это—еще лучшее въ германскихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ: снимки, дѣйствительно, достойные показа. Выигрышные козыри германскаго обращенія съ плѣнными. Козыри, оказывается, густо крапленые. Что же кроется за показными фасадами, снимковъ съ чего германцы сами не дѣлаютъ, но снимки съ чего имѣются, сдѣланные тайно русскими плѣнными“.

Петроградскому обывателю пришлось видѣть роскошное германское изданіе фотографическихъ снимковъ того Эдемскаго рая, въ которомъ, по нѣмецкимъ фотографіямъ, содержатся наши военноплѣнные. Разумѣется, нѣмецкаго фотографированія той микроскопической пищи, которую получаютъ наши плѣнные, и вида этой пищи въ сборникѣ не имѣется. Нѣтъ также фотографій плѣнныхъ, которыхъ, послѣ бани, на сквознякѣ голыми держать отъ часу до полутора

Нѣтъ фотографій пытокъ.

Намъ кажется, что слѣдственная комиссія сенатора Кривцова должна дать расслѣдованіе на это наглое издѣвательство германцевъ.

Недавно германскій канцлеръ произнесъ крайне лживую, хвастливую и дерзкую рѣчь, которую онъ состряпалъ при участіи кайзера для успокоенія Германіи и для того, чтобы предать забвенію уходъ Тирпица, а также и для того, чтобы показать всему міру, какъ еще могуча Германія, и этимъ поднять духъ германскаго народа и успокоить его.

Въ его рѣчи проходятъ красной нитью всѣ наглыя основанія міровой политики Германіи. Онъ утверждаетъ, что

германская цивилизація не только лучше всякой другой, но и является такимъ благодѣяніемъ, которое нужно навязать силою оружія другимъ народамъ; что уже неоспоримо, что вооруженная Германія неодолима, что она должна обезоружить всякаго, кто можетъ ей угрожать, что законы и договоры должны подчиняться ея интересамъ, что миръ можно сохранить при соблюденіи ея условій, что она должна имѣть право veto на всѣ союзы и взаимныя обязательства ея сосѣдей, что всякій, кто какимъ бы то ни было путемъ будетъ возражать ей или будетъ стремиться сохранить свою независимость, виновенъ въ страшномъ нападеніи и даетъ тѣмъ самымъ Германіи право нападать на него ради самообороны.

Далѣе канцлеръ то требуетъ для Германіи, изголодавшейся и преслѣдуемой, права возвратить Европу къ мирному труду, то раскрываетъ широкіе замыслы нѣмцевъ по отношенію Бельгіи, Польши, Литвы и балтійскихъ провинцій.

Это онъ предлагаетъ въ угоду той партіи, которая настаиваетъ, чтобы нынѣшній военный фронтъ между Балтійскимъ моремъ и болотами Волыни сдѣлать постоянной границей. По адресу Россіи Бетманнъ-Гольвегъ заявляетъ еще другую наглую угрозу:

„Нашъ долгъ заставить русское правительство дать удовлетвореніе нѣмцамъ германскаго и русскаго подданства за учиненныя надъ ними несправедливости, за ихъ ограбленіе и выселеніе; мы должны открыть нашимъ соотечественникамъ путь избавленія отъ русскаго рабства".

Вотъ какую поддержку обѣщаетъ прибалтійцамъ и колонистамъ господинъ германскій канцлеръ. Какая наглость: Россія не разбита, чтобы предъявлять ей подобныя требованія. Не за горами уже пораженіе германцевъ. Господинъ кайзеръ и канцлеръ для публики произносятъ такія наглыя рѣчи, а за кулисами дѣлаютъ другое.

За кулисами, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло происходило такъ: за нѣсколько дней до своего выступленія канцлеръ предложилъ правительству одной изъ скандинавскихъ державъ взять на себя посредничество по веденію мирныхъ переговоровъ, при условіи сохраненія status quo ante bellum.

Эта лживая рѣчь является особенно характеристичной для руководителей Германіи, которые при посредствѣ обмана дурачили свой народъ.

Частицу правды о положеніи Германіи знаетъ бюджетная комиссія, и недаромъ Либкнехтъ, превосходно освѣдомленный о происходящемъ въ комиссіи, кричалъ канцлеру:

— Вздоръ, самоослѣпленіе. Ваша рѣчь—новый обманъ.

Бетманнъ-Гольвегъ не рискнулъ вступить въ препирательства съ Либкнехтомъ, очевидно, опасаясь, что мужественный фанатикъ разоблачитъ нѣчто большее.

При такихъ условіяхъ рѣчь канцлера является смѣхотворнымъ блефомъ.

Съ половины подъ конецъ марта на всемъ западномъ фронтѣ военныя дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ.

Болѣе энергичныя боевыя дѣйствія происходили въ Якобштадтскомъ направленіи и къ югу отъ Двинска у оз. Нарочa, Видзъ и Близниковъ, а также на Волынскомъ фронтѣ у Колокъ и Олыки.

На всѣхъ остальныхъ участкахъ западнаго фронта перестрѣлка, столкновенія развѣдочныхъ партій, минная война и налеты аэроплановъ.

Наступило половодье. Ледоходъ, болота оттаяли; дороги грязны и тяжелы для движенія.

На Кавказскомъ фронтѣ продолжается наступленіе, и отбиваются контръ-атаки на слѣдующихъ направленіяхъ: на Приморскомъ, на Верхнемъ Чорохѣ, на Байбуртскомъ, на Мушъ-Битлисскомъ, къ западу отъ Эрзерума и на Багдадскомъ.

---

4 апрѣля. Настоящія приготовленія къ Пасхѣ знаменуются сильнымъ спекулятивнымъ повышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы, совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ цѣнамъ на продукты. Говорятъ, что градоначальникъ объявилъ таксу на яйца и передъ Пасхой яйца не окажутся для продажи. Неужели нельзя обуздать этихъ грабителей?

Послѣ рѣчи Бетманнъ-Гольвега выступилъ одинъ депутатъ и вотъ какъ, по словамъ „Новаго Времени“, это было: въ концѣ засѣданія херсонскій депутатъ Люцъ выступилъ съ заявленіемъ отъ имени русскихъ нѣмцевъ по поводу требованія Бетманнъ-Гольвега объ удовлетвореніи

нѣмцевъ германскаго и русскаго подданства. Въ обрисовкѣ депутата Люца нѣмцы вышли весьма угнетенными, а русскіе неожиданно оказались въ роли угнетателей и гонителей. Такого открытія не дѣлалъ съ думской трибуны до сихъ поръ даже ни одинъ баронъ. Отвѣчая попутно на извѣстную рѣчь Милютина, Люцъ угрожалъ тѣмъ, что русскіе нѣмцы откажутся отъ обычнаго труда и пойдутъ „по бѣлу свѣту". Кромѣ полиціи, вѣроятно, имъ никто препятствовать въ этомъ не будетъ.

Г. Крестовниковъ, извѣстный московскій приверженецъ торговли съ нѣмцами, произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣчь о предстоящей мирной конференціи. Въ этой рѣчи онъ предлагаетъ нашимъ представителямъ отстаивать наши интересы не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Рѣчь эта назидательная, и вполнѣ ясно, куда ораторъ клонитъ свое вниманіе.

Наши противники и союзники явятся на конференцію вполнѣ подготовленными, съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ сознаніемъ того, чего они хотятъ и чего они должны добиваться. Я боюсь, что мы не только не готовы къ этой конференціи, но и не готовимся къ ней достаточно интенсивно. Наши представители на конференціи должны быть вполнѣ освѣдомлены въ экономическихъ вопросахъ и не только съ принципіальной стороны, но и во всѣхъ подробностяхъ, иначе мы, и будучи побѣдителями, окажемся въ плачевномъ состояніи. Наши представители на конференціи будутъ находиться въ совершенно особомъ положеніи, они будутъ представлять страну, составляющую громадный, едва-ли не самый большой въ мірѣ рынокъ для сбыта произведеній обрабатывающей промышленности. Россія представитъ на этой конференціи тотъ заманчивый кусокъ, къ которому несомнѣнно будутъ тянуться всѣ руки, и наши враги, и наши друзья несомнѣнно будутъ добиваться тѣхъ условій, которыя были бы имъ выгодны, и нашимъ представителямъ нужно быть весьма сильными для того, чтобы отстоять себя не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Не для того мы проливали кровь, чтобы, избавившись войной отъ экономической зависимости Германіи, попасть въ такую же зависимость отъ какихъ-либо другихъ странъ. Германскій торговый договоръ представлялъ изъ себя зло, которое запрещало, такъ сказать, Россіи развивать свои производительныя силы, но вѣдь и договоры со всѣми другими странами шли тѣмъ же путемъ, они только подбирали

остатки того, что осталось отъ германскаго договора. Для примѣра укажу, что по договору съ Франціей мы лишены возможности развить свою автомобильную промышленность и вслѣдствіе этого въ теченіе войны должны были однихъ автомобилей заказать за границей на болѣе, чѣмъ на 250 милліоновъ рублей. Но, кромѣ того, внезапная война остановила всѣ международныя сношенія, масса товаровъ, шедшихъ въ Россію или изъ Россіи, не дошла по назначенію, застряла въ разныхъ портахъ. Остались нереализованными многочисленныя денежныя отношенія между нами и воюющими странами. Послѣ войны всѣ эти явленія потребуютъ ликвидаціи. Частныя лица могутъ понести большіе убытки. По моему мнѣнію, какой-то судъ долженъ будетъ разобрать, кто несетъ убытки, и эти убытки вознаградить. Я думаю, что для этого должна быть образована международная конференція, въ которой русское правительство приняло бы на себя защиту интересовъ русскихъ подданныхъ. Безъ того мы понесемъ такую контрибуцію, будучи побѣдителями, которой совершенно не ожидаемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ наши враги разъединяютъ по національностямъ, ведутъ самую ужасную пропаганду по разнымъ національностямъ, стараясь ихъ пропитать ненавистью къ единству Россіи, дабы сдѣлать въ будущемъ изъ Россіи лоскутную монархію. Особенно энергично ведется пропаганда украинская и бѣлорусская въ южныхъ областяхъ Россіи. Тутъ основываются и газеты, и открывается масса школъ. Когда области эти отберутъ у нѣмцевъ обратно, то съ этими мѣрами придется очень и очень считаться.

Вчера въ одномъ изъ спеціальныхъ учрежденій, нѣкоторые уральскіе заводы демонстрировали отличное трансформаторское желѣзо, различные сорта мѣди, желѣзо и сталь для косъ, серповъ и ножей, была показана электросталь различныхъ составовъ. Это новое дѣло пойдетъ прекрасно и побѣдоносно, если не вмѣшаются россійскіе нѣмцелюбы.

Когда приходилось нашимъ войскамъ дѣйствовать на маневрахъ въ прибалтійскомъ краѣ, то приходилось поражаться нахальству и полнѣйшей непріязни прибалтійцевъ

къ войскамъ. „Вечернее Время“ [1]) приводитъ фактъ такого же отношенія къ войскамъ дѣйствующей арміи.

Былъ здѣсь недавно одинъ офицеръ изъ арміи и разсказывалъ между прочимъ, какія приходится переносить непріятности въ остзейскихъ городахъ при отводѣ имъ квартиръ. Случилось ему вмѣстѣ съ другими офицерами штаба дивизіи на нѣкоторое время остановиться въ Юрьевѣ. Квартиры имъ долженъ былъ отвести городъ. Отправляются они въ городскую управу, состоящую, какъ оказалось, сплошь изъ нѣмцевъ, едва говорившихъ по-русски. Направили ихъ къ одному изъ членовъ этой управы, герръ Андерсону, спеціально вѣдающему отводомъ квартиръ. Встрѣтилъ онъ офицеровъ сидя, не всталъ для привѣтствія, сѣсть ихъ не пригласилъ, а прямо съ мѣста продиктовалъ требуемое число адресовъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ заикнулись было объ отводѣ имъ квартиръ съ кухнями, но въ отвѣтъ получили категорическое:

— Съ кухнями нѣтъ и не будетъ.

Отправились офицеры смотрѣть отведенныя имъ помѣщенія—всѣ они оказались изъ рукъ вонъ плохи, гдѣ-то на задворкахъ, не въ домахъ, а въ службахъ, просто чуланы, приспособленные для отбытія квартирной повинности. А между тѣмъ отъ мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ офицеры уже знали, что въ городѣ имѣется много совершенно приличныхъ комнатъ, приготовленныхъ подъ офицерскій постой. Поэтому они снова пошли въ управу и заявили герръ Андерсону, что они не находятъ возможнымъ жить въ тѣхъ чуланахъ, которые онъ имъ указалъ. На это послѣдовалъ категорическій отказъ.

Тогда офицеры начали сами промышлять для себя помѣщенія, и мой знакомый очень скоро нашелъ вполнѣ приличную комнату въ домѣ Фолька. При этомъ какъ прислуга, такъ и одна изъ сосѣдокъ, русская, заявили ему, что эта комната приготовлена хозяйкою дома спеціально для офицеровъ.

Пошелъ мой знакомый въ третій разъ въ городскую управу, но герръ Андерсонъ и на этотъ разъ не подался.

— Господинъ адвокатъ Фолькъ недавно высланъ въ Иркутскъ, и я не имѣю отъ него письменнаго согласія на

---

[1]) „Веч. Вр.“ 1 апр.

принятіе къ себѣ офицера, а поэтому не могу отвести вамъ эту комнату.

Другой офицеръ изъ этой же группы узналъ стороною, что хорошая комната для офицера приготовлена у баронессы Кнорингъ. Отправляется онъ въ ея домъ. Встрѣчаетъ его очень привѣтливо, повидимому, мужъ хозяйки, проводитъ черезъ длинную анфиладу комнатъ, выводитъ на задворки и показываетъ конурку въ какомъ то-сараѣ, несомнѣнное помѣщеніе для какого-то подкучеренка.

Подобныя же издѣвательства потерпѣли и другіе искатели комнатъ. Окончилось же все это, однако, для нѣмцевъ совершенно не такъ, какъ они предполагали. Начальникъ дивизіи вступился за своихъ офицеровъ и произвелъ соотвѣтствующій нажимъ на отцовъ города. Тогда сразу нашлись комнаты и у господина адвоката Фолька, и у баронессы Кнорингъ, и у другихъ, имъ подобныхъ. Интересно, однако, знать, для какихъ же это офицеровъ были у нихъ приготовлены хорошія комнаты, которыя они такъ тщательно скрывали отъ русскихъ офицеровъ? Уже не для нѣмецкихъ ли?

2—4 апрѣля. Въ Государственномъ Совѣтѣ[1]) баронъ Шиллингъ между прочимъ сказалъ слѣдующее:

Давно уже я совѣтовалъ нашимъ сыновьямъ и братьямъ, находящимся въ рядахъ арміи, если имъ разрѣшается отпускъ, не пріѣзжать на родину въ Прибалтійскій край. Русскому офицеру лучше не знать, какъ обходятся съ его родными, какова судьба близкихъ его. Я спрашиваю, что можемъ мы сказать тѣмъ изъ нашихъ сыновей, которымъ суждено вернуться къ намъ послѣ войны. Вникните, господа, хоть на одну минуту въ наше положеніе и скажите мнѣ: неужели вы находите правильнымъ, чтобы мы были вынуждены сказать имъ: „Въ то время, когда вы сражались, въ это время правительство допустило, чтобы васъ и вашихъ близкихъ лишили чести довѣрія и правъ русскихъ подданныхъ, оставляя за вами одно только право умереть за Россію, и только тѣхъ изъ вашихъ товарищей признаютъ полноправными сынами Россіи, которые изувѣченные лежатъ тамъ, въ окопахъ, положившіе жизнь за Царя“.

Эти прекрасныя, патріотическія слова имѣли бы глубокій смыслъ и преисполнили бы населеніе Россіи полнаго довѣрія къ г. прибалтійцамъ, если бы они имѣли право

---

[1]) „Нов. Вр.“ 2 апр.

сказать со всѣхъ трибунъ, что нѣкоторые изъ ихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ не сражаются въ рядахъ германской арміи, не заслуживаютъ тамъ желѣзныхъ крестовъ, не получаютъ тамъ раненій отъ русскихъ пуль и снарядовъ и не кладутъ свою жизнь за германскаго императора.

Г. Мзура въ „Вечернемъ Времени" [1]) сообщаетъ:

Въ гамбургскомъ „Börsen-Courrier" и въ „Rheinische-Westfalische Zeitung" помѣщены совершенно однородныя статьи. Обѣ говорятъ о необходимости пріобрѣсти для нуждъ внутренняго рынка необходимое количество льна. Газеты сознаются, что запасы хлопка, доставляемаго изъ Египта и Индіи, исчерпаны и потребность въ волокнѣ необходимо пополнить льномъ. Англія не дастъ волокна, но изъ сосѣдней Россіи возможно добыть ленъ.

Россія вывозитъ почти 17 мил. пудовъ льна, въ томъ числѣ въ Германію и Австрію—около 8 мил. пудовъ. Германцы учредили особый синдикатъ въ Швеціи, дѣйствующій, конечно, подъ шведскимъ флагомъ, но получившій изъ Германіи порученіе скупать ленъ для вывоза оффиціально въ Швецію. Цѣлый рядъ германскихъ агентовъ ждетъ результата начатыхъ уже синдикатомъ съ нашими льноводами переговоровъ, и, по мѣрѣ того, какъ въ Швецію будутъ приходить вагоны съ русскимъ льномъ, они будутъ немедленно отправляться въ Германію. По крайней мѣрѣ 100 вагоновъ льна уже готовы къ отправкѣ. Называютъ имена и сроки сдѣлокъ.

Передаютъ, что германцами убито 30.000 дѣтей.

Германцы организовали возстаніе въ Дублинѣ. Толпа вооруженныхъ людей заняла одинъ изъ городскихъ парковъ и силою завладѣла почтовымъ отдѣленіемъ; были перерѣзаны телефонные и телеграфные провода и занято нѣсколько прилегающихъ къ набережной домовъ. Конечно, англичане вскорѣ прикончатъ эту тевтонскую авантюру.

5—8 апрѣля. Въ 1915 году оштрафовано въ Петроградѣ 54.467 торговцевъ, взыскано съ нихъ штрафу 2.770.626 руб-

[1]) „Веч. Вр." 2 апр.

лей. Посажено подъ арестъ 7.127 человѣкъ. Лучше было бы, если бы сажали подъ арестъ безъ штрафа.

Письма изъ арміи отличаются удивительно бодрымъ настроеніемъ; всѣмъ довольны, отлично кормятъ, тепло и хорошо одѣты.

Въ Петроградѣ появилась нѣмцелюбивая газета „День", которая изо всѣхъ силъ отстаиваетъ нѣмецкое засилье.

Яичные торговцы держатъ неразгруженными на товарныхъ станціяхъ значительные запасы яицъ.

Сенатору Кузьмину поручено производить предварительное слѣдствіе по обвиненіямъ на бывшаго военнаго министра, отставного генерала-отъ-кавалеріи Сухомлинова.

Особенно интересна корреспонденція [1]) Ратманова объ оригинальномъ побѣгѣ изъ плѣна русскаго офицера:

Съ особымъ интересомъ слушается разсказъ о бѣгствѣ изъ австрійскаго плѣна корнета Алдатова, находящагося сейчасъ на излѣченіи въ одномъ изъ мѣстныхъ военныхъ лазаретовъ. Надо удивляться той исключительной настойчивости, которая была проявлена имъ при осуществленіи столь сложнаго и рискованнаго плана бѣгства.

— Тяжело въ плѣну!—началъ свой разсказъ офицеръ.— И не даромъ многіе изъ плѣнныхъ только и мечтаютъ о побѣгѣ.

Къ мысли о побѣгѣ пришелъ и я, когда лежалъ въ вѣнскомъ госпиталѣ. Но осуществить тогда эту мысль я еще не могъ; слишкомъ ужъ строгъ былъ за мной надзоръ, да и незалѣченная рана на груди давала сильно себя чувствовать.

Съ трудомъ добылъ карту и сталъ намѣчать пути бѣгства. Сначала хотѣлъ бѣжать въ Италію, потомъ въ Румынію. Долго работалъ надъ составленіемъ плана, изучалъ все,

---

[1]) „Нов. Вр." 7 апрѣля с. г.

волновался. Какъ вдругъ слѣдующій фактъ меня неожиданно натолкнулъ на счастливую мысль.

Какъ разъ въ то время Турція объявила намъ войну.

Имѣя внѣшность восточнаго типа, я, какъ уроженецъ Кавказа, хорошо къ тому же говорю по-татарски и турецки и знаю всѣ обычаи мусульманъ. И вотъ, рѣшивъ предложить свои услуги турецкому правительству, я выдалъ себя за мусульманина и заявилъ о желаніи принять участіе въ священной войнѣ.

— Вѣдь если меня отправятъ въ турецкую армію,—разсуждалъ я,—то не иначе, какъ черезъ Румынію, такъ какъ другого пути не было: у Дарданеллъ—англичане и французы, черезъ Сербію—тоже нельзя; ну а изъ Румыніи уже не трудно будетъ бѣжать въ Россію.

Скрывая отъ всѣхъ свой планъ, подалъ въ Австрійскій Красный Крестъ соотвѣтствующее заявленіе, добавивъ къ своей фамиліи „Алибековъ", для большаго сходства съ магометанской.

Началось мучительное ожиданіе отвѣта. Отвѣта не было. А черезъ мѣсяцъ я былъ отправленъ отсюда въ лагерь военноплѣнныхъ, въ Зоннтагбергъ.

Огромный замокъ, расположенный въ живописной мѣстности, служилъ убѣжищемъ для заточенныхъ узниковъ. Познакомился съ новыми товарищами по несчастью. Всѣхъ видимо угнетала эта убогая жизнь плѣнника, и многіе мечтали о побѣгѣ. О своемъ планѣ бѣгства я и здѣсь также умолчалъ, вполнѣ сознавая, что одно неосторожное слово могло бы сразу все разстроить.

Однако время шло, а результата нѣтъ.

— Ужъ не оставили ли мою просьбу безъ послѣдствій?.. Надо какъ-нибудь напомнить о себѣ...

Въ то время комендантомъ нашего лагеря былъ австрійскій майоръ. Обращеніе его съ нами было довольно таки вѣжливое. Выбравъ однажды удобный моментъ, я посвятилъ коменданта въ свои тайны. Онъ выслушалъ меня внимательно и тотчасъ же послалъ въ Красный Крестъ письмо. Съ этихъ поръ его отношенія ко мнѣ измѣнились замѣтно къ лучшему.

Началась новая, казалось бы, вполнѣ сносная для меня жизнь. Но это только казалось, въ дѣйствительности же я ни минуты не имѣлъ покоя. Зная, что за мной слѣдятъ, я постоянно былъ на чеку. А это не такъ-то легко. Вѣдь

съ одной стороны я не могъ портить добрыхъ отношеній съ товарищами, съ другой же—малѣйшее проявленіе интимности и дружбы съ ними могло бросить тѣнь подозрѣнія и испортить мнѣ все дѣло.

И вотъ, гдѣ бы я ни былъ, сидѣлъ ли съ товарищами въ ресторанѣ замка за обѣдомъ или гулялъ вокругъ костела—обычное мѣсто нашей прогулки—я всегда старался быть задумчивымъ и держался въ сторонѣ. Этимъ я какъ бы хотѣлъ показать наблюдающимъ австрійскимъ лейтенантамъ, что теперь уже я ихъ союзникъ.

Наконецъ насталъ счастливый день. Къ намъ въ Зоннтагбергъ пріѣхалъ генералъ изъ австрійскаго военнаго министерства. Этотъ его пріѣздъ, какъ потомъ оказалось, былъ въ связи съ поданнымъ мною заявленіемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ онъ вызывалъ къ себѣ по очереди и разспрашивалъ, какъ и при какихъ именно обстоятельствахъ каждый попалъ въ плѣнъ.

Дошла и до меня очередь.

— Вотъ онъ, лейтенантъ Алибековъ! — почтительно заявилъ генералу комендантъ и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

Въ комнатѣ, кромѣ меня и генерала, никого больше не было...

Я чувствовалъ, какъ сердце забило тревогу, какъ росло волненіе.

— Выдержу ли это первое испытаніе? Не выдамъ ли чѣмъ-нибудь себя?..

Генералъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и затѣмъ обратился на чисто русскомъ языкѣ:

— Правда ли, что вы желаете поступить на службу въ турецкую армію?..

— Такъ точно!—отвѣтилъ я, самъ въ душѣ удивляясь спокойному и увѣренному тону своего голоса.

Далѣе шли разспросы, откуда я родомъ, кто были мои родители и пр. Потомъ генералъ всталъ, привѣтливо улыбнулся и, пожавъ на прощанье руку, добавилъ:

— На дняхъ комендантъ получитъ увѣдомленіе изъ военнаго министерства, и вы отправитесь тогда въ Вѣну для представленія турецкому посланнику...

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого меня потребовалъ комендантъ.

— Получено приказаніе васъ отправить въ Вѣну. Во вторникъ вы должны будете выѣхать...

Затѣмъ началось совмѣстное съ нимъ обсужденіе моего отъѣзда, которое надо было чѣмъ-либо обосновать, чтобы отвлечь возможное подозрѣніе русскихъ офицеровъ.

— Когда будете на прогулкѣ,—совѣтовалъ комендантъ,— вы зайдите въ костелъ и тамъ спрячьтесь, какъ бы съ цѣлью побѣга. Часовые найдутъ васъ, послѣ чего вы будете отправлены на городскую гауптвахту въ Вѣну.

— Нѣтъ!—возразилъ я.—Отъ этой комедіи я отказываюсь. Ужъ пусть лучше меня, яко бы, отправятъ за „тихое" поведеніе въ другой, лучшій по условіямъ жизни лагерь около Вѣны.

Комендантъ согласился. О предстоявшемъ перемѣщеніи я разсказалъ всѣмъ товарищамъ, чему никто собственно не удивился, такъ какъ случаи подобныхъ перемѣщеній бывали нерѣдко.

Насталъ день отъѣзда. Въ 5 час. утра меня разбудилъ капралъ. Быстро вскочилъ, смотрю въ окно: снѣгъ крупными хлопьями падаетъ на землю. Спустился въ ресторанъ. Комендантъ уже тамъ, меня поджидаетъ. Наскоро выпили кофе, встали, а въ это время неожиданно подходитъ ко мнѣ дочь хозяйки ресторана, Рези, и подаетъ большую коробку конфектъ, съ трогательной надписью: „Vom Herzen Liebe!"... Рези была ко мнѣ неравнодушна и провожая плакала.

Еще всѣ спали, когда я съ комендантомъ отъѣзжалъ на вокзалъ. 4 часа, проведенные въ вагонѣ, пролетѣли какъ-то незамѣтно. Я смотрѣлъ разсѣянно въ окно, весь охваченный своими переживаніями. Предстоящая встрѣча съ турецкимъ посланникомъ меня порядочно-таки волновала.

Пріѣхали въ Вѣну. Съ вокзала тотчасъ же направились къ посланнику. Казалось, никого я по пути не видѣлъ, не слышалъ ни шума трамваевъ, ни гудковъ автомобилей. Тогда я былъ во власти особыхъ думъ, только онѣ мною владѣли. Вѣдь отъ этого визита зависѣлъ весь дальнѣйшій успѣхъ плана.

Съ сильно бьющимся сердцемъ я перешагнулъ черезъ порогъ роскошнаго кабинета. Здѣсь былъ секретарь и другіе

члены турецкой миссіи. Тотчасъ же вошелъ и самъ посланникъ. Худенькій, небольшого роста, съ типичнымъ лицомъ турка, онъ былъ одѣтъ въ темный штатскій костюмъ съ красной феской на головѣ.

— Салама-лейкумъ!—промолвилъ я, отвѣсивъ поклонъ.

— Ой, Алекумъ-исаламъ!—отвѣтилъ посланникъ, одобрительно взглянувъ на меня.

Сѣли. Начались разспросы, все время по-турецки. Мнѣ вскорѣ же удалось овладѣть ихъ вниманіемъ, и я началъ передавать о себѣ все, что заранѣе было мною выдумано.

— Я осетинъ изъ Моздока. Родителей въ живыхъ нѣтъ, изъ родственниковъ же у меня остался лишь дядя, закончившій образованіе въ Константинополѣ въ медресэ (высшее учебное заведеніе). Самъ я учился въ русскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ преподаваніе арабскаго языка и моленіе преслѣдовалось правительствомъ. И немудрено поэтому, что главныя основы магометанскаго богослуженія во мнѣ заглохли и я теперь не знаю Корана...

Послѣднее умышленно было мною добавлено изъ боязни услышать вопросъ посланника изъ Корана.

— Тѣмъ не менѣе,—продолжалъ я,—въ душѣ я все же ревностный магометанинъ. И такихъ магометанъ, не умѣющихъ дѣлать намазъ (моленіе), на Кавказѣ много.

— Да, да!—воскликнулъ посланникъ.—Вы правы. Русскіе издавна насъ не любятъ. Они гяуры!..

Съ дѣланно грустнымъ видомъ я вслушивался затѣмъ въ дальнѣйшую рѣчь посланника, горячо трактовавшаго о крайне печальномъ положеніи мусульманъ на Кавказѣ.

— Ничего, не горюйте!—закончилъ онъ.—Теперь скоро будете вы нашимъ офицеромъ. Я напишу о васъ въ Стамбулъ военному министру, и, по полученіи отвѣта, вы поѣдете туда.

Затѣмъ онъ обратился къ сидѣвшему рядомъ со мной коменданту.

— Лейтенантъ Али-бей пусть погоститъ у васъ до тѣхъ поръ, пока я не получу указанія изъ Стамбула...

— Хорошо, хорошо!—отвѣтилъ майоръ и привѣтливо улыбнулся. Улыбнулись и всѣ остальные, а я скромно сидѣлъ, едва сдерживая вдругъ нахлынувшую радость....

Вскорѣ вошли лакеи и подали кофэ. Затѣмъ посланникъ пригласилъ насъ къ обѣду. Мы вошли въ огромный свѣтлый залъ съ позолоченными лѣпными украшеніями, съ большими портретами султана, выдающихся турецкихъ

дѣятелей и прежнихъ вѣнскихъ посланниковъ. Посреди стоялъ великолѣпно сервированный столъ. Сюда же вошли два маленькихъ турченка. Это дѣти посланника. Познакомились.

— Вотъ этотъ дядя скоро поѣдетъ на войну бить гяуровъ! —шутливо сказалъ дѣтямъ посланникъ, указывая на меня.

Обѣдъ былъ вкусный. Было очень оживленно.

— Алла, Алла, бисмиллахи Рохманрахимъ! [1])—воскликнулъ посланникъ, высоко поднявъ бокалъ, послѣ чего вскорѣ всѣ встали изъ-за стола и, поблагодаривъ гостепріимнаго хозяина, попрощались.

Поданный автомобиль быстро доставилъ меня и коменданта въ австрійское военное министерство. Тамъ мы пробыли недолго и тотчасъ же поѣхали въ сопровожденіи штабнаго лейтенанта въ одну изъ первоклассныхъ гостиницъ въ самомъ центрѣ Вѣны, недалеко отъ Ринкштрассе. Въ гостиницѣ мнѣ отвели роскошную комнату, а въ денщики назначили австрійскаго солдата.

Съ этого времени я предоставленъ былъ самому себѣ, и для меня началась сказочная, въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ, жизнь.

Здѣсь часто меня посѣщали австрійскіе офицеры. Чувствуя во мнѣ добраго товарища, какимъ я умѣло прикидывался, они всячески старались познакомиться возможно ближе.

Я самъ порою не вѣрилъ тому, какъ удачно я могъ вести эту тонкую игру лжи и обмана, какъ легко мнѣ удавалось разгонять набѣгающія иногда тѣни подозрѣній... И чѣмъ тѣснѣе становилась дружба съ этими офицерами, тѣмъ свободнѣе и легче мнѣ было справляться со своей ролью.

Какъ-то, помню, пріѣхалъ ко мнѣ комендантъ и вручилъ пакетъ отъ военнаго министерства съ 600 кронами,—это на мелкіе расходы. На экипировку же были особо отпущены деньги.

---

[1]) Дай, Боже, дай, Боже—во имя Создателя вселенной.

Форма русскаго офицера меня страшно смущала: слишкомъ неудобно было выходить на улицу, особенно днемъ. И вотъ вмѣстѣ съ комендантомъ я поѣхалъ въ универсальный магазинъ, гдѣ и купилъ себѣ лучшій штатскій костюмъ, нѣсколько паръ ботинокъ и другія вещи, до серебряной палочки включительно.

На другой день я уже былъ вѣнскимъ франтомъ, одѣтымъ по послѣдней модѣ. Ко мнѣ пріѣхали на автомобилѣ знакомые австрійскіе лейтенанты, гусары фонъ-Р. и фонъ-Ф. со своими симпатіями, и мы отправились кутить. Послѣ этого часто мы бывали другъ у друга, посѣщали вмѣстѣ театры, кинематографы и рестораны.

Однажды эти новые друзья пригласили меня къ себѣ на семейный балъ. Среди приглашенныхъ было много офицеровъ и дамъ. Много танцовали, играли въ летучую почту, фанты и пр. Наконецъ сѣли ужинать. Смѣхъ, разговоры, звонъ бокаловъ, все слилось въ какой-то своеобразный шумъ. Царило полное оживленіе. Въ это самое время вошелъ денщикъ и передалъ лейтенанту фонъ-Р. газету.

— Господа! вдругъ громко воскликнулъ лейтенантъ.— Ужасные слухи оправдались!.. Перемышль палъ!..

Наступила мертвая тишина. У всѣхъ, даже у дамъ, лица сдѣлались серьезными, когда читалось это первое оффиціальное сообщеніе австрійскаго генеральнаго штаба.

Настроеніе пало. Вечеръ былъ окончательно отравленъ печальнымъ сообщеніемъ, и гости вскорѣ же начали разъѣзжаться.

На слѣдующій день я нарочно вышелъ на улицу, желая понаблюдать, какъ отразится на всѣхъ вѣсть о паденіи крѣпости. Правда, слухи объ этомъ уже ходили по городу и ранѣе, но все же многіе сомнѣвались и не вѣрили, тѣмъ болѣе, что до самаго послѣдняго момента генеральный штабъ старался всячески поддержать въ народѣ вѣру въ силу Перемышля, въ то время, какъ въ дѣйствительности въ этой крѣпости уже давно царилъ голодъ, эпидеміи и полное разложеніе военной дисциплины.

Почти всюду тогда на улицахъ Вѣны собирались толпы народа, раздавались отдѣльные голоса возмущенія, росло негодованіе на правительство, ведущее страну къ вѣрной гибели. Батальоны пѣхоты, подъ командой офицеровъ, шли

понуря голову, безъ музыки и пѣсенъ. Шли лѣниво, какъ будто отпала охота къ занятіямъ.

И долго еще потомъ наблюдалось впечатлѣніе общей растерянности, угнетеннаго настроенія и полнаго упадка.

Однако этой шумной и безпечной для меня жизни вскорѣ наступилъ конецъ. Меня вызвали къ турецкому посланнику.

— О, Алибековъ!—сказалъ восторженно посланникъ— вы приняты въ нашу армію!.. Въ Стамбулѣ всѣ въ восторгѣ отъ такого небывалаго перехода офицера русской службы...

И въ доказательство искренняго расположенія онъ тутъ же вручилъ мнѣ союзническій серебряный знакъ и, подаривъ феску, лично надѣлъ ее мнѣ на голову.

Наканунѣ моего отъѣзда въ Стамбулъ у посланника былъ устроенъ прощальный балъ, гдѣ и познакомился я съ турецкимъ капитаномъ генеральнаго штаба, назначеннымъ сопровождать меня въ Турцію. Веселились до 5 час. утра, а въ 10 час. утра уже были всѣ на вокзалѣ. Провожать меня пріѣхали нѣсколько знакомыхъ австрійскихъ офицеровъ и дамъ. Они просили не забывать о нихъ, писать имъ съ пути и по пріѣздѣ въ Стамбулъ.

Ровно въ 11 час. утра поѣздъ тронулся. Я долго еще смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ навсегда уже скрылись изъ виду знакомыя лица. Передъ глазами поползли рѣденькіе лѣса, поля и отдѣльныя селенія...

Черезъ 6 час. мы приближались къ Будапешту. Подъѣзжая къ станціи, я замѣтилъ на перонѣ отдѣльную группу людей,—кто въ котелкахъ, кто въ фескахъ.

Это, какъ оказалось, была будапештская турецкая миссія съ посланникомъ во главѣ. Они пріѣхали встрѣтить меня, какъ почетнаго гостя, получивъ предварительную телеграмму отъ вѣнскаго посланника. Сопровождавшій меня капитанъ познакомилъ со всѣми, послѣ чего посланникъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать.

Не устраивала меня эта новая встрѣча. Все казалось, что и здѣсь еще продолжаютъ меня испытывать и провѣрять.

— Какой же вы тогда магометанинъ, разъ намазъ

дѣлать забыли!..—шутливо бросилъ посланникъ въ разговорѣ за ужиномъ... Всѣ засмѣялись...

И на сей разъ испытаніе блестяще было выдержано.

Въ Будапештѣ я пробылъ 3 дня и притомъ почти исключительно въ обществѣ турокъ. Съ ними посѣщалъ театры, кинематографы, тонко ведя все время свою игру.

На четвертый день былъ назначенъ нашъ отъѣздъ. На вокзалѣ мнѣ неожиданно привелось встрѣтиться съ фонъ-деръ-Гольцъ-пашой. Онъ направлялся въ Константинополь со своимъ адъютантомъ, турецкимъ офицеромъ, и оберстомъ, германскимъ штабъ-офицеромъ. Меня представили, сообщивъ подробно о моемъ намѣреніи участвовать въ священной войнѣ.

— Это хорошо,—сказалъ онъ.—Нужно бы всѣмъ чинамъ русской службы магометанскаго вѣроисповѣданія перейти на сторону турокъ...

Къ поѣзду былъ прицѣпленъ императорскій-султанскій вагонъ, въ которомъ и помѣстился фонъ-деръ-Гольцъ-паша со своими спутниками.

Черезъ нѣсколько времени, въ пути, я былъ удостоенъ милостиваго вниманія фонъ-деръ-Гольцъ-паши, который пригласилъ меня въ свое купэ побесѣдовать. Разговоръ нашъ носилъ совершенно частный характеръ.

Отвѣчая на его вопросы, я разсказалъ, гдѣ получилъ общее и военное образованіе. Затѣмъ, желая польстить его самолюбію, умышленно добавилъ, будто бы юнкера Виленскаго военнаго училища, которое окончилъ и я, очень интересовались его личностью, изучая его талантливую книгу „Нѣмецкій солдатъ въ бою“.

— Пріятно слышать,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Теперь мы часто будемъ съ вами встрѣчаться...

Затѣмъ пригласилъ меня къ обѣду въ вагонъ-ресторанъ, и здѣсь надолго еще затянулась наша бесѣда.

Наконецъ поѣздъ сталъ приближаться къ Румыніи—къ странѣ моихъ мечтаній, гдѣ должно было свершиться великое въ моей жизни.

Къ моему счастью нашъ путь проходилъ черезъ Букарестъ.

— Вѣдь тамъ нашъ посланникъ!—радовался я.—Это обстоятельство можетъ въ значительной степени облегчить осуществленіе моего побѣга въ Россію.

Мозгъ усиленно работалъ, изобрѣтая всевозможные способы обмана бдительности моихъ спутниковъ и особенно турецкаго капитана. За время пути мнѣ все же удалось пріучить ихъ къ временному моему отсутствію изъ вагона, для чего я часто уходилъ одинъ то на площадку, то въ сосѣдній вагонъ, или въ вагонъ-ресторанъ, стараясь всегда самъ каждый разъ возвращаться въ свое купэ, не ожидая ихъ вызова. На остановкахъ нарочно гулялъ по платформѣ до самаго послѣдняго момента, послѣ чего на ходу вскакивалъ въ ближайшій вагонъ и затѣмъ, не спѣша, приходилъ уже въ свой. Такимъ образомъ мое временное отсутствіе послѣ отхода поѣзда уже не должно было вызывать никакихъ подозрѣній.

Стоило большихъ усилій, чтобы скрыть нароставшее волненіе при нашемъ приближеніи къ Букаресту. Вотъ, наконецъ, и вокзалъ, такъ памятный теперь для меня На платформѣ большое оживленіе,—масса публики. Мои спутники подошли къ окну и беззаботно стали разсматривать снующую взадъ и впередъ толпу.

Я воспользовался этимъ моментомъ и, захвативъ маленькій чемоданъ, незамѣтно вышелъ на площадку вагона.

Сердце било тревогу. Это былъ рѣшительный и послѣдній моментъ...

И вотъ, какъ только тронулся поѣздъ, я быстро перешелъ въ противоположный движенію конецъ черезъ нѣсколько вагоновъ и, соскочивъ на тихомъ еще ходу, слился съ толпой, хлынувшей къ выходу...

Сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ русскому посланнику. Здѣсь ко мнѣ отнеслись сперва съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что въ удостовѣреніи личности, кромѣ турецкаго паспорта, гдѣ я значился подъ фамиліей Али-Бей, у меня ничего больше на рукахъ не имѣлось. Однако, разсказанная мною исторія побѣга заставила измѣнить обо мнѣ мнѣніе, послѣ чего и было мнѣ выдано надлежащее проходное свидѣтельство.

Не могу передать словами охватившаго меня радостнаго чувства, когда попалъ въ поѣздъ, отправляющійся въ Россію! До этого момента я все же тревожился еще за свою участь, видя буквально въ каждомъ человѣкѣ шпіона. Теперь же сразу отпала волна крови отъ сердца. Мысль о страхѣ

стала почему-то смѣшной, ее смѣнила дѣтская безудержная радость.

— Но что только было, когда я снова попалъ въ родной полкъ! Эту восторженную и теплую встрѣчу боевыхъ товарищей я до конца дней не забуду.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“ [1]) утверждаетъ: до несомнѣнной и мельчайшей точности отмѣчаю, что за время войны германцы похоронили у себя внутри страны ровнымъ счетомъ четвертую часть нашихъ плѣнныхъ тамъ. Другими словами, германскій плѣнъ отправляетъ на кладбище каждаго четвертаго несчастнаго, попавшаго туда.

Объявлена такса на яйца передъ Пасхой. Лишь только таксу объявили, какъ торговцы убрали всѣ яйца. Петроградскому обывателю пришлось купить нѣсколько яицъ и совершенно случайно ему прислали нѣсколько десятковъ яицъ. Если бы не было этой присылки, то пришлось бы сидѣть безъ краснаго яичка на Свѣтлый День.

Въ большихъ магазинахъ на Невскомъ за поросенка просятъ отъ 20—25 рублей, и яблоки отъ 8—20 рублей за штуку.

Вотъ каковы благочестивые, россійскіе торговцы.

---

9 апрѣля. Высадка русскихъ войскъ въ Марсели произвела большое впечатлѣніе на общественное мнѣніе всей Европы. Нейтральная печать сообщаетъ, что во Францію посланы отборные полки, составленные изъ закаленныхъ въ бояхъ офицеровъ и солдатъ.

Г. Арс. Вознесенскій въ „Новомъ Времени“ [2]) сообщаетъ по поводу рѣчи барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ о родѣ бароновъ Шиллинговъ.

---

[1]) „Рус. Сл.“ 8 апрѣля с. г.
[2]) „Нов. Вр.“ 9 апрѣля

I.

Рѣчь барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ обратила заслуженное вниманіе. Шутка ли, въ теченіе болѣе часа, съ совершенно несвойственнымъ тяжелой германской крови энтузіазмомъ говорить о своемъ русскомъ патріотизмѣ, клясться въ лояльности Государю, кивать на „суворинскую" печать и перечислять всѣхъ своихъ хотя бы и отдаленныхъ родственниковъ, которые такъ или иначе сражаются противъ Германіи!

Но баронъ не закончилъ списка своей именитой и знатной родни. Онъ позабылъ о тѣхъ, гораздо болѣе многочисленныхъ Шиллингахъ, которые дерутся противъ Россіи въ рядахъ нашихъ враговъ, пруссаковъ. И вотъ о нихъ мнѣ случайно напомнилъ все тотъ же „Готскій Альманахъ".

II.

Въ небольшомъ томикѣ альманаха столбового германскаго дворянства подъ заглавіемъ „Готская карманная книжка баронскихъ родовъ", изд. 1916 г. (Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Freiherrlichen Häuser") на стр. 727 и послѣдующихъ читаемъ:

Бароны Шиллинги.

1) Баронъ (Freiherr) Эрнестъ-Вильгельмъ-Августъ-Францъ-Викторъ—прусскій поручикъ въ отставкѣ.

2) Баронъ Вильгельмъ-Августъ-Александръ—капитанъ, ротный командиръ въ 1-мъ прусскомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку.

3) Баронъ Людвигъ-Карлъ — прусскій поручикъ въ отставкѣ.

4) Баронъ Фридрихъ—прусскій майоръ, командиръ эскадрона въ 7-мъ гусарскомъ прусскомъ полку.

5) Баронъ Леопольдъ-Адольфъ—короля вюртембергскаго полка ротмистръ въ отставкѣ.

6) Баронъ Евгеній—прусскій майоръ л.-гв. гусарскаго полка въ Потсдамѣ.

7) Баронъ Александръ-Августъ—прусскій ротмистръ, эскадронный командиръ 7-го гусарскаго полка.

8) Баронъ Феодоръ-Фердинандъ-Эдуардъ-Викторъ—короля баварскаго полка, капитанъ въ отставкѣ.

9) Баронъ Вальтеръ—старшій поручикъ (оберъ-лейтенантъ) и адъютантъ 1-го полевого артиллерійскаго прусскаго полка.

10) Баронъ Германъ—прусскій капитанъ въ отставкѣ.

11) Баронъ Губертъ—прусскій майоръ въ отставкѣ.

12) Баронъ Вильгельмъ—прусскій оберъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

У б и т ы:

13) Баронъ Карлъ Шиллингъ, майоръ, батальонный командиръ прусскаго 116 пѣхотнаго полка—† 2 ноября 1914 г.

14) Баронъ Рудольфъ Шиллингъ—прусскій оберъ-лейтенантъ лейбъ-гренадерскаго полка № 109—† 20 августа 1914 года.

15) Баронъ Германъ Шиллингъ—прусскій поручикъ лейбъ-гренадерскаго полка № 109—† 11 мая 1915 года.

Съ 1-го по 10-е апрѣля боевыя дѣйствія протекали такимъ образомъ: на западномъ фронтѣ—продолжались столкновенія развѣдывательныхъ партій, ружейная и артиллерійская перестрѣлка, полеты аэроплановъ и минная борьба. Нѣкоторыя особенности на участкахъ этого фронта происходили у предмостнаго укрѣпленія Икскюля на Рижскомъ фронтѣ. Вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ нѣмцы тщетно долбятъ это вынесенное на лѣвый берегъ укрѣпленіе своей тяжелой артиллеріей и производятъ неизмѣнно неудачныя атаки.

Къ югу отъ Двинскаго фронта у д.д. Свинцянъ и Сморгони атаки нѣмцевъ были отбиты, а въ районѣ Горбуновки мы захватили 4 ряда проволочныхъ загражденій.

На Волынскомъ фронтѣ происходили бои у Олыка, а на Галиційскомъ у дер. Попова Гора наступленіе сопровождалось перемѣннымъ успѣхомъ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Генералъ Юденичъ и его кавказскіе орлы вершатъ чудеса храбрости и искусства. У Битлиса разбита нами вновь прибывшая дивизія. У Ашкомы, къ западу отъ Эрзерума, мы овладѣли укрѣпленной позиціей, которую обороняли прибывшія съ Галипольскаго полуострова турецкія войска; мы овладѣли сильно укрѣпленной позиціей на лѣвомъ берегу Кара-Дере, при энергичномъ

содѣйствіи полевой артиллеріи и черноморскаго флота. Наконецъ войсками генерала Ляхова взятъ Трапезонтъ.

Относительно позорнаго потопленія госпитальнаго судна „Португалія" турецкое правительство привело мальчишескія и не менѣе позорныя оправданія, которыя мы здѣсь приводимъ съ разъясненіемъ нашего морского генеральнаго штаба.

Турецкое правительство нашло наконецъ возможнымъ отозваться по поводу потопленія госпитальнаго судна „Португалія", приведя въ своемъ сообщеніи нижеслѣдующія указанія: 1) Судно было замѣчено подводной лодкою еще ночью, когда оно шло къ берегу, неся топовый огонь. 2) Съ разсвѣтомъ было установлено, что русское судно имѣло на буксирѣ нѣсколько шлюпокъ, наполненныхъ солдатами. 3) Командиръ подводной лодки передъ взрывомъ убѣдился, что имѣетъ передъ собою выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ съ красной полосою военный транспортъ, занятый выгрузкою боевыхъ припасовъ. 4) на суднѣ не имѣлось никакихъ опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста". 5) Атакуя „Португалію", лодкѣ удалось попасть въ нее второй миною, взорвавшейся подъ мостикомъ и вызвавшей взрывъ большого количества взрывчатыхъ веществъ, несомнѣнно находившихся на суднѣ. 6) Если при этомъ дѣйствительно погибли люди, принадлежащіе къ личному составу „Краснаго Креста", то турецкое правительство изъявляетъ глубокое сожалѣніе, указывая однако, что вина въ этомъ падаетъ на русскихъ, допустившихъ присутствіе личнаго состава „Краснаго Креста" на суднѣ, которое служило военнымъ цѣлямъ и имѣло назначеніе нанести вредъ турецкому правительству.

По этому поводу морской генеральный штабъ напоминаетъ, что атака „Португаліи" была произведена въ ясное свѣтлое утро и на разстояніи всего лишь 25 саж., послѣ того какъ лодка обошла судно кругомъ подъ кормою съ одного борта на другой вплотную. При такомъ условіи командиръ подводной лодки не могъ ошибиться, не могъ не увидѣть опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста" съ бѣлою окраскою судна, не могъ принять боты, предназначенные для перевозки раненыхъ, за шлюпки, наполненныя солдатами, не могъ предположить, что имѣетъ передъ собою военный транспортъ, занятый выгрузкой боевыхъ запасовъ,

и не могъ принять эффектъ взрыва своей мины за детонацію какихъ-то взрывчатыхъ веществъ, якобы находившихся на „Португаліи“.

Кромѣ того, само же турецкое сообщеніе указываетъ, что лодка еще ночью увидѣла топовый огонь госпитальнаго судна, идущаго совершенно открыто и безъ какой бы то ни было защиты. Между тѣмъ всѣмъ военнымъ морякамъ извѣстно, что во время войны войсковые транспорты, идя въ сферѣ вѣроятнаго воздѣйствія непріятеля, огней ночью не несутъ и идутъ въ сопровожденіи необходимой защиты, отнюдь не останавливаясь открыто въ непріятельскихъ водахъ.

Такимъ образомъ, редакція непріятельскаго сообщенія, разсчитанная, повидимому, на то, чтобы внушить обществу предположеніе объ ошибкѣ командира подводной лодки, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, ни въ чемъ не мѣняетъ нашего мнѣнія о безнравственныхъ методахъ, примѣняемыхъ непріятелемъ во время настоящей войны, и не уменьшаетъ отвѣтственности турецкаго правительства за противузаконное потопленіе признаннаго имъ госпитальнаго судна „Португалія“.

В. П.

Къ портрету рядового Бирахманъ Турабаева

(Нѣмецкія звѣрства).

Въ прошлой книгѣ „Русской Старины" въ „Замѣткахъ петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны" (стр. 143) было указано, какое значеніе для надлежащаго освѣщенія германскихъ звѣрствъ настоящей войны имѣетъ слѣдственная комиссія сенатора Кривцова.

Предлагаемъ вниманію читателей (протоколъ этой комиссіи № 6) фотографію рядового стрѣлковаго полка Бирахманъ Турабаева, раненаго германской разрывной пулей 30-го мая 1915 года въ раіонѣ С., при чемъ при медицинскомъ освидѣтельствованіи у Турабаева, раненаго въ лѣвую щеку, выходное отверстіе пулевого канала представляло „громадную рваную размозженную рану, занимающую всю правую щеку". Языкъ Турабаева, обѣ щеки и скуловая кость правой половины были размозжены, на нёбѣ, оторванномъ отъ своего основанія, имѣлось отверстіе, ведшее въ полость носа и въ основаніе мозга.

Надлежало бы этой фотографіей украсить столъ у постели кроваваго кайзера,

---

3

Кн. С. М. Волконскаго въ память Врангеля прекрасно и отчетливо выяснена высоко выдающаяся личность почившаго и тѣ несомнѣнныя заслуги, которыя онъ оказалъ исторіи родного искусства. Въ концѣ книги приложены печатные труды барона Н. Н. Врангеля.

Великорусскія сказки Вятской губерніи съ приложеніемъ текста вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленчука. Петроградъ. 1915 г.

Книга эта, снабженная искусно составленнымъ предисловіемъ, содержитъ описанія 139 интересныхъ сказокъ, записанныхъ разными лицами, съ обозначеніемъ областныхъ словъ и интереснѣйшими примѣчаніями къ сказкамъ.

С. Ф. Либровичъ. Загадочный фельдмаршалъ русской арміи. Петроградъ. 1915 г.

Авторъ излагаетъ интересную страницу въ русской исторіи первой четверти 18-го столѣтія, когда подъ вліяніемъ политическихъ брачныхъ интригъ литовскій гетманъ Янъ Казиміръ Сапѣга 10 марта 1726 года императрицей Екатериной I былъ назначенъ генералъ-фельдмаршаломъ русской арміи. Это произошло потому, что Меншиковъ, желая породниться со знатнымъ родомъ, сосваталъ свою дочь, княжну Марію Александровну, съ сыномъ гетмана Сапѣги, Петромъ. Молодой Петръ Сапѣга понравился Екатеринѣ I, и она черезъ нѣкоторое время, въ свою очередь, тайно отъ Меншикова, просватала свою племянницу, графиню Софью Скавронскую, за красавца Петра Сапѣгу. Меншиковъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и уговорилъ императрицу Екатерину I замѣнить прежняго жениха своей дочери цесаревичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (Петромъ II). Таковы причины появленія малоизвѣстнаго россійскаго фельдмаршала.

Разсказъ составленъ интересно и въ немъ приведены фотографическіе портреты дѣйствующихъ лицъ.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. Императ. уч. глухонѣмыхъ.